

Кулиникова В.

Два пламени

История о любви,
которая сильнее
границ миров

Виктория Кулиникова

Два пламени

«Автор»

2026

Кулиникова В.

Два пламени / В. Кулиникова — «Автор», 2026

Все события и герои этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, местами, обстоятельствами и историями случайны. Ну а если кому-то всё-таки покажется, что он узнал себя, — автор за богатое воображение читателя ответственности не несёт. Есть истории, которые начинаются правильно: он встречается её, она встречается его, оба свободны, молоды, прекрасны, психологически проработаны и почему-то совершенно ничем не заняты по вечерам. Дальше полагается влюбиться, немного пострадать из-за какого-нибудь досадного недоразумения, всё выяснить, пожениться и жить долго и счастливо. У героев так не получилось.

© Кулиникова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
1. Сырга салу	7
2. Акжол	23
3. Семья Акжола	30
4. После сырға салу	37
5. Троица летит к морю	43
6. Анна	53
7. Первое море	61
8. До свидания, Анна	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Два пламени

Введение

Все события и герои этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, местами, обстоятельствами и историями случайны.

Ну а если кому-то всё-таки покажется, что он узнал себя, — автор за богатое воображение читателя ответственности не несёт.

Есть истории, которые начинаются правильно: он встречается её, она встречается его, оба свободны, молоды, прекрасны, психологически проработаны и почему-то совершенно ничем не заняты по вечерам. Дальше полагается влюбиться, немного пострадать из-за какого-нибудь досадного недоразумения, всё выяснить, пожениться и жить долго и счастливо.

У героев так не получилось.

Героине за сорок, герой младше, и оба к моменту встречи уже успели обзавестись собственной жизнью, привычками, обязательствами и довольно твёрдыми представлениями о том, что будет дальше. Друг для друга места в этих планах они не оставили. Собственно, они вообще не собирались встречаться.

Но встретились.

А дальше выяснилось, что иногда одного человека достаточно, чтобы всё, что ещё вчера казалось понятным и правильно устроенным, начало подозрительно шататься.

И происходить это будет не в красивом вакууме любовного романа, где герои предоставлены исключительно своим чувствам. Вокруг героя есть семья. Большая казахская семья, а это, согласитесь, несколько меняет масштаб происходящего. Здесь решение двух взрослых людей при определённых обстоятельствах вполне способно стать предметом обсуждения ещё человек двадцати, причём часть из них обязательно знает, как следовало поступить, другая уже обиделась, третья готовится давать совет, а бабушка вообще молчит. И вот последнее как раз должно настораживать больше всего.

Будут сырға салу, қыз ұзату и бата, родственники, друзья, свадьба и море. Особенно море. Мужчины здесь временами будут молчать с таким выражением лица, будто только что приняли решение государственного значения, а женщины — пытаться догадаться, что именно они этим молчанием хотели сказать. Иногда женщины будут угадывать. Иногда лучше бы не угадывали.

И все они будут ошибаться.

Не потому, что плохие или глупые. Просто люди вообще редко ведут себя безупречно, когда дело касается любви, ревности, страха, семьи и необходимости выбирать между тем, что считается правильным, и тем, чего на самом деле хочется.

Связь Анны и Акжола тоже можно объяснить по-разному. Совпадение, сильное влечение, зависимость, кризис среднего возраста — последнее особенно удобно, когда женщине больше сорока. После определённой цифры в паспорте окружающие вообще получают удивительное право объяснять возрастом практически всё, что женщина делает не по инструкции.

Есть и другое название — близнецовые пламена.

Вокруг него за последние годы появилось столько мистики, что человеку, случайно открывшему интернет в поисках объяснения, довольно быстро начинает хотеться закрыть его обратно. Высшие вибрации, предназначение душ, энергетические порталы, обязательное духовное пробуждение... В какой-то момент становится совершенно непонятно, можно ли просто любить человека или для начала необходимо спасти Вселенную.

В этой книге спасти Вселенную никто не собирается.

Гораздо интереснее другое: что происходит с обычными взрослыми людьми, когда возникает связь, которую они сами не могут толком объяснить. Когда один чувствует её раньше, а второй пугается и пытается вернуться туда, где всё было понятно. Когда расстояние вроде бы должно помочь, время — вылечить, здравый смысл — победить, а ничего из этого почему-то не работает так, как положено.

Поэтому «Два пламени» — не инструкция по поиску своей мистической половины и тем более не руководство к немедленному разрушению собственной жизни. Не стоит, дочитав до последней страницы, бросать мужа, покупать билет к морю и внимательно рассматривать каждого мужчину в аэропорту в ожидании судьбоносного узнавания.

Хотя билет к морю — в принципе неплохая идея.

Это просто история двух взрослых людей, которые встретились совершенно не вовремя и довольно долго пытались понять, что теперь с этим делать. Они будут расставаться, возвращаться, злиться, упрямиться, принимать разумные решения и временами совершать совершенно неразумные поступки. Вмешиваться будут обстоятельства, родственники, друзья, традиции и, конечно, они сами — потому что человек обычно способен осложнить собственную жизнь гораздо эффективнее любой судьбы.

А ещё хотелось написать историю о женщине, которой за сорок, без привычного снисхождения к её возрасту. Потому что после сорока женщина не превращается в мудрую декорацию при чужой жизни. Она всё ещё может влюбиться не в того, испугаться, ошибиться, начать сначала, надеть красивое платье, улететь к морю и однажды обнаружить, что самые неожиданные события её жизни почему-то никто не удосужился запланировать на двадцать пять.

Ну а дальше действительно будет почти как в хорошем турецком сериале: любовь, слёзы, семейные тайны, свадьба, люди, которые вовремя не сказали самого важного, и люди, которые сказали лишнее.

Только с казахским колоритом.

Так что чай лучше всё-таки налить заранее.

1. Сырға салу

Дни до Сырға салу пролетели в бесконечных заботах. Подготовка требовала внимания к каждой мелочи, ведь по тому, как семья жениха проведет обряд, будут судить о ее достатке, воспитании и уважении к будущим родственникам. Нужно было подобрать подарки для каждого члена семьи девушки, никого не забыв и никого не обидев. В праздничные корзины укладывали сладости, фрукты, отрезки дорогой ткани, платки, украшения, а для старших родственников готовили конверты с деньгами. Каждая вещь имела свое значение и должна была быть преподнесена с почтением. Женщины часами обсуждали, что и кому подарить, мужчины решали организационные вопросы, а дом постепенно заполнялся красиво упакованными свертками и коробками. Чем ближе был назначенный день, тем чаще разговоры в доме снова возвращались к предстоящему празднику — даже тогда, когда, казалось, всё уже обсудили.

На себя Акжол взял самую ответственную часть подготовки — выбрать серьги для будущей невесты. Серьги здесь были не просто украшением: именно их надевали невесте во время Сырға салу, и после этого разговор о скорой свадьбе становился уже не отвлечённым семейным планом. Покупать что-нибудь «лишь бы красивое» Акжол не собирался. Снова и снова заходил в ювелирные магазины, долго рассматривал витрины, перебирал десятки вариантов, сравнивал узоры, размер и блеск камней. Закрывая глаза, он мысленно вспоминал ее образ, пытаясь представить, какие серьги лучше подчеркнут ее красоту. Ему хотелось, чтобы, надев их, она улыбнулась той самой улыбкой, ради которой он был готов на все. Поэтому поиски затянулись на несколько дней. Лишь когда он увидел изящную пару, в которой не было ничего вычурного, но было много благородства и нежности, Акжол понял — именно их он и искал. В какой-то момент он просто перестал сравнивать: увидел эту пару и понял, что дальше искать незачем.

К серьгам Акжол сразу же подобрал изящный кулон. Ему хотелось, чтобы украшения составляли единый комплект — такой же гармоничный, как и его чувства. Он долго прикладывал кулон к серьгам, представляя, как они будут смотреться вместе. Когда продавец бережно уложил комплект в бархатную коробочку, Акжол впервые за несколько дней почувствовал настоящее облегчение. С главным подарком наконец было покончено. Оставалось лишь дожждаться дня, когда серьги займут свое место, а кулон станет еще одним напоминанием о начале их общей истории.

День Сырға салу наступил неожиданно быстро, хотя последние несколько суток Акжолу временами казалось, что календарь нарочно издевается и тянет время. Он проснулся еще до рассвета. Сон давно исчез, уступив место приятному волнению, от которого сердце билось чуть быстрее обычного. Сегодня всё становилось по-настоящему серьёзным. Впереди ждали родные, долгая дорога, соблюдение древних обычаев и день, который он будет помнить всегда. Акжол не мог сдержать улыбки. Он ловил себя на беспричинной улыбке и даже не пытался её прятать.

На праздник решили ехать следующим составом: мама с отцом, брат с женой, бабушка Аида, дядя с тетей, друг Сапар с супругой Асель, неутомонный Аманжол, способный превратить любую поездку в маленькое представление, сам Акжол.

Провести обряд Сырға салу решили в доме невесты — в небольшом, тихом селе неподалёку от города, где Салтанат появилась на свет, сделала свои первые неуверенные шаги, научилась говорить, смеяться, бегать босиком по тёплой земле и впервые узнала, что у каждого дома есть свой запах, свой голос и своя память. Здесь стоял родительский дом её матери — не новый, не особенно большой, но такой родной, что даже спустя годы Салтанат, переступая его порог, неизменно испытывала странное чувство возвращения в детство. В этом доме жили её любимые бабушка и дедушка, люди, которые знали историю семьи почти до самого её начала, хранили старые фотографии, пожелтевшие письма, свадебные платки, украшения, передававшие

еся от женщины к женщине, и помнили те времена, о которых молодые уже знали только по рассказам.

Именно сюда семья жениха должна была впервые официально приехать в новом качестве — как будущие родственники, чтобы провести один из самых важных обрядов, предваряющих свадьбу. Поэтому другого места для Сырға салу никто даже не обсуждал. Хотелось, чтобы всё произошло здесь — среди знакомых стен, старых деревьев и той самой земли, которая видела Салтанат девочкой и теперь должна была увидеть её уже не ребёнком, а невестой.

С утра во дворе было шумнее, чем обычно бывает в целом селе. У дома было непривычно многолюдно: во дворе сновали женщины, кто-то заносил из кухни большие блюда, кто-то поправлял скатерти на длинных столах, кто-то развешивал украшения, а мужчины занимались тем, что для женщин всегда выглядело удивительно просто, хотя на деле требовало немало сил: разгружали привезённые продукты, переставляли лавки, проверяли, чтобы всё было готово к приезду гостей.

Рядом с домом начали устанавливать большую белоснежную юрту.

Её белый купол постепенно поднимался над двором, словно ещё один, древний дом возникал рядом с современным жилищем, соединяя настоящее с прошлым. Высокие деревянные кереге расправляли по кругу, одну за другой закрепляя между собой, пока лёгкая конструкция не приобретала форму просторного жилища. Поверх кереге натягивали белоснежные полотнища, а затем поднимали уық — длинные деревянные жерди, сходящиеся кверху, к шаныраку. Несколько мужчин осторожно удерживали его, пока остальные закрепляли жерди, и вскоре над двором возник знакомый каждому казаху силуэт — круглый шанырак, открытый небу, словно символ продолжения рода и вечности.

Юрту украшали с особой тщательностью. На стенах появились яркие баскуры и декоративные полосы с традиционным орнаментом, вдоль стен расставили сундуки, накрытые вышитыми покрывалами, разложили көрпеше — небольшие нарядные матрасы и подушки, предназначенные для гостей. На почётном месте постелили особенно красивый сырмак с традиционным узором. Его чёрно-белые орнаменты складывались в строгие, плавные линии, и казалось, будто в каждом завитке зашифрована память о женщинах, которые когда-то сидели на этом же месте, принимали сватов, провожали дочерей в чужие семьи и давали им свои последние наставления.

В центре юрты оставили достаточно свободного пространства для обряда. Там уже готовили низкие столики, на которые позже должны были поставить баурсаки, конфеты, сухофрукты, сладости, фрукты и традиционные угощения. В больших блюдах ждали своего часа кусочки курта, орехи и сладкие восточные угощения. Отдельно готовили дастархан для старших, потому что в этот день особенно важно было не только накормить гостей, но и показать уважение к каждому человеку, который приехал разделить с семьёй радость.

Во дворе пахло свежим деревом, горячим тестом и мясом, которое готовилось на кухне. Откуда-то издалека доносился смех женщин. Дети, которым взрослые несколько раз велели не бегать под ногами, всё равно носились между домом и юртой, с любопытством заглядывая туда, где происходило что-то явно важное. Мужчины иногда останавливались у ворот, поглядывали на дорогу и обсуждали, когда примерно должны появиться гости.

Бабушка Салтанат почти не отходила от юрты. Она то поправляла край скатерти, то проверяла подушки, то просила переставить блюдо на дастархане, хотя всё уже давно было идеально. Ей хотелось контролировать каждую мелочь, потому что для неё этот день был гораздо больше, чем просто семейное торжество. Она смотрела на подготовленную юрту и вспоминала, сколько девушек сидело когда-то на подобных праздниках, сколько невест уходило из родительских домов с надеждой на счастливую жизнь.

Теперь настала очередь её внучки.

на секунду старушка задержала взгляд на старом доме. Ей вспомнилось, как когда-то Салтанат бегала по этому двору маленькой девочкой, как пряталась за яблоней, когда не хотела идти домой, как зимой сидела у окна и ждала первых снежинок, а летом просыпалась от птичьего гомона. Тогда невозможно было представить, что эта маленькая девочка однажды будет сидеть здесь в наряде невесты, а чужая семья придет просить её руку.

Солнце постепенно поднималось выше, окрашивая белые стены юрты тёплым золотом. Белизна её купола светилась почти празднично, а над шаныраком виднелось чистое голубое небо. К приезду гостей успели всё — по крайней мере, так казалось тем, кто уже несколько часов бегал между домом, кухней и юртой. И когда на дороге показались первые машины, во дворе словно на секунду стало тише. Женщины поправили платья и платки, мужчины вышли ближе к воротам, старшие заняли свои места. Кто-то тихо сказал, что гости уже подъезжают. Салтанат, находившаяся в доме, услышала шум автомобилей и вдруг почувствовала, как внутри всё сжалось от волнения. Во двор въезжали машины семьи Акжол, вместе с ними в её жизнь входило что-то новое, от чего уже невозможно было просто отмахнуться. Белая юрта стояла рядом со старым домом, и казалось, что два времени встретились в одном дворе: прошлое, в котором Салтанат была ребёнком, и будущее, в котором она должна была стать женой. А над ними обоими возвышался шанырак — круглый, неподвижный, древний символ семьи, под которым сегодня должны были прозвучать первые слова о новом родстве.

Утро уже окончательно вступило в свои права, когда машины одна за другой начали выезжать со двора. Солнце поднялось достаточно высоко, чтобы золотистым светом залить крыши домов, верхушки деревьев и ещё влажный после ночной прохлады асфальт. Город постепенно просыпался: где-то открывались магазины, на остановках уже стояли первые люди, редкие автобусы тяжело трогались с перекрёстков, а машины семьи Акжол, украшенные праздничными лентами, одна за другой вливались в утренний поток.

До места, где родилась Салтанат, было совсем недалеко — всего около часа дороги. Поэтому никто не торопился, не нервничал из-за времени и не поглядывал каждые пять минут на часы. Они выехали достаточно рано, чтобы спокойно добраться, не заставляя хозяев ждать, но и не настолько рано, чтобы отправляться в путь ещё затемно. Впереди была обычная утренняя дорога, а за ней — белая юрта, дастархан, родня невесты и Сырға салу.

В первой машине ехал Акжол.

За рулём сидел Сапар — человек, который считал себя если не профессиональным гонщиком, то, по крайней мере, водителем с выдающимися способностями. Рядом с ним устроилась Асель, а на заднем сиденье разместились Акжол и Аманжол. Аманжол, как обычно, умудрился занять больше места, чем требовалось одному человеку: он развалился на сиденье, вытянув ноги, поправил воротник праздничной рубашки и с таким видом смотрел в окно, словно не ехал на Сырға салу, а отправлялся на гастроли.

Сапар завёл двигатель, включил музыку и посмотрел на пассажиров в зеркало. — Все на месте? — Жених на месте, — сообщил Аманжол. — Я не спрашивал про жениха. — А зря. Сегодня это самый важный пассажир. — Тогда проверь его, — предложила Асель. — Он с утра какой-то слишком тихий. Сапар снова посмотрел в зеркало. — Акжол? — Что? — Ты живой? — Вполне. — Дышишь? — Пока да. Аманжол немедленно подхватил: — Пульс есть? Акжол посмотрел на него. — Хочешь проверить? — Нет. Сегодня у меня белая рубашка. Кровь плохо отстирывается. Асель засмеялась, а Сапар покачал головой. — Я вас обоих высажу. — Не можешь, — невозмутимо ответил Аманжол. — Мы свидетели твоей водительской репутации. — Какой ещё репутации? — Очень богатой. — В каком смысле? — Историями. Акжол рассмеялся. — Не отвлекайте водителя. — Вот! — торжественно заявил Сапар. — Хоть один разумный человек в машине. — Я просто хочу доехать живым. — И правильно, — сказала Асель. — Потому что у нас сегодня важное мероприятие. Сапар включил поворотник и выехал на трассу.

Город быстро остался позади. Высотные дома сменились частным сектором, потом появились редкие постройки, заправки, небольшие придорожные кафе, и вскоре впереди открылась степь. Она была совсем другой, чем в полдень: свежей, прозрачной, почти серебристой от утреннего света. На траве ещё блестели капли росы, вдали паслись небольшие табуны лошадей, а над горизонтом медленно таяли последние полосы лёгкой дымки.

Акжол сидел у окна и смотрел на всё это с необыкновенным вниманием. Он знал эту дорогу. Ездил здесь не раз. Знал, где будет поворот, где появится старая автобусная остановка, где дорога немного поднимается, а затем снова спускается. Но сегодня всё выглядело иначе. Наверное, потому, что он ехал по ней не просто куда-то. Он ехал навстречу событию, которое должно было изменить его жизнь.

В кармане лежал телефон. Акжол несколько раз машинально проверял его, хотя прекрасно понимал, что Салтанат сейчас занята приготовлениями и вряд ли станет ему писать. В отдельной сумке лежала коробочка с серьгами — подарок, который он выбирал особенно тщательно. Он вспоминал, сколько времени потратил на поиски, как перебирал варианты, как представлял украшение на её ушах.

Сегодня он должен был сам увидеть, как Раушан наденет их на Салтанат. От этой мысли внутри становилось тепло. — Ну что, — раздался голос Сапара, — будущий муж, какие ощущения? Акжол оторвался от окна. — Нормальные. — Нормальные — это какие? — Обычные. Аманжол тут же вмешался: — Он врёт. — Почему? — спросил Акжол. — Потому что человек, который сидит уже пятнадцать минут с одной и той же улыбкой, либо влюблён, либо выиграл в лотерею. Сапар хмыкнул. — Лотереи у него сегодня не было. — Значит, первое. Акжол покачал головой. — Вы можете хотя бы сегодня меня не обсуждать? — Нет, — совершенно честно ответил Аманжол. Асель повернулась к нему: — Почему? — Потому что сегодня у нас есть редкая возможность. Жених сидит рядом, никуда не денется и вынужден нас терпеть. — Вот это дружба, — заметил Акжол. — Настоящая, — подтвердил Аманжол. Несколько минут ехали молча. Потом Аманжол вдруг выпрямился, расправил плечи, поправил волосы и неожиданно торжественно произнёс:

— Уважаемые пассажиры! Сегодня на борту нашего транспортного средства находится жених Акжол, направляющийся на один из важнейших обрядов своей жизни. Просьба пристегнуть ремни, убрать слёзы радости и подготовиться к встрече с будущей тёщей. Сапар расхохотался. — Ты совсем уже? — Я создаю атмосферу. — Ты создаёшь шум. — Это и есть атмосфера. Асель прикрыла рот рукой, смеясь. Акжол посмотрел на Аманжолу: — А про будущую жену ты ничего не скажешь? — Про неё я скажу отдельно. Это серьёзная часть программы. Аманжол на секунду сделал торжественное лицо, а затем вдруг начал петь. Голос у него приятный и сильный. Он не просто напевал под нос — он действительно пел, с выражением, слегка растягивая последние слова, точно перед ним была сцена, а не салон автомобиля. — «Бүгін тойдың ақ таңы, Бақыт қонсын жас жанға...» Сапар покосился на него. — О, началось. Но Аманжол уже вошёл во вкус. Он продолжил петь свадебную песню, а затем, не выдержав собственной торжественности, добавил от себя: — «Жар-жар айтып жол ашсын, Қуаныш толсын әр шаңыраққа...» Асель захлопала в ладоши. — Вот теперь похоже на праздник!

Акжол засмеялся. — Аманжол, ты же обещал не позорить меня. — Я тебя не позорю. Я тебя культурно сопровождаю. — Ты сейчас всех пассажиров распугаешь. — Пусть знают, что мы едем не просто так. Сапар постучал пальцами по рулю в такт мелодии. — Давай ещё что-нибудь. — Конечно. Аманжол мгновенно продолжил, уже импровизируя на ходу: — «Сегодня жених не сбежит от судьбы, Сегодня ему не помогут друзья...» Сапар не выдержал и рассмеялся. — Вот это уже правда! Акжол схватил лежавшую рядом подушку и бросил её в Аманжолу. Тот ловко поймал её и, совершенно не смутившись, продолжил: — «Серьги купил, всё готово давно, Теперь остаётся жениться ему!» Асель смеялась так, что у неё выступили слёзы. — Всё! Всё! Хватит! — сказал Акжол, тоже смеясь. — Ты можешь хотя бы одну песню допеть

нормально? — Могу. — Тогда пой нормально. Аманжол сделал серьёзное лицо. — Хорошо. Но за качество исполнения ответственности не несу.

Он снова запел, уже мягче, и на несколько минут в машине стало по-особенному тепло и весело. Песня смешивалась с шумом дороги, с тихим урчанием двигателя, с редкими звуками машин, проносившихся навстречу. За окном проплывала степь, залитая солнцем, а впереди уже угадывались первые очертания села.

Акжол улыбался, слушая друга. Ему нравился этот момент.

Не торжественная часть, не фотографии, не речи старших — а именно эта дорога, где он сидел рядом с людьми, с которыми мог быть самим собой. Сапар, Асель, Аманжол — каждый из них знал его много лет, видел его разным: уставшим, злым, весёлым, влюблённым, растерянным. Они знали его привычки, его характер, его странности и сегодня ехали рядом не потому, что так требовал обычай, а потому, что хотели быть с ним в этот день.

Сапар снова посмотрел в зеркало. — Акжол. — Что? — Ты счастлив? Акжол уже открыл рот для привычной отговорки, но передумал. Он посмотрел в окно, на светлую дорогу, на бескрайнюю степь, на голубое небо, а потом улыбнулся. — Да. Больше никто его не расспрашивал. Аманжол тут же тихо добавил: — Тогда сегодня хороший день. Акжол посмотрел на него и кивнул.

Через несколько минут появились первые дома села. Невысокие заборы, старые деревья, крыши домов, припорошенные солнечным светом. Где-то во дворе уже развешивали праздничные украшения, у ворот стояли люди, а дальше, за домами, виднелся белый купол большой юрты.

Акжол сразу заметил её. Сердце почему-то забилося быстрее. Он выпрямился, поправил пиджак, пригладил волосы и машинально посмотрел на себя в зеркало телефона. Сапар заметил это и усмехнулся. — А вот теперь началось. — Что? — Жених готовится выйти из машины. Аманжол тоже посмотрел на Акжолу. — Подожди, брат. У тебя воротник криво. — Где? — Здесь. Аманжол поправил ему воротник, потом отстранился и критически осмотрел его. — Всё. Теперь можно. — Спасибо. — Не за что. Главное — не упади от волнения. — Не упаду. — Хорошо. Потому что я не собираюсь тебя поднимать. Сапар рассмеялся. — Всё, артисты, приехали. Машина свернула с дороги и медленно направилась к дому. За ней показались остальные машины семьи. Акжол увидел белую юрту, людей во дворе и почувствовал, как всё внутри вдруг стало серьёзным. Ещё несколько минут назад он смеялся над шутками друзей и слушал, как Аманжол распевает свадебные песни. Теперь впереди был дом Салтанат. И там его уже ждали.

Первая машина медленно остановилась у ворот, за ней почти сразу притормозили ещё несколько. Двигатели один за другим стихли, и на короткое мгновение во дворе установилась та особенная тишина, которая бывает перед началом большого события, когда все уже знают, что сейчас произойдёт, но всё равно словно ждут первого знака.

Дверца первой машины открылась, и на землю ступил Акжол.

Он на секунду задержался возле автомобиля, поправил воротник пиджака и огляделся. Перед ним был самый обычный сельский двор: старый дом, несколько яблонь, хозяйственные постройки, белая юрта, стоявшая чуть в стороне, и люди, которые уже вышли встречать гостей. Но сегодня всё это казалось ему каким-то необыкновенным. Ещё недавно всё это существовало для него скорее как далёкое и привычное «когда-нибудь», а теперь он стоял здесь, в чужом дворе, в окружении своих родных, перед семьёй девушки, с которой его связывало больше десяти лет.

Акжол чувствовал волнение, хотя старался его не показывать. Он вообще не любил демонстрировать свои переживания перед большим количеством людей. Особенно перед родителями. Отец наверняка заметил бы, если бы сын начал нервничать, а мать — тем более.

Из машины вышла Раушан. Она была одета нарядно, но без излишней пышности: праздничный костюм, аккуратно уложенные волосы, лёгкий макияж. В руках она держала небольшую сумочку, в которой лежало всё необходимое для обряда. За ней осторожно вышла бабушка Аида. Она двигалась медленнее остальных, опираясь на руку сопровождавшего её Мейрамбека, и внимательно смотрела на дом, двор и людей, словно пыталась увидеть не только то, что находилось перед глазами, но и что-то скрытое за привычной суетой.

Аида остановилась у машины и подняла глаза на белый купол юрты. — Хорошая юрта, — негромко произнесла она. Раушан улыбнулась. — Хорошая. Всё приготовили красиво. Аида ничего не ответила. Она ещё несколько секунд смотрела на шанырак, а потом перевела взгляд на дом. У неё было странное, почти тревожное выражение лица. Раушан знала этот взгляд. Бабушка редко говорила сразу то, что думала. Особенно в такие дни. — Что такое? — тихо спросила она. — Ничего, — ответила Аида. — Посмотрим.

Раушан едва заметно вздохнула. Она давно привыкла к этим загадочным бабушкиным ответам. Ещё в детстве Аида могла внезапно сказать что-нибудь такое, что сначала казалось бессмыслицей, а потом каким-то образом сбывалось. В семье её давно считали человеком со странностями, но именно поэтому к её словам относились осторожно.

Из следующей машины вышел Берикхан. Он поправил пиджак, посмотрел на дом и удовлетворённо кивнул. Следом появилась Жанна, жена Мейрамбека, затем родственники. Сапар выбрался из автомобиля последним, потянулся после долгой дороги и посмотрел на Аманжол. — Ну что, — тихо сказал он, — теперь назад уже не убежим? Аманжол поправил рукав рубашки и совершенно серьёзно ответил: — Ты можешь. Я тебя прикрою. Сапар повернулся к нему. — А ты? — А я останусь. Мне интересно, чем всё закончится. — Ты пришёл на сватовство или на сериал? — На сватовство. Но если будет сериал, тоже не уйду. Сапар усмехнулся и хлопнул его по плечу. — Только не говори потом, что я тебя не предупреждал. Они оба засмеялись, но тут же выпрямились, заметив, что старшие уже направились к воротам.

Навстречу гостям вышли родственники Салтанат. Впереди была её мать, рядом с ней — бабушка и несколько старших родственников. Женщины держались чуть позади мужчин, улыбались, поправляли платки и обменивались короткими взглядами. В таких встречах не требовалось много слов: каждый знал порядок, каждый понимал значение происходящего.

Берикхан первым подошёл к хозяевам дома. Мужчины тепло поприветствовали друг друга, обменялись рукопожатиями, пожеланиями добра и благополучия. Следом началось знакомство женщин. Раушан обнялась с матерью Салтанат, произнесла традиционные слова приветствия, пожелала дому достатка, детям — счастья, а хозяевам — здоровья и долгих лет.

Бабушка Салтанат встретила Аиду особенно тепло. Две пожилые женщины посмотрели друг на друга с той особой внимательностью, которая появляется у людей одного поколения. Они почти сразу нашли общий язык, хотя первые минуты разговаривали сдержанно и осторожно. — Дорога была хорошая? — спросила бабушка Салтанат. — Хорошая, — ответила Аида. — Мы торопились, чтобы не заставлять вас ждать. — Вы нам не гости, — улыбнулась старушка. — Сегодня уже родня. Аида посмотрела на неё внимательно. — Дай Аллах, чтобы так и было. Сказано было спокойно, но Раушан почему-то запомнила именно эту фразу. Тем временем Акжол стоял чуть поодаль, рядом с отцом и братом. Он здоровался с родственниками, отвечал на вопросы, улыбался, но взгляд его то и дело возвращался к дому. Салтанат всё ещё не выходила. Сапар, заметив это, подошёл к нему и тихо сказал: — Жених, ты чего такой напряжённый? — Я не напряжённый. — Конечно. Именно поэтому ты уже третий раз смотришь на одну и ту же дверь. Акжол бросил на него предупреждающий взгляд. — Сапар. — Молчу, молчу. Аманжол, стоявший рядом, не удержался: — Он просто проверяет, не сбежала ли невеста. — Очень смешно, — пробормотал Акжол.

— А что? Сегодня последний день, когда она ещё может это сделать. Сапар тихо рассмеялся. — Всё, хватит. А то жених сейчас нас обоих обратно в город отправит. Акжол покачал

головой, но тоже улыбнулся. Акжол всё-таки усмехнулся, и плечи у него чуть расслабились. И именно в этот момент дверь дома открылась. На пороге появилась Салтанат. Разговоры во дворе почти незаметно стихли.

На ней было нарядное платье, волосы уложены особенно тщательно, лицо подчёркивал лёгкий макияж. Она остановилась на секунду, словно хотела привыкнуть к тому, что теперь на неё смотрят сразу десятки глаз. Ещё вчера она была просто внучкой этого дома, дочерью своей матери, девушкой, которая могла свободно войти во двор, сесть на старую лавочку под яблоней и говорить с бабушкой обо всём на свете. Сегодня каждый её шаг воспринимался иначе.

Сегодня на неё смотрели уже как на невесту. Акжол увидел её и невольно выпрямился. Их взгляды встретились. Салтанат улыбнулась.

Акжол ответил улыбкой, но внутри почувствовал нечто похожее на волну — смесь волнения, гордости и ответственности. Всё происходящее вдруг перестало быть просто красивым обрядом, который когда-то существовал для него только в рассказах старших. Теперь этот обычай касался его самого — и от этого воспринимался совсем иначе.

Салтанат медленно подошла к гостям и поздоровалась со старшими. Раушан внимательно посмотрела на неё, оценивая не платье и не причёску — она смотрела на лицо девушки, на выражение глаз, на то, как она держится, как разговаривает со старшими. Затем Раушан тепло улыбнулась и протянула ей руку.

— Құтты болсын, — произнесла она. — Сегодня хороший день. Салтанат склонила голову. — Рақмет.

Раушан взяла её за руку и на секунду задержала ладонь девушки в своей.

Для неё это было важно. Она смотрела на будущую невестку и пыталась представить её рядом с Акжолом через год, через пять, через десять лет. Она ещё не знала, сможет ли эта девушка стать частью их семьи, сможет ли понять её сына, сможет ли быть рядом с ним не только тогда, когда всё хорошо.

Свои сомнения Раушан оставила при себе. Не тот был день, чтобы заранее искать трещины там, где все вокруг видели праздник. Бабушка Аида всё это время молча наблюдала за Салтанат. Салтанат подошла к ней и почтительно поздоровалась. Аида посмотрела ей прямо в глаза. Всего несколько секунд. Но взгляд старушки был настолько внимательным, что Салтанат слегка смутилась и первой отвела глаза. — Здравствуй, дитя, — сказала Аида. — Здравствуйте, бабушка. Аида кивнула, но улыбка её была едва заметной. Она снова посмотрела на девушку, потом — на Акжолу. И что-то в её лице изменилось. Раушан заметила это. — Мама? Аида ничего не ответила. Только тихо сказала: — Потом поговорим. После приветствий гостей пригласили в юрту.

Сначала вошли старшие. По обычаю им предоставили почётные места — төр. Раушан села рядом с Аидой, напротив расположились старшие родственники Салтанат. Берикхан занял место среди мужчин, рядом с ним сел отец невесты — точнее, старшие родственники, представлявшие её семью. Мейрамбек расположился чуть в стороне, рядом с ним — его жена. Сапар и Аманжол устроились ближе к молодым.

В юрте стояло то особенное праздничное тепло, которое быстро собирается из множества мелочей: горячего чая, тесно сидящих людей, запаха выпечки и солнечного света из шанырака. Через верхнее отверстие шанырака падал солнечный свет, ложась золотым кругом на ковры. Белые стены казались ещё светлее, красочные орнаменты — ярче, а многочисленные подушки и покрывала создавали ощущение особого уюта. Когда все расселись, женщины начали подавать чай. На дастархане появлялись всё новые блюда. Баурсаки лежали высокими золотистыми горками, рядом стояли пиалы с конфетами, сухофруктами и орехами. Появились свежие фрукты, сладости, мясные блюда. Разговоры становились оживлённее. Старшие вспоминали дорогу, обсуждали погоду, говорили о селе, спрашивали о родственниках. Молодые слушали. Акжол сидел рядом с Салтанат, но почти не разговаривал с ней. Вокруг было слиш-

ком много людей, слишком много глаз. Иногда их руки случайно соприкасались, и каждый раз Салтанат едва заметно улыбалась. Сапар, сидевший напротив, наблюдал за ними и едва сдерживал улыбку. Аманжол наклонился к нему: — Видишь? — Что? — Жених уже не с нами. — Он вообще сегодня с нами только физически. — Значит, обряд работает. Сапар тихо фыркнул. — Какой ещё обряд? — Отправили человека за серьгами, а вернут уже мужа.

Сапар едва не поперхнулся чаем. Акжол услышал последние слова и бросил на друзей выразительный взгляд. — Я всё слышу. — Вот видишь, — невозмутимо ответил Аманжол. — Значит, ещё не потерян. За столом кто-то из старших улыбнулся, услышав их разговор, и напряжение окончательно исчезло. Люди смеялись, обменивались шутками, вспоминали знакомых. Только Аида оставалась непривычно тихой. Она сидела рядом с Раушан, держала пиалу в тонких старческих пальцах и иногда смотрела на Акжолу, а потом на Салтанат. Наконец она наклонилась к Раушан и сказала почти шёпотом: — Не нравится мне она. Раушан едва заметно напряглась. — Мама... — Не перебивай. Я пока просто смотрю. — Сегодня не время. — Я знаю. Аида снова посмотрела на Салтанат. — Но сердце у меня молчит. Раушан нахмурилась. — Что значит «молчит»? Старушка долго не отвечала. — Когда приходит человек, которого я должна увидеть рядом с нашим мальчиком, сердце говорит раньше глаз. Раушан замерла. Аида поставила пиалу на дастархан и посмотрела в сторону шанырака. — А сейчас я ничего не слышу.

Раушан хотела что-то ответить, но в этот момент одна из женщин поднялась и объявила, что пора готовиться к главной части обряда. Разговоры постепенно стихли. Взгляды всех присутствующих повернулись к Салтанат. Раушан достала небольшую красную коробочку, которую до этого бережно держала при себе. Акжол передал. Внутри лежали серьги, выбранные Акжолом. И теперь наступал тот момент, ради которого все они собрались под одним шаныраком.

Когда все приветствия были закончены, одна из старших женщин мягко коснулась локтя Акжолу и попросила его отсесть. Разговоры стихали, гости расступались, пропуская Раушан вперёд. Салтанат старалась держаться спокойно, хотя сердце билось заметно чаще обычного.

Люди в юрте затихли. Белый войлочный купол сиял в солнечном свете, слышны только звяканья пиал и шелест праздничных нарядов. Салтанат глубоко вдохнула.

Внутри было светло и тепло. Солнце проникало через шанырак и ложилось круглым золотистым пятном на ковёр, точно само небо благословляло происходящее. Вдоль стен уже сидели родственники обеих семей. Старшие занимали почётные места, мужчины разместились по одну сторону, женщины — по другую, оставляя в центре свободное пространство для обряда.

Раушан внимательно посмотрела на неё. В её взгляде было то сдержанное, материнское внимание, с которым женщина всматривается в девушку, которой предстоит стать женой её сына. Она старалась не показывать волнения, улыбалась спокойно и доброжелательно, но глаза её отмечали каждую деталь: как Салтанат держит спину, как складывает руки на коленях, как отвечает старшим, как смотрит на Акжолу.

Берикхан сидел рядом со старшими мужчинами, серьёзный и довольный. Для него этот день был подтверждением того, что сын делает следующий шаг во взрослую жизнь. Он иногда поглядывал на Акжолу, будто хотел убедиться, что тот понимает всю важность происходящего.

Мейрамбек, устроившийся неподалёку, заметил напряжение на лице брата и тихо усмехнулся. — Не переживай так, — пробормотал он. Акжол повернулся к нему. — Я не переживаю. — Конечно. — Правда. — Тогда почему сидишь так, будто тебя сейчас экзаменовать будут? Акжол едва заметно улыбнулся. — Потому что вокруг вся родня. — Вот именно. Привыкай. Сапар, сидевший неподалёку, услышал последнюю фразу и тихо вставил: — Поздно привыкать. Сегодня уже экзамен сдан. Аманжол тут же наклонился к нему: — Нет. Сегодня только первая часть. После свадьбы начнётся практика. Сапар прикрыл рот ладонью, чтобы не

рассмеяться вслух. Акжол бросил на них предупреждающий взгляд, но сам не удержался от улыбки. Салтанат услышала их приглушённый разговор и тоже улыбнулась. на секунду напряжение ушло. Она посмотрела на Акжолу, и их взгляды встретились. Он улыбнулся ей уже иначе — без шутки, без смущения, открыто и тепло. Салтанат ответила такой же улыбкой.

Бабушка Салтанат, сидевшая рядом со своей дочерью, наблюдала за внучкой с особым выражением лица. Она видела, как девочка, которую когда-то сама провожала в школу, теперь сидит на почётном месте в праздничном наряде и становится центром большого семейного события. В её глазах блестели слёзы, но она быстро промокнула их уголок и сделала вид, что просто поправляет платок.

Раушан заметила это и тепло улыбнулась ей. — Сегодня ваша внучка особенно красивая. — Сегодня она уже не просто наша, — тихо ответила бабушка. Раушан на секунду замолчала. — Не говорите так. Дочь никогда не перестаёт быть дочерью. Старушка посмотрела на неё внимательно, а затем кивнула. — Дай Бог, чтобы в вашем доме она стала дочерью. Эти слова понравились Раушан. Она протянула руку и накрыла ладонь старушки своей. — Дай Бог. В юрте становилось всё тише. Чай уже был подан, дастархан ломился от угощений, но теперь внимание всех постепенно сосредоточилось на главном. Женщины поправляли одежду, старшие переглядывались, кто-то передал Раушан небольшую красную коробочку. Акжол увидел её и сразу понял, что наступает тот самый момент. Он невольно посмотрел на Салтанат. Она сидела прямо, стараясь сохранять спокойствие, но по тому, как слегка сжались её пальцы, он понял, что она волнуется не меньше его. И тогда Акжол впервые за всё утро перестал слышать шутки друзей, разговоры родственников и даже тихое звяканье пиал. Он видел только её.

Салтанат сидела на төр в родном доме, среди людей, которые любили её с детства, а напротив находилась его семья. И через несколько минут на её ушах должны были появиться серьги, которые он выбирал для неё сам. Обряд начинался. Раушан медленно опустила на колени рядом с Салтанат.

Стоило Раушан опуститься рядом с Салтанат, как разговоры вокруг начали затихать. Ещё мгновение назад здесь слышались негромкие разговоры, кто-то смеялся, звенели пиалы, женщины переговаривались между собой, мужчины вполголоса обсуждали дорогу, но теперь звуки один за другим стихли, будто невидимая рука накрыла юрту тишиной. Даже те, кто не впервые присутствовал при Сырга салу, невольно выпрямились, повернувшись к невесте. Объяснять никому ничего не требовалось: ради этого момента, собственно, и собрались.

Солнечный свет, проникавший через открытый шанырак, падал прямо на Салтанат, высвечивая её лицо и плечи. На белой ткани её праздничного наряда играли золотистые блики, а волосы, уложенные в аккуратную причёску, отливали тёплым каштановым блеском. Она сидела на почётном месте, прямая и спокойная, с той самой безупречной улыбкой, которую так легко принять за настоящее счастье.

Спокойствие портил только один пустяк — пальцы.

Они лежали на коленях, сцепленные одна с другой, и иногда едва заметно сжимались. Салтанат старалась не шевелиться. Она знала, что сейчас на неё смотрят все — мать, бабушка, родственники, семья Акжолу, женщины, приехавшие вместе с гостями. Каждое движение могло быть замечено, каждый жест истолкован.

Поэтому Салтанат продолжала улыбаться — ровно, спокойно, как и полагалось девушке, которой сейчас наденут серьги жениха.

Позади неё сидела бабушка Маржан. Старушка почти прислонилась спиной к стене юрты, словно ей было трудно справиться с нахлынувшими чувствами. Она держала в руках край платка и иногда осторожно прикладывала его к глазам. Слёзы текли совершенно бесшумно.

Маржан смотрела на внучку, а перед глазами упрямо вставала совсем другая Салтанат.

Перед её глазами на секунду возникла маленькая девочка — ещё совсем крошечная, с двумя тонкими хвостиками, в смешном платице, которая когда-то бегала по этому самому

двору, падала с разбитыми коленками, плакала, а потом, услышав, что бабушка зовёт её пить чай, мгновенно забывала о своей обиде. Маржан помнила, как Салтанат в детстве любила сидеть рядом с ней, забиралась на колени и могла часами слушать старые истории.

А теперь эта девочка сидела перед ней как невеста. И чужая женщина должна была снять с её ушей девичьи серьги, чтобы надеть украшения жениха. Маржан тихо всхлипнула и отвернулась на секунду, чтобы никто не увидел её лица. Раушан ничего этого не комментировала. Она сидела рядом с Салтанат спокойно и сосредоточенно. На её лице не было ни раздражения, ни показной радости. Только сдержанность женщины, прекрасно понимающей, что сейчас на неё тоже смотрят десятки глаз. Она протянула руку. Её пальцы осторожно коснулись мочки уха Салтанат. Холодный металл золотой серьги слегка блеснул между её пальцами. Раушан расстегнула замочек. Салтанат почувствовала лёгкое движение и на секунду сильнее сжала пальцы. Раушан сняла первую серьгу. Затем вторую. Красные камни на них вспыхнули в солнечном свете, когда украшения оказались в её ладони. Это были серьги, которые Салтанат носила прежде. Теперь их снимали не просто потому, что так требовал обряд. В этом простом движении словно заключался переход из одной жизни в другую: от прежнего девичьего состояния — к статусу невесты. Раушан передала украшения матери Салтанат. Та приняла их обеими руками.

Её пальцы на секунду задержались на золоте. Она посмотрела на серьги, словно прощалась с ними, затем аккуратно положила их в заранее приготовленную шкатулку. Крышка тихо закрылась. Щёлкнул замочек. И этот едва слышный звук почему-то показался Маржан особенно громким. Раушан протянули другую коробочку. Тёмно-красный бархат почти поглощал свет, а на крышке не было ничего лишнего — только маленькая золотая застёжка. Раушан взяла её обеими руками. На секунду задержалась. Потом открыла. Внутри, на белом атласе, лежали серьги, выбранные Акжолом. И юрта словно на секунду стала светлее.

Это были небольшие, изящные серьги из белого золота. Они не выглядели громоздкими и не кричали о своей стоимости — наоборот, их красота была сдержанной и благородной. В центре каждого украшения сиял глубокий зелёный изумруд, окружённый тонким венцом бриллиантов.

Изумруды сразу притягивали взгляд.

В их густой зелени просматривались тонкие природные прожилки — едва заметные, но придававшие камням живость. Казалось, внутри каждого застыл маленький кусочек лесной тени, глубокий и прохладный. Они не были совершенно одинаковыми, и именно это делало их особенно красивыми.

Когда Раушан слегка наклонила коробочку, солнечный луч упал на камни. Бриллианты вспыхнули короткими холодными искрами. Кто-то из женщин тихо ахнул. — Машаллах... какие красивые, — прошептала одна из них. Мать Салтанат улыбнулась. Маржан снова промокнула глаза. Раушан слышала голоса, но не отреагировала. Она смотрела на серьги и вспоминала, как Акжол выбирал их. Он тогда оказался гораздо более требовательным, чем она ожидала. «Эти слишком большие». «Эти слишком яркие». «Нет, эти ей не подойдут». Он долго рассматривал украшения, задавал вопросы продавцу, несколько раз просил достать другие варианты. Раушан тогда даже пошутила, что её сын выбирает серьги так, точно собирается покупать драгоценности для королевы. А он только улыбнулся. — Я хочу, чтобы ей понравились. Теперь Раушан держала в руках именно те серьги. Она взяла первую. Салтанат почувствовала, как внутри всё напряглось. Раушан осторожно отодвинула прядь волос, открывая ухо девушки. Её пальцы коснулись кожи, затем металл прошёл через прокол. Салтанат едва заметно вздрогнула. — Потерпи, — почти беззвучно сказала Раушан.

Это были первые слова, которые она произнесла ей за весь обряд. Салтанат слегка улыбнулась. — Всё хорошо. Раушан застегнула замочек. Потом взяла вторую серьгу. Та же точность. То же спокойствие. Раушан не суетилась: поправила застёжку, проверила, не тянет ли серьга

мочку, и только потом убрала руку. Когда вторая серьга заняла своё место, Раушан ещё мгновение внимательно смотрела на украшения, проверяя, ровно ли они сидят. Изумруды покачнулись, поймав свет. Теперь они действительно сияли на лице Салтанат. Раушан медленно убрала руки. Салтанат открыла глаза. Их взгляды встретились. На несколько секунд обе будто забыли о сидевших вокруг родственниках, о дастархане и самом обряде: будущая свекровь и будущая невестка просто внимательно смотрели друг на друга. Салтанат пыталась понять будущую свекровь. Раушан — будущую невестку. Одна видела перед собой мать мужчины, которого собиралась назвать мужем. Другая — девушку, которой её сын собирался доверить свою жизнь. Ни одна не знала, что будет дальше. Салтанат улыбалась. Раушан тоже чуть заметно улыбнулась — скорее из уважения к происходящему, чем от внутреннего порыва. Но настоящего тепла между ними ещё не было.

Оно не могло возникнуть от одного обряда. Не появлялось вместе с золотом. Не передавалось через серьги. Для него требовалось время. И доверие. А пока между ними существовала только новая родственная связь, которую сегодня закрепляла традиция. Раушан поднялась с колен. Она поправила платье, затем ещё раз посмотрела на Салтанат. — Құтты болсын, — произнесла она негромко. — Бақытты бол. Салтанат склонила голову. — Рақмет.

И тут юрта точно ожила. Разом послышались голоса, женщины начали поздравлять девушку, кто-то улыбался, кто-то протянул руку к её плечу, кто-то уже рассматривал серьги поближе. За стенами юрты раздался детский смех. На дастархане снова зазвенели пиалы. Салтанат подняла руку и осторожно коснулась одного из изумрудов. Камень был прохладным. Она посмотрела на него, потом перевела взгляд на Акжол. Он сидел напротив и улыбался. В его лице было столько неподдельной радости, что Салтанат тоже улыбнулась шире. Для него эти серьги были не просто украшением. Он выбирал их для неё. И сейчас, глядя на зелёные камни, сияющие у её лица, Акжол чувствовал гордость, похожую на детскую радость.

Акжол не замечал ни холодности своей матери, ни настороженности бабушки, ни того, как Маржан украдкой вытирала слёзы. Он смотрел на Салтанат — красивую, нарядную, в серьгах, которые выбирал для неё сам, — и ничего другого замечать не хотел. И в этот момент ему казалось, что всё происходит именно так, как и должно происходить. Бабушка Маржан смотрела на внучку и тихо плакала. Она уже понимала то, чего пока не хотел замечать никто из молодых: украшение может стать символом перемены, но не может гарантировать счастья. Старушка снова посмотрела на шанырак. Солнце светило ярко. Белая юрта казалась праздничной и почти невесомой. Но где-то глубоко внутри Маржан вдруг возникло необъяснимое чувство тревоги. Она не могла сказать, откуда оно пришло. Просто сердце почему-то не радовалось так, как должно было радоваться в этот день. Она ещё раз посмотрела на Салтанат. На её лице сияла улыбка. На ушах сверкали изумруды. Вокруг звучали поздравления. А Маржан внезапно подумала, что иногда самые важные вещи в жизни начинаются именно тогда, когда всем кажется, что всё уже решено. Первой не выдержала одна из пожилых женщин. — Құтты болсын! — громко произнесла она. — Құтты болсын! — подхватили остальные.

Тишина тут же рассыпалась. Женщины заулыбались, мужчины довольно закивали. Бабушка Салтанат уже не скрывала слез, вытирая глаза концом белого кимешека.

Когда первые поздравления немного стихли, Раушан не сразу отошла от Салтанат. Она вновь открыла бархатную коробочку и достала вторую часть подарка — тонкую цепочку с кулоном, в центре которого сиял такой же глубокий изумруд, окружённый россыпью небольших бриллиантов. На этот раз по юрте прошёл уже не сдержанный шёпот, а тёплый одобрительный гул: стало понятно, что Акжол выбирал не просто серьги, а целый комплект. Раушан осторожно застегнула цепочку на шее девушки, поправила кулон у ключиц и на секунду задержала на нём пальцы. Изумруд лёг на светлую ткань платья, отозвавшись тем же густым зелёным блеском, что и серьги. Салтанат машинально коснулась украшения и впервые за весь обряд улыбнулась безупречно красиво, но уже не только для окружающих.

В самом конце почетного ряда сидела бабушка Акжол Аида. Она сама пересела туда. Маленькая, сгорбленная годами, она не сводила с Салтанат внимательного взгляда. Ее темные, почти выцветшие от времени глаза будто видели не только происходящее в юрте, но и то, что скрывалось за завесой будущего.

Она едва заметно покачала головой. — Не она... — прошептала старушка так тихо, что услышала лишь сидевшая рядом пожилая сноха. — Что вы сказали, эже? — наклонилась женщина. Старушка покачала головой, еще раз посмотрела на Салтанат. Девушка была красива, воспитана, спокойна. Любая другая старуха порадовалась бы такой невестке. Но сердце неожиданно сжалось тяжелым предчувствием. — Я ведь говорила ему... — почти беззвучно прошептала она. — Его судьба придет, как царевна... А эта девушка... не его дорога. Старушка опустила глаза и медленно перебрала янтарные бусины старых четок. — Пусть Аллах не даст мне ошибиться... Но сердце мое сегодня не радуется.

Никто не услышал ее слов. В юрте было шумно, мужчины одобрительно кивали, а над молодой парой готовились рассыпать шашу. Только бабушка продолжала смотреть на Салтанат с тихой, необъяснимой печалью, словно уже видела ту боль, через которую еще предстояло пройти ее любимому внуку.

В этот момент несколько женщин вышли вперед с большими подносами, наполненными конфетами, баурсаками и серебристыми монетами. — Шашу! — раздался радостный возглас. Над головами гостей золотым дождем полетели сладости. Дети с веселым смехом бросились собирать конфеты, а взрослые смеялись, поздравляя друг друга. По поверью, чем богаче и щедрее шашу, тем счастливее и благополучнее будет жизнь молодых. Когда шум немного стих, дедушка Салтанат поднялся с места. Все сразу замолчали. Он медленно поднял ладони. — Алла екі жастың бақтарын ашсын. Екі әулеттің арасы берік болсын. Ырыс-береке, амандық, ұзақ ғұмыр, көп ұрпақ нәсіп етсін. Әумин. Все присутствующие провели ладонями по лицу, принимая благословение. После бата к Салтанат первой подошла ее мать. Она крепко обняла дочь, с трудом сдерживая слезы. Затем поздравили бабушка, дедушка и остальные родственники.

Женщины заговорили громче, кто-то первым подошёл к Салтанат, чтобы рассмотреть украшения, кто-то поправил ей волосы, чтобы изумруды были лучше видны, а затем посыпались поздравления — искренние, громкие, с добрыми пожеланиями счастья, достатка, любви и долгой семейной жизни.

— Құтты болсын! — звучало со всех сторон. — Бақытты болыңдар! — Ақ жол!

Салтанат улыбалась, благодарила каждого, слегка склоняя голову перед старшими. Ей уже не приходилось заставлять себя выглядеть счастливой: внимание десятков людей, праздничная суэта и ощущение собственной значимости постепенно увлекали её. Ещё утром она была просто хозяйкой этого дома, дочерью и внучкой, девушкой, которую все знали с детства. Теперь же каждый взгляд был обращён к ней как к невесте.

На её ушах поблёскивали новые серьги, и Салтанат иногда машинально касалась одного из изумрудов, словно всё ещё не привыкла к его присутствию. Маржан наблюдала за внучкой из своего места и улыбалась сквозь влажные глаза. Рядом женщины уже обсуждали украшение. — Изумруд очень ей идёт. — Посмотрите, какой глубокий цвет. — Видно, что Акжол сам выбирал. Последняя фраза заставила Салтанат чуть заметнее улыбнуться. Она посмотрела на жениха. Акжол сидел среди мужчин, но то и дело поглядывал в её сторону. Поймав её взгляд, он едва заметно кивнул, будто спрашивал: «Нравятся?» Салтанат провела пальцами по серьге и улыбнулась. Ответ был очевиден.

Вскоре старшие женщины начали приглашать гостей к дастархану. На длинных низких столах уже было приготовлено всё, чем хозяйка дома хотела показать уважение к приехавшей семье. На белых скатертях теснились пиалы, чайники, тарелки с баурсаками, куртом, сладостями, орехами и сухофруктами. В больших блюдах лежали мясные закуски, нарезки, домаш-

няя выпечка. Пахло свежим тестом, горячим чаем и мясом, а из-за стенки юрты доносился запах дыма и приготовляемого на улице праздничного угощения.

Гости рассаживались согласно старшинству. Старшие занимали почётные места, мужчины устраивались ближе к одной стороне дастархана, женщины — к другой. Молодые постоянно вставали, чтобы кому-нибудь подать пиалу, поправить блюдо или пригласить ещё одного гостя. Праздник постепенно приобретал тот особенный ритм, который бывает только на больших семейных мероприятиях: никто никуда не спешил, каждый разговор мог внезапно превратиться в длинную историю, а одна шутка — вызвать смех сразу за несколькими столами. Сапар, оказавшись рядом с Аманжолом, уже успел освоиться. — Ты только смотри, — тихо предупредил Сапар, — сегодня главное — не съесть всё до приезда второй половины родственников. Аманжол невозмутимо взял баурсак. — Я не ем. Я дегустирую. — Уже пятый. — Профессиональная дегустация требует повторной проверки. — А шестой? — Контрольный. Сапар рассмеялся. — Ты неисправим. — Я артист. Мне положено поддерживать силы. — А петь ты тоже собираешься? Аманжол поднял брови. — А ты сомневаешься? — Я надеялся. — На что? — Что хотя бы сегодня мы услышим тишину. Аманжол с достоинством отложил баурсак. — Тогда ты выбрал неправильный праздник.

И действительно, спустя некоторое время, когда старшие уже закончили основные поздравления, Аманжол снова оказался в центре внимания. Кто-то попросил его спеть, кто-то засмеялся, кто-то начал хлопать в ладоши. Он не стал долго упрямиться. Подхватив знакомую мелодию, он запел свадебную песню, а мужчины за дастарханом начали отбивать ритм ладонями. Женщины подхватили припев, и юрта сразу наполнилась музыкой и голосами. Акжол сидел, улыбаясь. — Вот теперь точно всё, — тихо сказал Сапар. — Если он начал, мы отсюда до вечера не уедем. — А ты куда торопишься? — Домой. — Зачем? — У меня семья. — Сегодня у всех семья, — заметил Аманжол, не прекращая петь. За столом снова раздался смех.

Постепенно начали появляться подарки. Родственники жениха вручали подготовленные заранее коробки, сладости, ткани, различные подарки для семьи невесты. Старшие обменивались добрыми словами, благодарили друг друга, вспоминали давние знакомства. Женщины рассматривали подарки, обсуждали их, сравнивали узоры на тканях и радовались каждому знаку внимания.

Берикхан сидел среди мужчин и выглядел довольным. Он принимал поздравления, отвечал на пожелания и иногда поглядывал на сына. Акжол держался спокойно, но было видно, что он счастлив. Он постоянно ловил взгляд Салтанат, словно ему было мало того, что она находилась всего в нескольких метрах.

Раушан тоже принимала участие в разговорах, улыбалась гостям, благодарила хозяев дома, но оставалась более сдержанной. Она внимательно наблюдала за Салтанат, стараясь понять девушку, которая совсем скоро должна была стать частью их семьи. Иногда их взгляды встречались. Салтанат каждый раз улыбалась. Раушан отвечала. Внешне между ними всё было безупречно. Кто-то включил музыку. Дети выбежали из юрты во двор, взрослые засмеялись, женщины начали собирать посуду, а мужчины вышли на воздух. Во дворе уже стояли несколько человек, разговаривали, шутили, фотографировались. Кто-то предложил сделать общее фото двух семей. Всех начали выстраивать, поправлять одежду, звать тех, кто куда-то отошёл. — Берикхан, сюда! — Раушан, ближе! — Акжол, не прячься! — Я не прячусь! — А почему стоишь за Мейрамбеком? — Потому что он выше. — Вот и встань рядом с ним! Аманжол тут же вставил: — Главное, чтобы жених на фотографии не выглядел как человек, которого заставили жениться. Все засмеялись. Акжол посмотрел на него: — А ты сегодня точно домой хочешь вернуться? — После такого праздника — уже нет. Фотограф засмеялся вместе со всеми и сделал несколько кадров.

На одном снимке Акжол стоял рядом с Салтанат. Она была прекрасна, серьги с изумрудами ярко выделялись у её лица, а он смотрел на неё с открытой восхищенной улыбкой, что

казалось, будто вокруг вообще не существует никаких проблем. Праздник продолжался. К обеду солнце поднялось выше, юрта наполнилась золотым светом, а двор — голосами. Гости не спешили расходиться. Старшие продолжали беседовать, молодые смеялись, дети носились между взрослыми, женщины обсуждали предстоящую свадьбу. Всё происходило именно так, как и должно было происходить на большом семейном празднике: шумно, щедро, с бесконечными чашками чая, с пожеланиями, шутками и рассказами, которые становились всё длиннее по мере того, как гости расслаблялись. А Салтанат сидела среди своих родных и всё чаще поглядывала на Акжол. Она уже привыкала к новой роли. К тому, что теперь её называют не просто Салтанат, а невестой. К тому, что на её ушах лежат серьги, выбранные будущим мужем. К тому, что рядом находится его семья. И к мысли, что совсем скоро этот праздник закончится, а впереди будет свадьба. Акжол тоже смотрел на неё. Он был счастлив.

Настолько, что пока даже не допускал мысли о том, что когда-нибудь этот день может вспоминаться совсем иначе. Сейчас всё было именно таким, каким и должен запомниться хороший семейный праздник: музыка, белая юрта под солнцем, благословения старших и две семьи за одним дастарханом, уже называющие друг друга роднёй. И казалось, что впереди у молодых только счастливая дорога.

Когда праздник немного стих и Салтанат наконец оказалась в своей комнате, она первым делом подошла к большому зеркалу. До этого ей почти не удавалось толком рассмотреть подарок: во время обряда всё происходило быстро, потом её окружили родственницы, посыпались поздравления, фотографии, разговоры. Она лишь чувствовала лёгкое движение серёг у ушей, но увидеть себя в них смогла только теперь.

На шее у неё лежала тонкая золотая цепочка, а в центре, чуть ниже ключиц, покачивался небольшой кулон с таким же глубоким изумрудом, окружённым бриллиантами. Комплект выглядел цельным и дорогим: серьги и кулон словно были созданы друг для друга. Золото мягко светилось на коже, зелёные камни подчёркивали цвет глаз, а бриллианты ловили солнечный свет, проникавший в комнату.

Салтанат повернулась к зеркалу боком, потом другим. Подняла волосы, чтобы лучше рассмотреть серьги, слегка наклонила голову и приблизилась к своему отражению. — Ну? — спросила одна из подруг. — Теперь довольна? Салтанат молчала, рассматривая себя. — Красиво, — сказала вторая подруга. — Очень. Салтанат коснулась пальцами кулона. — Кулон мне нравится больше. — Почему? — Он заметнее. Она снова повернула голову, наблюдая, как изумруды качнулись и блеснули. — Серьги могли бы быть и покрупнее. Подруги переглянулись. — Опять начинается. — А что? — спокойно спросила Салтанат. — Я просто говорю. — Салтанат, это же не маленькие серёжки из магазина. Посмотри, какие камни. — Я вижу. — И кулон такой же. — Кулон хороший, — согласилась она. — Вот его размер мне нравится. Одна из подруг подошла ближе и внимательно посмотрела на украшения. — А ты знаешь, сколько это всё стоит? Салтанат слегка улыбнулась. — Догадываюсь. — Я бы на твоём месте вообще боялась дышать. — Зачем? — Салтанат усмехнулась. — Теперь это моё. Она снова посмотрела в зеркало.

Ей действительно нравилось то, что она видела. Праздничное платье, аккуратно уложенные волосы, идеальный макияж, изумруды на ушах и тонкая золотая цепочка на шее. Всё выглядело дорого, достойно и подчёркивало её красоту. Она провела пальцем по кулону. — Акжол сам выбирал? — Конечно, — ответила подруга. — Видно же, что старался. Салтанат ничего не сказала. На секунду её лицо смягчилось. Потом она снова стала разглядывать серьги. — Всё равно камни могли быть крупнее. Подруги рассмеялись. — Ты неисправима. — Я просто знаю, что мне идёт. — И что тебе идёт? Салтанат посмотрела на себя в зеркало и чуть приподняла подбородок. — Красивые и дорогие вещи. Девушки снова засмеялись. Салтанат тоже улыбнулась и ещё раз поправила цепочку. На этот раз она уже не думала о размере камней.

Она смотрела на себя и представляла, как будет выглядеть в этом комплекте на свадьбе, когда на неё будут смотреть уже не только родственники, но и сотни гостей.

Ей нравилось внимание, нравилось ощущение собственной значимости, нравилось, что сегодня вокруг неё столько людей, что родственники Акжола приехали целой компанией, что женщины рассматривали её платье и украшения, а мужчины поздравляли её будущего мужа. И особенно ей нравилось ощущение, что теперь перед ней открывается совсем другая жизнь. Она ещё раз коснулась пальцами изумруда. — Всё-таки красивые, — сказала она уже мягче. — Вот! — обрадовалась подруга. — Наконец-то нормальная реакция. Салтанат усмехнулась. — Но крупнее всё равно были бы лучше. Девушки дружно рассмеялись. — Ты неисправима! Салтанат тоже засмеялась, а потом ещё раз посмотрела в зеркало. На отражение красивой девушки смотрела будущая невеста. На ушах сверкали подаренные женихом изумруды. За дверью слышались голоса родных. А впереди была свадьба. Салтанат улыбнулась своему отражению и подумала, что, возможно, главное она уже получила — Акжол никуда от неё теперь не денется. А всё остальное можно было получить со временем.

К вечеру праздничная суета начала постепенно стихать. Солнце уже клонилось к горизонту, и его золотистый свет ложился на белые стены юрты, на деревянные детали ворот, на столы, которые после долгого застолья выглядели так, будто через них прошла маленькая буря: где-то остались пустые пиалы, блюда с крошками баурсаков, раскрытые коробки от подарков, недопитые чашки чая. Во дворе стало тише, хотя отдельные разговоры всё ещё не смолкали.

Гости один за другим начинали прощаться. Старшие женщины обнимали мать Салтанат, долго держали её за руки, желали здоровья, благополучия детям и скорой свадьбы. Мужчины обменивались крепкими рукопожатиями, хлопали друг друга по плечам, обещали ещё встретиться уже на следующем празднике. — Теперь и до свадьбы дорога открыта, — говорили одни. — Теперь вы уже куда, — с улыбкой отвечали другие. Слово «куда» звучало особенно часто, и каждый раз на лицах старших появлялись довольные улыбки. Мать Салтанат старалась никого не отпускать без очередной чашки чая, хотя сама уже едва держалась на ногах от усталости. — Возьмите с собой, — говорила она, протягивая гостям свёртки с угощениями. — Дорога всё-таки. — Да что вы, мы же недалеко. — Всё равно возьмите. В доме останется — пропадёт. — Тогда берём. — Вот и правильно. Во дворе снова раздавался смех. Аманжол, который за время праздника успел спеть столько песен, что Сапар уже несколько раз грозился отобрать у него микрофон, стоял возле машин и что-то рассказывал Мейрамбеку. Оба смеялись. — Ты сегодня половину программы провёл, — сказал Мейрамбек. — А кто ещё? — Мы думали, ты хоть раз промолчишь.

— Я не могу молчать на празднике. — Почему? Аманжол с достоинством поправил воротник. — У меня талант. Сапар, проходивший мимо, фыркнул: — У тебя диагноз. — Зависть — плохое чувство. — Я тебе потом объясню.

Акжол стоял неподалёку и разговаривал с родственниками Салтанат. Он выглядел немного уставшим. За весь день он столько раз улыбался, что к вечеру у него уже болели мышцы лица. Несколько раз он пытался подойти к Салтанат, но каждый раз её окружали женщины, родственницы, подруги.

Наконец она появилась во дворе. Теперь на ней не было прежнего напряжения. Она выглядела спокойнее, увереннее, точно уже привыкла к новому статусу. Изумруды всё так же сверкали у её ушей. Акжол сразу её заметил. — Ну что? — спросил он, когда она подошла ближе. — Не устала? — Немного. — Серьги нравятся? Салтанат на секунду посмотрела на него. — Да. Акжол улыбнулся. — Я рад. Она коснулась одного из изумрудов. — Очень красивые. Он заметил её движение и улыбнулся ещё шире. — Я долго выбирал. — Знаю. — Правда? — Мама сказала. Акжол кивнул. — Хотел, чтобы тебе подошли. — Подошли. Он посмотрел на неё с такой искренней радостью, что Салтанат невольно улыбнулась. — Тогда всё хорошо. К ним подошёл Сапар. — Жених, машины готовы. Акжол посмотрел на него. — Уже? — Уже.

Или ты решил здесь остаться? — Нет. — Аманжол, наверное, решил. Из-за машины донёсся голос: — Я слышал! — Вот и хорошо! — крикнул Сапар. Все засмеялись. Началось последнее прощание.

Раушан подошла к матери Салтанат. Женщины обнялись. В их взглядах уже было что-то большее, чем простая вежливость двух семей, которые встретились на обряде. Теперь между ними действительно появилась родственная связь, пусть пока ещё совсем новая и хрупкая. — Спасибо за этот день, — сказала Раушан. — Это вам спасибо, что приехали. — Ещё не раз увидимся. Мать Салтанат кивнула. — Теперь поводов будет много. Они снова обнялись. Бабушка Маржан сидела у входа в дом. Когда Акжол подошёл попрощаться, она внимательно посмотрела на него, словно старалась запомнить его лицо. — Береги её, — сказала она тихо. Акжол сразу стал серьёзным. — Обязательно. Маржан положила ладонь ему на руку. — Не словами. Он посмотрел ей в глаза. — Я понимаю. Старушка кивнула. — Тогда дай Бог вам счастья. — Эумин. Акжол склонил голову. После этого он подошёл к Салтанат. Несколько секунд они просто стояли рядом. За ними суетились родственники, хлопали дверцы машин, переговаривались мужчины, женщины звали друг друга попрощаться. Но им обоим вдруг показалось, что вокруг стало тише. — До встречи, — сказал Акжол. — До встречи. — Я позвоню. — Хорошо.

Он хотел сказать ещё что-то, но не нашёл нужных слов. Поэтому просто улыбнулся. Салтанат тоже улыбнулась. Акжол сел в машину. Сапар уже занял водительское место, Аманжол устроился сзади и успел открыть пакет с оставшимися баурсаками. — Это что? — спросил Акжол. — Дорожный запас. — Ты весь день ел. — Я волновался. — Ты? — Конечно. За тебя. Сапар завёл двигатель. — Всё, поехали, артист. Машины одна за другой начали выезжать со двора. Акжол опустил стекло и ещё раз посмотрел назад. Салтанат стояла рядом с матерью. На ней сияли изумрудные серьги, и последние лучи заходящего солнца отражались в камнях зелёными вспышками. Она подняла руку и помахала ему. Он улыбнулся и тоже поднял руку. Машина тронулась. Юрта постепенно осталась позади. Белый купол ещё долго был виден в зеркале, пока наконец не исчез за поворотом. Салтанат продолжала стоять во дворе ещё мгновение. Потом опустила руку. — Пойдём, — сказала мать. — Сейчас. Она ещё раз посмотрела туда, где скрылась машина Акжолы. Потом коснулась серьги. Изумруд был прохладным под пальцами. Праздник закончился. Но для Салтанат он был не концом, а началом совсем другой жизни.

Какой окажется эта жизнь, Салтанат пока не представляла. Но в одном была уверена: свадьба теперь казалась ей вопросом времени, и после неё всё должно было стать так, как она задумала. Она поправила волосы, выпрямила спину и вместе с матерью вошла в дом. За ними медленно закрылись ворота. Во дворе осталась тишина, нарушаемая только шелестом вечернего ветра, который перебирал края праздничных лент, привязанных к воротам. Белая юрта темнела на фоне вечернего неба. Праздник закончился.

2. Акжол

Если смотреть на Акжол сейчас, трудно представить, что когда-то он был маленьким мальчишкой с разбитыми коленями, растрёпанными волосами и вечной привычкой возвращаться домой ровно в тот момент, когда Раушан уже начинала сердиться. В нём почти невозможно узнать того ребёнка, который мог исчезнуть во дворе на несколько часов, забраться на самое высокое дерево, разобрать чужой велосипед, чтобы выяснить, почему тот не едет, а потом с совершенно искренним выражением лица сообщить, что велосипед, кажется, был сломан ещё до него. И всё же тот мальчик никуда не исчез. Он просто вырос, вытянулся, стал высоким и крепким мужчиной, научился не говорить обо всём, что чувствует, и приобрёл ту взрослую сдержанность, за которой постороннему человеку трудно разглядеть прежнего Акжол. Только улыбка иногда выдаёт его мгновенно: стоит ему рассмеяться по-настоящему, и серьёзность исчезает с лица, тёмные глаза теплеют, а в них снова появляется тот самый живой, любопытный мальчишка, которому всё интересно и который до сих пор не вполне понимает, зачем обходить препятствие, если можно сначала попробовать через него перелезть.

Акжол вырос в большой семье, где одиночество было скорее редкой привилегией, чем естественным состоянием. Дом Раушан и Берикхана всегда жил собственной шумной жизнью: на кухне что-нибудь кипело, в комнатах звучали голоса, кто-то входил, кто-то выходил, кто-то искал зарядку, ключи, детскую кофту или человека, который эту кофту куда-то переложил. Старший сын Мейрамбек со временем привёл в этот дом Жанну, потом появились их дочери Алина и Данель, и семейное пространство окончательно превратилось в маленький мир, где каждый знал о каждом чуть больше, чем тот собирался рассказывать. Акжол давно жил отдельно, но отдельная квартира не освобождала его от принадлежности к этому миру. Он мог неделями быть занят работой, встречами и своими делами, а потом вечером внезапно открыть родительскую дверь, бросить ключи на привычное место и услышать с кухни голос матери: «Руки помой сначала», — точно ему по-прежнему было двенадцать. Он обычно возмущался для порядка, но шёл мыть руки.

Дом держался на Раушан — не потому, что она этого требовала, просто иначе здесь почему-то не получалось. Преподаватель казахской литературы, она умела говорить красиво, быстро и убедительно, а материнская любовь в её исполнении обладала удивительной способностью одновременно согреть и лишить человека последней надежды остаться незамеченным. Она могла по одному выражению лица определить, что сын врёт, по интонации — что у него неприятности, а по слишком бодрому «всё нормально» — что нормально как раз ничего нет. В детстве Акжол был уверен, что мать обладает какой-то тайной системой наблюдения. Он мог вытереть грязные руки, спрятать порванную футболку и войти домой с видом человека, который весь день провёл в библиотеке, но Раушан всё равно спрашивала: «Куда лазил?» — и этим разрушала всю тщательно подготовленную легенду. При этом именно к ней он приходил с разбитыми коленями, температурой, школьными обидами и теми детскими бедами, которые взрослому кажутся пустяками, а ребёнку — концом света. Даже заболев, он упрямо говорил, что ему не больно, лишь бы она не волновалась. С возрастом изменилось многое, а эта привычка осталась. Если случалось что-то тяжёлое, взрослый Акжол сначала разбирался с этим сам и только потом, когда всё уже было позади, позволял родным узнать подробности. Он слишком хорошо знал, как Раушан умеет тревожиться за детей.

Берикхан любил сыновей иначе. Инженер-строитель по мелиорации, человек практический, спокойный и не склонный превращать каждую мысль в длинную речь, он с детства приучал их к простым вещам: сказал — сделай, взялся — закончи, ошибся — исправь, а если рядом твой человек — не бросай его в трудный момент. Иногда Раушан могла десять минут объяснять Акжолу, почему он неправ, а Берикхану хватало одного: «Ты сам-то как дума-

ешь?» И мальчишка, ещё секунду назад готовый защищать собственную правоту до последнего, неожиданно замолкал. От отца ему досталось очень многое: нелюбовь к пустым обещаниям, уважение к труду, внутреннее упрямство и почти болезненное чувство ответственности за тех, кого он однажды признал своими. Эта отцовская наука въелась в него крепко. Работу Акжол при необходимости мог сменить, планы — перечеркнуть, от ненужной вещи отказаться без сожалений. С людьми всё было иначе. Того, кого однажды признал своим, он держал рядом до последнего, даже когда давно следовало спросить себя, зачем.

Мейрамбек, старший брат, в детстве был для Акжолла одновременно образцом, соперником, союзником и владельцем невероятного количества вещей, которые младшему категорически запрещалось трогать. Последнее Акжол воспринимал не как запрет, а скорее как подробную инструкцию, где именно лежит самое интересное. Они дрались, мирились, жаловались друг на друга родителям, а через час уже объединялись, если опасность исходила извне. С возрастом необходимость постоянно выяснять, кто сильнее и кто прав, исчезла сама собой. Когда Мейрамбек женился и появились две дочери, и старший брат мог сколько угодно изображать главу собственного семейства, но Акжол с удовольствием напоминал ему, что мужчина, живущий в доме с матерью, женой и двумя дочерьми, не имеет права слишком уверенно рассуждать о власти. Мейрамбек обычно отвечал, что холостому младшему брату вообще запрещено давать советы по семейной жизни до тех пор, пока тот хотя бы раз не попробует утром одновременно найти детский носок, подписать школьную бумагу и понять, на что именно обиделись две женщины в разных комнатах.

Жанна вошла в семью спокойно, без попыток что-либо завоёвывать, и постепенно стала её неотделимой частью. С Раушан они могли вместе готовить, смеяться и обсуждать домашние дела, а через час тихо раздражаться друг на друга из-за какой-нибудь кастрюли или замечания, сказанного не тем тоном. С Мейрамбеком они иногда ссорились у себя в комнате вполголоса, надеясь, что остальные ничего не слышат, хотя в этом доме подобная надежда была проявлением почти детского оптимизма. Алина и Данель добавили в семейную жизнь окончательный хаос. Дядю Акжолла они обожали именно за то, за что родители периодически хотели выгнать его из воспитательного процесса: он приносил сладости перед ужином, соглашался на сомнительные детские авантюры и совершенно серьёзно мог поддержать племянниц в споре о том, что лечь спать на полчаса позже — фундаментальное право человека. Раушан возмущалась, Жанна грозила ему последствиями, Мейрамбек требовал не портить детей, а Акжол искренне не понимал, каким образом две конфеты способны уничтожить воспитательную систему, которую трое взрослых строили годами.

Особенное место в этом доме занимала Аида — мать Берикхана и бабушка Акжолла. Она никогда не пыталась быть главной и почти не вмешивалась в мелкие семейные споры, но стоило ей заговорить серьёзно, как прислушивались даже те, кто обычно относился к её предчувствиям с улыбкой. Аида обладала странной способностью чувствовать события раньше, чем они приобретали форму. Она могла внезапно попросить кого-нибудь не ехать привычной дорогой, посоветовать повременить с решением или, наоборот, сказать: «Не бойся, соглашайся», — хотя никто ещё не успел рассказать ей о своих сомнениях. Иногда ничего особенного не происходило, и Берикхан шутил, что мать опять видит знаки там, где остальные видят обычный вторник. Но иногда происходило. Тогда уже никто не шутил. Сама Аида никогда не называла это даром. Она лишь пожимала плечами: «Чувствую». Для маленького Акжолла бабушкины странности были такой же естественной частью мира, как Раушанины пироги или отцовские инструменты.

Однажды Аида сказала ему, что он встретит свою царевну. Акжол был ещё мальчишкой и воспринял сообщение буквально: в его воображении немедленно возникли башня, конь, корона и, вероятно, дракон, которого почему-то следовало победить. Он долго думал, где живёт царевна, как её зовут и почему она сама не может выбраться из своей башни. Аида

смеялась, гладила его по голове и отвечала уклончиво. «Ты её узнаешь», — сказала она наконец. «По чему?» — не отставал Акжол. «Не глазами». Этот ответ показался ему совершенно бессмысленным. Людей, по его твёрдому детскому убеждению, следовало узнавать именно глазами; иначе зачем они вообще нужны. Сапар и Аманжол, услышав историю, немедленно превратили царевну в семейно-дружескую шутку. «Главное, чтобы не вредная», — заявил Сапар. «Если вредная, значит настоящая», — авторитетно возразил Аманжол. Через несколько дней мальчишки переключились на другие приключения, но слова Аиды остались где-то глубоко, как остаются детские сказки, в которые взрослый человек уже не верит, но почему-то помнит почти дословно.

Сапар и Аманжол появились в жизни Акжолы ещё в школе и очень быстро превратились из приятелей в тех людей, которых семья перестаёт воспринимать как гостей. Если бы их познакомили уже взрослыми, ещё неизвестно, стали бы они друзьями. Но они встретились достаточно рано, чтобы различия не мешали, а только давали бесконечные поводы цепляться друг к другу. Сапар с юности отличался практичностью и умением смотреть на проблему так, будто перед ним уже лежала смета на её устранение. Аманжол обладал талантом превращать любое происшествие в спектакль и даже собственные неприятности подавал так, будто рядом непременно сидела публика. Акжол находился где-то между ними: достаточно серьёзный, чтобы думать о последствиях, и достаточно азартный, чтобы иногда первым предложить то, последствия чего потом приходилось втроём устранять. Они спорили, дрались, мирились, соревновались, впервые влюблялись, проваливали и сдавали экзамены, выросли рядом и знали друг друга в том возрасте, когда человек ещё не умеет тщательно выбирать, какую версию себя показывать окружающим.

Поэтому спустя годы им не требовались длинные объяснения. Сапар по одному взгляду видел, когда Акжол действительно спокоен, а когда только изображает спокойствие. Аманжол безошибочно распознавал его короткое «нормально», которое в зависимости от обстоятельств могло означать что угодно — от «я устал» до «если сейчас продолжишь спрашивать, мы поссоримся». Акжол, в свою очередь, знал, когда Сапар сердится, хотя тот уверяет, что ему всё равно, и когда Аманжол шутит не потому, что ему весело, а потому, что иначе придётся признаться, насколько сильно его задел очередной отказ. Разумеется, дружили они не образцово. Обижались, могли несколько дней демонстративно не звонить друг другу, а однажды всерьёз разругались, когда влюбившийся Сапар начал пропадать из компании. Сначала Акжол с Аманжолом воспринимали это почти как предательство. Потом привыкли: семнадцать лет закончились, и никто не обязан был навсегда остаться тем мальчишкой, которого они знали со школы. Сапар получил право на любовь и собственную семью, Аманжол — на свою бесконечную погоню за большой ролью, Акжол — на собственные решения. Но негласное правило осталось прежним: если одному действительно плохо, двое других приезжают без приглашения.

Сапар со временем стал прорабом. Работа ему подходила удивительно точно: стройка требовала крепких нервов, способности отвечать за людей и умения за минуту определить, где возникла настоящая проблема, а где кто-то просто пытается объяснить, почему работа, которая должна была быть закончена вчера, ещё даже не началась. Аманжол выбрал совсем другую жизнь и стал артистом. К тридцати пяти годам его большая роль всё ещё находилась где-то впереди, зато за плечами уже накопились кастинги, репетиции, небольшие роли, эпизоды и достаточно отказов, чтобы менее упрямый человек давно сменил профессию. Аманжол не менял. Если роль отдавали другому, он заявлял, что режиссёр пока не дорос до его масштаба; если ему доставался персонаж с двумя репликами, уверял, что великий путь начинается именно с двух. Сапар неизменно напоминал, что великий путь длится уже подозрительно долго. Акжол смеялся вместе с ними, но знал цену этим шуткам и видел, как после очередного неудачного кастинга Аманжол по десять раз проверяет телефон, надеясь на письмо, которое изменит всё.

Когда Сапар женился на Асель, она вошла в их компанию почти незаметно. Поначалу Акжол и Аманжол даже пытались вести себя при ней приличнее, что особенно тяжело давалось Аманжолу. Однажды он наклонился к Акжолу и шёпотом сообщил, что теперь приходится следить за языком, потому что «женщины всё слышат». Асель, сидевшая достаточно близко, чтобы действительно всё услышать, спокойно повернулась и сказала, что они могут не переживать. Аманжол несколько секунд изучал её, после чего торжественно объявил: «Всё. Берём». Так она и стала своей — без борьбы за место рядом с мужем и без попытки вытеснить его друзей. Она быстро выучила их старые истории, начала поправлять детали и однажды обнаружила, что уже сама спрашивает: «Это же тот случай, когда Акжол через окно из класса вылез?» Акжол возмутился, Сапар и Аманжол одновременно подтвердили, и Асель окончательно поняла главное правило этой компании: если трое рассказывают одну школьную историю, истина находится где-то между версиями.

Сам Акжол выбрал профессию экономиста. Цифры, расчёты, таблицы, анализ и необходимость заранее просчитывать последствия подходили его характеру. Он не стремился к показному успеху, но очень ценил самостоятельность. Устроился на работу, набирался опыта, постепенно рос профессионально, копил деньги, а затем купил квартиру в ипотеку. Квартира значила для него куда больше записи о собственности. Каждый выплаченный тенге напоминал, что эту часть жизни он устроил сам. Последний ипотечный платёж он запомнил почти физически: долго сидел в машине перед домом, смотрел на сообщение о полном погашении долга и улыбался. Теперь квартира действительно принадлежала ему. Потом появился автомобиль, нормальная мебель, техника, посуда, привычный порядок. Акжол не был человеком, который любит роскошь ради впечатления на окружающих. Ему нравилось другое — знать, что он сам может обеспечить себе удобную жизнь и не обязан просить разрешения на собственные решения.

Из родительского дома он переехал окончательно, но исчезнуть из него, разумеется, не смог. Раушан называла его визиты «набегами». Акжол мог приехать после работы, открыть холодильник и начать изучать содержимое так сосредоточенно, с видом человека, проверяющего квартальный отчёт. «Ты когда-нибудь научишься приходить не голодным?» — спрашивала мать. «Я вообще не есть приехал», — отвечал он, уже доставая тарелку. Раушан смотрела на него с выражением человека, которому предлагают особенно слабую версию защиты, и всё равно накладывала еду. В действительности Акжол прекрасно умел готовить и голодным к родителям почти никогда не приезжал. Ему нужен был сам дом: голос матери, спокойное присутствие отца, возможность поддеть Мейрамбека, услышать смех девочек, поговорить с Жанной и хотя бы несколько минут посидеть рядом с Аидой. Он любил свою отдельную жизнь именно потому, что за её пределами существовало место, где ему никогда не требовалось объяснять, зачем он пришёл.

Готовить Акжол действительно умел хорошо и относился к еде с серьёзностью, которая неизменно веселила друзей. Он знал, как выбрать мясо, понимал специи, не любил продукты, дорогие исключительно из-за красивой упаковки, и считал преступлением испортить хорошее блюдо небрежностью. Его кухня никогда не выглядела кухней холостяка, живущего на доставке: там были нормальные ножи, посуда, специи, продукты и всё необходимое для того, чтобы после тяжёлого рабочего дня снять пиджак, закатать рукава, включить музыку и через час поставить на стол настоящий ужин. Сапар мог зайти «на пять минут» и остаться до ночи. Аманжол обычно появлялся возле плиты первым и сообщал, что артисту необходимо качественное питание. «Ты вообще умеешь что-нибудь делать сам?» — однажды спросил Акжол. «Конечно. Я умею красиво есть». Сапар, не отрываясь от тарелки, подтвердил, что талант у друга действительно выдающийся.

Но задолго до квартиры, ипотеки и собственной кухни в жизни Акжолы появилась Салтанат. Он увидел её в университете, когда сам перешёл на четвёртый курс, а она только поступила

на первый. Салтанат была очень красива и прекрасно это знала. Стройная, ухоженная, с длинными волосами, выразительным лицом и уверенной походкой, она умела привлекать внимание и любила его. Акжолу, которому обычно не требовалось долго собираться с духом, рядом с ней внезапно стало девятнадцать во всех самых неудобных смыслах этого возраста. Он мог спорить с преподавателем, выступать перед аудиторией, разбираться с чужими проблемами, но подойти к первокурснице и сказать обычное «привет» оказалось задачей почти невозможной. Сапар и Аманжол заметили это быстрее, чем он успел придумать достойное объяснение.

— Ты всё ещё на неё смотришь? — спросил однажды Сапар, приехав к университету. Акжол сделал вид, что не понял, о ком речь. Аманжол тут же проследил за его взглядом и радостно протянул: «А-а-а. Вот оно что». Акжол предупредил его даже не пытаться вмешиваться. «Что именно? Поздороваться?» — невинно уточнил тот. «Не надо». — «Ты четвёртый курс заканчиваешь или первый класс?» Акжол промолчал. Он действительно боялся подойти. Не потому, что не знал слов, а потому, что Салтанат слишком сильно ему нравилась. Почти год он находил совершенно случайные причины проходить по нужному коридору, замечал её расписание, иногда ловил взгляд и тут же делал вид, что занят чем-то другим. Для Салтанат он пока оставался одним из старших студентов — заметным, уверенным, хорошо одетым, но не настолько важным, чтобы она сама сделала первый шаг.

Познакомились они в конце концов без всякого великого сценария. Несколько фраз, ещё одна случайная встреча, переписка, прогулки после занятий, кафе — и Акжол постепенно перестал терять способность говорить в её присутствии. Салтанат быстро привыкла к его вниманию. Он был заботлив, помнил мелочи, приезжал, когда обещал, умел слушать и относился к отношениям серьёзнее, чем многие молодые мужчины вокруг неё. В первые годы они действительно были счастливы по-своему. Акжолу нравилась её красота, лёгкость, умение выглядеть эффектно; нравилось видеть, как на неё смотрят другие, и знать, что вечером она уедет с ним. Салтанат нравилось быть любимой. Нравились цветы, встречи, рестораны, поездки, уверенность, что Акжол всегда окажется рядом. И если бы кто-нибудь тогда сказал ему, что однажды он будет сомневаться в этих отношениях, Акжол, вероятно, просто не понял бы вопроса.

Годы шли почти незаметно. Акжол окончил университет, начал работать, строить карьеру, купил квартиру, выплатил ипотеку, приобрёл машину. Салтанат тоже закончила учёбу, затем поступила в магистратуру. С работой у неё складывалось иначе. Она могла устроиться, некоторое время поработать, устать, уйти, попробовать что-нибудь ещё и снова решить, что место ей не подходит. Карьера никогда не была для неё внутренней потребностью. Красивую жизнь Салтанат любила; вот сам путь к ней — ранние подъёмы, скучная работа, необходимость годами чего-то добиваться — нравился ей заметно меньше. В молодости она ещё смотрела по сторонам и допускала, что однажды рядом может появиться мужчина богаче, влиятельнее, эффектнее Акжол. Она никогда не говорила ему об этом прямо и, возможно, сама не считала свои мысли предательством. Акжол был рядом, любил её, был надёжен, а жизнь пока оставляла достаточно времени, чтобы не принимать окончательных решений.

Постепенно положение изменилось. Акжол становился старше, увереннее, успешнее. Он не разбрасывался деньгами, не жил одним днём, не зависел от родителей, имел стабильную работу и умел заботиться о себе. И Салтанат всё чаще смотрела на него уже не глазами первокурсницы, которой нравится внимание старшего студента, а глазами женщины, оценивающей будущее. Мужчина, который когда-то казался ей одним из возможных вариантов, со временем превратился в очень надёжный вариант. Эта перемена была настолько постепенной, что Акжол её не заметил. Он видел рядом всё ту же Салтанат, с которой прожил огромную часть взрослой жизни. Она знала его привычки, семью, друзей; бывала у него дома, знала, где лежат чашки, могла открыть холодильник, снять туфли и пройти в комнату без ощущения, что находится в гостях. Иногда Акжол готовил для неё ужин, ставил тарелку, спрашивал, вкусно ли получилось, и в этих простых вечерах видел почти готовую семейную жизнь. Салтанат тоже видела

семейную жизнь — только всё чаще замечала в ней не столько самого Акжол, сколько комфорт и устойчивость, которые он мог дать.

За десять с лишним лет Салтанат так прочно вошла в его жизнь, что Акжол уже почти не помнил себя без неё. Акжол давно уже не волновался перед встречами с Салтанат так, как когда-то в университетском коридоре. Между ними были общие воспоминания, знакомые маршруты, любимые места, ссоры, примирения, семейные праздники, подарки, планы, которые откладывались и снова обсуждались. Он почти не задавал себе вопроса, женится ли на ней. В его голове существовал только вопрос — когда. Не потому, что каждое утро он просыпался с мечтой о свадьбе, а потому, что другого будущего всерьёз никогда не рассматривал. Салтанат была в его жизни так давно, что мысль о её отсутствии казалась почти такой же странной, как мысль однажды перестать общаться с Сапаром или перестать приезжать в родительский дом.

Раушан знала Салтанат много лет и давно перестала воспринимать её как случайную девушку сына. Берикхан тоже привык к её присутствию. Мейрамбек и Жанна видели её на семейных встречах, Алина и Данель знали по имени. Для окружающих история Акжол и Салтанат постепенно приобрела ту опасную степень очевидности, когда решение двух людей начинает восприниматься как давно утверждённый семейный план. Если они столько лет вместе, значит, поженятся. Если не поженились до сих пор, значит, просто ещё не выбрали время. Даже сам Акжол думал приблизительно так же. Он давно перестал спрашивать себя, хочет ли жениться именно сейчас. После стольких лет вместе свадьба казалась естественным продолжением — почти обязательным. Разницу между привычным «мы всё равно поженимся» и настоящим желанием сделать это он тогда ещё не замечал.

В присутствии Акжол Аида относилась к Салтанат спокойно. Она не ругала её, не пыталась настроить внука против неё и не выносила при нём никаких пророческих приговоров. Но однажды Акжол, ещё молодой и уверенный в том, что всё в жизни устроено значительно проще, чем кажется старикам, вспомнил бабушкину давнюю сказку и с улыбкой спросил: «Ну что, апа, похожа на твою царевну?» Аида посмотрела сначала на него, потом на Салтанат, которая в другом конце комнаты что-то показывала Раушан в телефоне, и ответила: «А ты сам как думаешь?» — «Я у тебя спрашиваю». — «А жить тебе». Акжол рассмеялся, решив, что бабушка опять уклонилась от прямого ответа. Он не стал допытываться и вскоре забыл этот разговор. Только много лет спустя ему предстояло понять, что Аида не уклонилась. Она просто отказалась выбирать за него.

Отдельной страстью Акжол оставались путешествия. В путешествиях его меньше всего интересовали дорогие отели и фотографии для социальных сетей. Ему нравилось другое: на несколько дней оставить привычную жизнь где-то далеко за спиной. Дома он планировал многое заранее: работу, платежи, встречи, покупки. В поездке мог внезапно свернуть на незнакомую улицу, остановиться в маленьком кафе только потому, что оттуда вкусно пахло, или утром отказаться от экскурсии и решить провести день у воды. Новые города он запоминал не только улицами и зданиями, но и вкусами: мог долго искать место, где готовят действительно хорошее местное блюдо, расспрашивать официанта, спорить о специях и потом ещё год вспоминать какой-нибудь совершенно неприметный ресторан, потому что там однажды правильно приготовили мясо.

Больше всего Акжол любил море. Перед огромной водой в нём исчезала необходимость всё контролировать. Он мог часами сидеть на берегу, слушать волны, смотреть, как меняется свет, и не испытывать привычного желания занять себя чем-нибудь полезным. Море давало ему редкое ощущение внутренней свободы — такое, которого не было ни в работе, ни в квартире, ни даже в любимом родительском доме. Он любил уезжать и любил возвращаться, потому что всегда был уверен: его жизнь стоит прочно, все важные люди находятся на своих местах, а дорога — всего лишь короткая передышка между привычными днями. У него была семья, старые друзья, работа, собственный дом, Салтанат и будущее, которое казалось давно понят-

ным. Акжолу казалось, что всё главное в его жизни уже определено. Семья, друзья, работа, дом, Салтанат — всё стояло на своих местах.

3. Семья Акжола

Бабушке Аиде было далеко за восемьдесят, но старость никогда не смогла сделать ее маленькой. Она словно не уменьшалась с годами, а, напротив, становилась значительнее, будто прожитые десятилетия не отнимали у нее силу, а собирали ее внутри, слой за слоем, как собирается под землей вода. Невысокая, сухоощавая, с тонкими руками и удивительно прямой спиной, она двигалась неторопливо, но в каждом ее движении чувствовалась такая уверенность, что рядом с ней невольно хотелось говорить тише. Лицо у Аиды было изборождено глубокими морщинами. Они расходились от уголков глаз, залегали на лбу, спускались к губам и особенно заметны становились, когда она улыбалась. Но глаза совершенно не соответствовали этому лицу. Они оставались живыми, внимательными и молодыми, темными, почти черными, с каким-то странным, тревожащим блеском. Казалось, Аида смотрит не столько на человека, сколько сквозь него, пытаясь разглядеть что-то, спрятанное за его словами, поступками и даже собственными мыслями. Волосы ее давно стали совершенно белыми. Она обычно собирала их на затылке и прятала под легким платком, оставляя открытым лицо. В доме она предпочитала простую одежду — длинные платья, теплую безрукавку зимой, мягкий платок на плечах. На пальцах у нее почти всегда были старые кольца, некоторые потемневшие от времени, доставшиеся еще от матери и бабушки. Она никогда не расставалась с ними, хотя давно уже никто не помнил, кому именно они принадлежали прежде. Аида говорила негромко. Ей не требовалось повышать голос, чтобы ее услышали. Иногда она могла несколько минут молчать, пока остальные спорили, обсуждали новости, строили планы, смеялись, а потом произнести одну короткую фразу — и в комнате становилось тихо.

В семье к ней относились по-разному. Кто-то уважал, кто-то побаивался, кто-то откровенно считал ее странной. Особенно после того, как она стала говорить о вещах, которые не могла знать.

Особенно сильно ее привязанность к Акжолу проявилась еще в его детстве. Она любила его не так, как другие взрослые. Раушан заботилась о сыне, тревожилась за него, ругала, когда он возвращался поздно, следила, чтобы он хорошо ел и тепло одевался. Берикхан воспитывал его строже, учил быть мужчиной, отвечать за свои слова и не жаловаться на трудности. Аида же словно наблюдала за внуком из другого измерения. Она могла долго сидеть рядом, пока маленький Акжол спал, осторожно поправлять ему одеяло и смотреть на его лицо с каким-то задумчивым выражением. Однажды, когда Акжол был еще совсем мальчишкой, она сказала Раушан: — За ним однажды придет женщина. Раушан рассмеялась. — За ребенком? Аида, ему еще рано даже о женитьбе думать. — Я не про сейчас. — А про что? Аида посмотрела на спящего внука и улыбнулась. — Про ту, которую он сам не сможет отпустить. Раушан тогда только покачала головой. Она привыкла к подобным словам матери и не стала придавать им значения.

Но с годами Аида стала говорить о будущей жене Акжола все чаще. Она называла ее Царевной. Никто не понимал, что именно это означает. — Какой еще царевной? — смеялся Берикхан. — У нас тут царства давно закончились. — Для тебя закончились, — спокойно отвечала Аида. — А для него еще нет. Берикхан обычно после этого махал рукой и уходил, а Раушан улыбалась, считая разговор очередной причудой старой матери. Только сама Аида никогда не улыбалась, когда говорила об этой девушке. Она будто действительно ее видела. Иногда, сидя у окна, Аида вдруг замирала, переставала слышать разговоры вокруг и смотрела куда-то далеко, туда, где за стеклом двигалась обычная жизнь. В такие минуты ее лицо становилось совершенно неподвижным, а глаза приобретали тот самый странный блеск. — Она придет издалека, — однажды сказала она. — Кто? — спросила Раушан. Аида не ответила сразу. — Та самая. — Царевна? Старуха кивнула. — И ты ее узнаешь? — Нет. Это он узнает. Аида была

человеком, который редко ошибался в людях, но совершенно не умел объяснять другим то, что происходило у нее внутри. Возможно, поэтому ее и считали немного сумасшедшей. Ей было проще промолчать, чем пытаться доказать очевидное для нее и невозможное для остальных.

При этом Аида не была беззащитной старухой, которую можно было легко обмануть. Наоборот. В семье знали: если она кого-то невзлюбила, лучше не пытаться заставить ее изменить мнение.

Салтанат она не полюбила с самого начала. Она почти ничего не сказала во время первого знакомства, лишь внимательно посмотрела на девушку, задержав взгляд на ее лице дольше, чем было принято. Салтанат улыбалась, старалась понравиться, говорила вежливо и красиво, но Аида словно слушала не ее слова. Она замечала всё: глаза, руки, манеру держать голову и особенно то, как девушка смотрит на Акжолу, когда думает, что никто этого не видит. После знакомства Раушан спросила: — Ну что? Аида долго молчала. — Не она. Раушан нахмурилась. — Аида... — Не она, — повторила старуха. — Ты даже толком ее не знаешь. — Мне не нужно знать ее всю жизнь, чтобы понять, что она не его судьба. Раушан тяжело вздохнула. Она не хотела спорить со свекровью, но и принимать подобные слова всерьез не могла. Аида же только посмотрела вслед Акжолу. В ее взгляде не было ни злости, ни тревоги. Только печаль человека, который будто уже увидел впереди дорогу и знает, что идти по ней придется через боль.

Но больше всего она любила Акжолу именно за то, что он не верил в ее видения. Он мог смеяться над ее словами, спорить, просить не пугать мать и отца своими предсказаниями, но никогда не позволял себе относиться к ней с неуважением. Иногда, приезжая к ней, он садился рядом, клал голову ей на плечо, как в детстве, и спрашивал: — Ну что, бабушка, какую еще судьбу ты мне сегодня придумала? Аида поглаживала его по волосам и отвечала: — Я ничего не придумываю. Это ты пока не видишь. — И что же я должен увидеть? Она смотрела ему прямо в глаза и тихо произносила: — Царевну. Акжол смеялся. Аида тоже улыбалась, но в глубине ее глаз оставалось что-то серьезное. Потому что она знала: когда-нибудь наступит день, когда внук перестанет смеяться над этим словом.

Когда Аида была молодой, никто бы не назвал ее странной. Напротив, в юности она считалась одной из самых красивых девушек в своем ауле — не той ослепительной красотой, которая заставляет оборачиваться на улице, а спокойной, глубокой, почти степной. У нее были густые черные волосы, которые она заплетала в длинную косу, большие темные глаза и тонкое лицо с высокими скулами. Она смеялась редко, но если смеялась, то так искренне, что рядом с ней становилось легче. Она выросла в семье, где стариков слушали внимательно, а к словам предков относились не как к пустым историям. Ее бабушка когда-то тоже умела видеть сны, которые потом сбывались. Об этом в семье говорили неохотно, точно знали: некоторые вещи лучше не называть слишком часто. В детстве Аида любила сидеть рядом с ней вечерами, когда в доме становилось тихо, а за окном ветер шевелил полог и приносил запах сухой травы и дыма. Старуха рассказывала ей о людях, которых уже давно не было, о событиях, случившихся еще до рождения Аиды, и иногда вдруг замолкала посреди рассказа, словно прислушивалась к чему-то невидимому. — Бабушка, а что ты слушаешь? — спрашивала маленькая Аида. — Тишину. — А что она говорит? Старуха улыбалась. — Иногда больше, чем люди. Тогда Аида не понимала этих слов.

Первый раз она испугалась собственного дара, когда ей было около шестнадцати лет. Ночью ей приснился ее двоюродный брат, который в тот момент находился далеко от дома. Во сне он стоял на дороге, а вокруг него кружилась пыль. Он что-то говорил ей, но Аида никак не могла разобрать слов. Проснувшись, она почему-то начала плакать и долго не могла успокоиться. Через несколько дней пришла весть: брат попал в беду. Он выжил, но возвращался домой совсем другим человеком. Аида никому не рассказала о своем сне. Позже случалось и другое. Она могла увидеть во сне человека, о котором давно никто не вспоминал, а через несколько дней получить от него весть. Иногда перед каким-нибудь несчастьем ее охва-

тивало необъяснимое беспокойство. Она могла проснуться среди ночи, сесть на кровати и долго смотреть в темноту, сама не понимая, почему сердце бьется так сильно. Сначала она пыталась сопротивляться. Она решила, что это просто совпадения. Потом поняла, что совпадений становится слишком много.

Но настоящая перемена произошла уже после ее замужества.

Аида вышла замуж молодой, как тогда было принято, и довольно быстро стала матерью. Жизнь была простой и тяжелой: хозяйство, дети, работа, заботы, болезни, радости, похороны и свадьбы. Никаких особых чудес в ней не было. Она сама считала себя совершенно обычной женщиной. Пока однажды не увидела во сне женщину, которой еще не знала. Это был странный сон. Аида стояла посреди огромной степи. Вокруг не было ни домов, ни людей, только бесконечная трава, уходящая к горизонту. Вдалеке появилась женщина в светлом платье. Она шла медленно, но с каждым шагом становилась все ближе. Лица Аида не видела, зато увидела ее глаза. Проснувшись, она почему-то произнесла вслух: — Царевна. Сама не знала, почему сказала именно это.

Через много лет, когда у Раушан родился Акжол, Аида впервые почувствовала, что этот сон был связан именно с ним. Мальчик появился на свет крепким, громким и упрямым. Он не любил лежать спокойно, рано начал ползать, а потом и ходить, постоянно норовя куда-нибудь забраться. Раушан уставала от его бесконечной энергии, Берикхан смеялся, что из сына вырастет человек, которому никогда не сидеть на месте, а Аида просто наблюдала. Она часто брала внука на руки и долго смотрела на него. — Что ты там высматриваешь? — однажды спросила Раушан. — Дорогу. — Какую еще дорогу? Аида улыбнулась. — Его. Раушан тогда рассмеялась, решив, что свекровь опять говорит загадками. Но однажды, когда Акжолу было лет пять или шесть, он заснул у нее на руках. Аида поправила одеяло, провела ладонью по его волосам и вдруг почувствовала то самое состояние, которое знала с детства. Перед глазами словно на мгновение вспыхнул образ. Она увидела взрослого Акжолу. Увидела мужчину, которым он еще только должен был стать. И рядом с ним — женщину. Неясную, словно окруженную светом. Аида не увидела ни ее одежды, ни лица. Только почувствовала невероятное спокойствие, которое исходило от этой женщины. И тогда она впервые сказала: — Царевна.

Раушан, находившаяся рядом, рассмеялась. — Опять ты за свое. Аида не стала объяснять.

С этого времени слово «царевна» стало ее маленькой тайной. Когда Акжол подрос, Аида иногда говорила ему: — Не торопись жениться. — Почему? — Тебе еще предстоит встретить свою. — А если я уже встретил? Аида внимательно смотрела на него. — Ты бы не спрашивал. Он смеялся, а она качала головой. Акжол и не торопился с женитьбой.

Аида никогда не пыталась распоряжаться жизнью внука. Она могла предупредить, сказать о своём ощущении, но решение всегда оставляла ему: даже увиденная ею дорога не означала, что человек непременно по ней пойдёт. Человек всегда мог свернуть в сторону, сделать другой выбор, испугаться, отказаться, не заметить того, кто пришел в его жизнь. И именно поэтому она никогда не говорила Акжолу: «Ты должен жениться на той или этой». Она лишь ждала.

Салтанат впервые появилась перед ней уже взрослой девушкой, и Аида почти сразу почувствовала внутреннее сопротивление. Салтанат была красивой, ухоженной, умела улыбаться так, что мужчины задерживали на ней взгляд. Она прекрасно знала цену своей внешности и умела производить нужное впечатление. Но Аида смотрела глубже. Она заметила, как девушка смотрит на Акжолу, когда думает, что никто не видит. В этом взгляде было многое — интерес, расчет, привычка оценивать, но почти не было того беззащитного чувства, которое Аида однажды увидела во сне рядом с внуком. Старуха ничего не сказала. Она только вздохнула. Позже Раушан спросила: — Тебе она совсем не нравится? Аида долго молчала. — Она красивая. — И? — Красота еще никогда не была доказательством счастья. Раушан нахмури-

лась. — Аида, не начинай. — Я и не начинаю. Я просто вижу. Аида и не пыталась доказывать свою правоту. Сказав то, что считала нужным, она обычно замолкала: дальше человеку всё равно предстояло жить и выбирать самому.

Годы шли. Аида старела, ее волосы становились белыми, движения — медленнее, но странная способность никуда не исчезала. Иногда она видела будущее во сне, иногда — в коротких вспышках, иногда просто знала что-то, чему не находила объяснения.

А потом наступил день, когда она впервые увидела женщину. Не вживую. Во сне. Аида стояла на берегу моря. Перед ней бушевала вода, а над горизонтом горело необыкновенное небо. По поверхности моря шла женщина с рыжеватыми волосами. Она не тонула и не боялась воды. Она просто шла навстречу. Аида посмотрела на нее и сразу поняла. Это была та самая женщина. Та самая «царевна», которую она увидела много лет назад возле маленького спящего Акжолы. На этот раз Аида проснулась не испуганной, а спокойной. Она долго лежала в темноте, глядя в потолок. Потом тихо произнесла: — Наконец-то. И впервые за много лет ей стало страшно не за будущее. Ей стало страшно за Акжолу. Аида не знала, как именно всё случится. Она слишком долго жила, чтобы ждать от судьбы прямых дорог: между людьми могли встать расстояние, ошибки, чужие решения и боль. Но после этого сна у неё осталось упрямое ощущение, что встреча всё равно состоится и бесследно для Акжолы не пройдет.

Раушан и Берикхан прожили вместе большую часть своей жизни, и со стороны их семья всегда казалась удивительно прочной — не той показной прочностью, которую демонстрируют на людях, а настоящей, выработанной годами совместной жизни, когда два человека уже давно научились понимать друг друга по одному взгляду, по интонации, по тому, как закрывается дверь или ставится на стол чашка чая.

Раушан была преподавателем казахской литературы. Школа стала для нее не просто местом работы, а частью жизни, почти продолжением собственного дома. Она знала произведения классиков не только по учебникам: многие стихи и строки помнила наизусть, могла среди обычного разговора вдруг привести цитату, которая удивительным образом точно подходила к ситуации. Для нее литература никогда не была набором фамилий, дат и названий произведений. Она видела в ней человеческую жизнь — любовь, предательство, достоинство, слабость, мужество, одиночество, способность человека ошибаться и все-таки пытаться стать лучше. На уроках Раушан была требовательной. Она не любила, когда ученики механически заучивали текст, не понимая его смысла. Могла спокойно выслушать длинный пересказ, а потом спросить: «А ты сам как думаешь?» — и этим простым вопросом поставить ученика в тупик сильнее, чем самая сложная контрольная. Ей было важно не только, чтобы дети знали литературу, но и чтобы они умели чувствовать слово. Она вообще была человеком слова. Если Раушан что-то говорила, то редко бросала слова на ветер. Даже в семейных спорах она могла долго молчать, слушая остальных, а потом произнести несколько фраз — и спор неожиданно заканчивался, потому что возразить было нечего.

Берикхан был совершенно другим. Он много лет работал инженером-строителем по мелиорации. Его жизнь была связана с землей, водой, расчетами, проектами, каналами, оросительными системами и тем огромным, сложным хозяйством, благодаря которому сухая земля могла становиться плодородной. Он привык мыслить конкретно: если есть проблема, ее нужно не обсуждать бесконечно, а найти причину, просчитать последствия и исправить. Берикхан мог часами смотреть на чертежи, делать пометки карандашом, спорить с коллегами о каких-нибудь уклонах, пропускной способности каналов или состоянии сооружений. Он уважал точность и терпеть не мог приблизительности. — «Наверное» — это не инженерное слово, — любил повторять он. Раушан в ответ улыбалась: — А человек — не чертеж, Берикхан. Его не всегда можно рассчитать. — Поэтому с людьми и сложнее, чем с водой, — отвечал он. И в этом они были совершенно разными. Раушан привыкла искать причину человеческого поступка. Берикхан — причину технической неисправности. Она спрашивала: «Почему он так поступил?» Он

спрашивал: «Где ошибка в расчете?» Она верила в силу чувства и слова. Он — в цифры, опыт и ответственность. Но именно эти различия и сделали их хорошей парой.

Берикхан мог быть человеком довольно суровым. В молодости особенно. Он много работал, часто отсутствовал дома, уезжал в командировки, возвращался уставшим, с запахом дороги, пыли и ветра на одежде. Он не был из тех мужчин, которые любят долго говорить о своих чувствах. Если любил — делал. Если переживал — молчал. Если боялся за семью — начинал еще больше работать. Раушан сначала пыталась заставить его разговаривать. — Ты можешь хоть иногда сказать, что чувствуешь? Берикхан смотрел на нее с искренним недоумением. — А что тут говорить? — Всё. — Я же дома. Для него это действительно было доказательством любви. Если он возвращался домой, приносил продукты, чинил то, что сломалось, заботился о детях, помогал Раушан, когда она уставала, — разве этого было недостаточно? Со временем Раушан поняла его язык. А Берикхан научился понимать ее. Когда Раушан приходила после тяжелого рабочего дня и начинала рассказывать о своих учениках, он мог сначала сделать вид, что не слушает, продолжая читать газету или смотреть новости, но потом вдруг вставлял короткое замечание, показывая, что слышал каждое ее слово. Иногда он даже пытался рассуждать о литературе, хотя Раушан прекрасно знала, что ее муж предпочитает технические журналы романам. — Ты вообще понял, о чем я рассказываю? — спрашивала она. — Конечно. — И что ты думаешь? Берикхан некоторое время молчал. — По-моему, он сам виноват. Раушан смотрела на него несколько секунд, а потом начинала смеяться. — Берикхан, это произведение Абая. — Ну и что? — Там не всё так просто.

— У вас, филологов, вообще ничего простого нет. Она смеялась, а он недовольно качал головой, хотя уголки его губ тоже едва заметно поднимались.

Детей они воспитывали по-разному. Раушан старалась объяснять. Берикхан — показывать примером. Если Акжол совершал ошибку, мать могла долго говорить с ним, разбирая причины его поступка, спрашивая, что он чувствовал, что хотел сделать и почему получилось иначе. Берикхан мог выслушать весь разговор, а потом сказать всего несколько слов: — Сделал ошибку — исправь. Но второй раз такую же не повторяй. Акжол иногда считал отца слишком строгим, особенно в юности. Ему казалось, что Берикхан требует от него слишком многого, мало хвалит и редко показывает, что гордится сыном. Только став взрослым, Акжол понял, что отец гордился им постоянно. Просто выражал это иначе. Берикхан никогда не говорил соседям: «Мой сын — молодец». Зато мог случайно упомянуть в разговоре: — Акжол сам квартиру купил. Ипотеку выплатил. И в этих нескольких словах было больше гордости, чем в длинной похвале.

Раушан была мягче, но и у нее был свой характер. Ее невозможно было назвать слабой женщиной. За спокойным голосом и интеллигентными манерами скрывалась твердая воля. Если она считала что-то неправильным, переубедить ее было почти невозможно. Именно поэтому в семье все прекрасно знали: если Берикхан — стена, то Раушан — фундамент.

А между ними существовала еще Аида. Мать Берикхана, свекровь Раушан, бабушка Мейрама и Акжол. С Аидой Берикхан старался не спорить. Не потому, что боялся мать. Просто давно понял: спорить с женщиной, которая смотрит на тебя своими темными внимательными глазами и после десятиминутного молчания говорит одну фразу, от которой становится не по себе, — занятие совершенно бесполезное.

Раушан иногда посмеивалась над свекровью, но в глубине души всегда прислушивалась к ее словам. Берикхан же относился к странностям Аиды с осторожным скептицизмом. Он не отрицал того, чего не мог объяснить, но и не собирался признавать все ее предсказания правдой. — Мама, — говорил он, — если бы вы знали будущее, давно бы уже сказали, когда я выйду на пенсию. Аида смотрела на него поверх очков. — Ты и так знаешь. — Когда? — Когда перестанешь работать. — Вот это очень точное предсказание. Раушан обычно смеялась, а Аида лишь качала головой.

Так и жили — три поколения под одной семейной историей, где один человек верил в силу слова, другой — в силу расчета, а третья точно знала о жизни нечто такое, чего не было написано ни в одной книге и не помещалось ни в одну инженерную формулу. И именно в этой семье вырос Акжол — человек, которому от матери досталась способность чувствовать, от отца — привычка отвечать за свои решения, а от бабушки — странная, почти необъяснимая тяга верить, что за видимой жизнью существует еще одна, невидимая дорога, которую человек замечает только тогда, когда судьба сама ставит его перед ней.

Мейрамбек был старшим сыном Раушан и Берикхана, первым ребенком, на котором родители когда-то учились быть родителями. На нем в детстве лежало больше ответственности, чем на Акжоле: ему чаще напоминали, что он старший, что должен подавать пример, уступать младшему брату и помогать отцу. Он рано привык чувствовать себя частью семейного механизма, где каждый должен знать свое место и выполнять свою часть работы. Акжол появился позже и с самого детства был для Мейрамбека одновременно младшим братом, которого нужно было защищать, и вечным источником мелких неприятностей. Они могли спорить из-за пустяков, драться в детстве, обвинять друг друга перед родителями, а через десять минут уже сидеть рядом, будто ничего не произошло. С годами детская соперничающая привязанность превратилась в спокойную братскую близость, в которой не требовалось много слов.

После женитьбы Мейрамбек не стал отделяться от родителей. Вместе с Жанной они остались жить в доме Раушан и Берикхана, и постепенно в нем стало еще шумнее. У Мейрамбека и Жанны родились две дочери — Алина и Данель, и теперь по утрам дом просыпался раньше всех не из-за взрослых, а из-за детских голосов, топота маленьких ног и вечных поисков то заколки, то игрушки, то второй туфельки, которую Данель каким-то чудом умудрялась потерять прямо посреди комнаты.

Мейрамбек был человеком спокойным, семейным, иногда даже слишком терпеливым. Он не любил выносить домашние проблемы наружу и считал, что если супруги поссорились, это их личное дело. Жанна придерживалась того же мнения, хотя именно она чаще первой начинала возмущаться, если считала, что муж ее не услышал. Поэтому их ссоры обычно происходили за закрытой дверью спальни и проходили почти шепотом. — Я тебе уже третий раз говорю, Мейрамбек, — раздраженно произносила Жанна, стараясь не повышать голоса. — А я тебя услышал. — Нет, не услышал. — Услышал. — Тогда почему опять сделал по-своему? После этого наступала тишина, а затем начинался новый раунд совершенно тихого семейного спора.

Раушан, находившаяся в соседней комнате, прекрасно понимала, что происходит. Она могла на мгновение замереть с чашкой в руках, прислушаться к приглушенным голосам за стеной, а потом совершенно невозмутимо продолжить свои дела. Вмешиваться она не собиралась. В конце концов, Мейрамбек давно вырос, у него собственная семья, и если муж с женой не могут решить, кто сегодня должен был забрать детей или почему кто-то опять оставил вещи не на своем месте, мать не обязана становиться судьей. Берикхан относился к этим семейным спектаклям еще проще. Услышав приглушенный голос Жанны, он делал телевизор немного громче и уходил туда, где было безопаснее всего — в свои мысли, новости или очередной инженерный журнал. Он считал, что мудрый мужчина не вмешивается в супружеский спор сына, если его об этом не просили. Аида же, если находилась в доме, иногда слушала происходящее с невозмутимым выражением лица. Она прожила достаточно долгую жизнь, чтобы знать: супруги могут тихо ругаться вечером, а утром вместе пить чай и обсуждать, что приготовить на ужин. — Помиритесь, — спокойно говорила она, если Раушан начинала беспокоиться. — Откуда ты знаешь? Аида пожимала плечами. — Если бы не помирились, уже хлопнула бы дверь. И действительно, спустя какое-то время дверь комнаты открывалась, Мейрамбек выходил с таким видом, будто последние двадцать минут обсуждал с Жанной исключительно

погоду, а следом появлялась Жанна, уже совершенно спокойная. И дом снова возвращался к обычной жизни.

Жанна была женщиной практичной, энергичной и достаточно самостоятельной. Она старалась держать под контролем детей, хозяйство и собственную жизнь, но совместное проживание с родителями мужа иногда требовало от нее особого терпения. Раушан не вмешивалась намеренно, но у нее были свои представления о том, как следует вести хозяйство и воспитывать детей. Жанна уважала свекровь, однако иногда внутренне раздражалась, когда слышала знакомое: «Я бы на твоём месте сделала иначе». Она могла промолчать. Могла улыбнуться. А вечером, уже в своей комнате, высказать Мейрамбеку всё, что накопилось за день. — Твоя мама опять сказала, что Данель слишком много сладкого ест. — Ну, может, действительно много. — Вот! Ты опять за нее! — Я не за нее. Я просто сказал... — Не надо. Мейрамбек замолчал. Он давно понял, что иногда самое разумное решение семейного конфликта — не продолжать его.

И все-таки Акжол любил этот дом. Любил своих родителей, привык к их присутствию, к голосу матери, к тяжелой поступи отца, к семейным разговорам за столом. Ему нравилось, что дочери растут рядом с бабушкой и дедушкой. Алина и Данель обожали Раушан и совершенно беззастенчиво пользовались слабостью Берикхана к внукам. Берикхан, который когда-то мог одним взглядом заставить собственных сыновей выпрямиться и замолчать, перед внуками превращался в совершенно другого человека. — Дедушка, купи, — просила Данель. — Нет. — Почему? — Потому что у тебя уже есть. — Но я хочу другую. Берикхан смотрел на нее несколько секунд, затем тяжело вздыхал. — Какую? Жанна в этот момент обычно закатывала глаза. — Вот поэтому они вас и любят больше всех. — Я дедушка, — невозмутимо отвечал Берикхан. — Мне можно.

Алина была спокойнее и рассудительнее сестры. Она любила наблюдать за взрослыми, запоминала их разговоры и иногда совершенно неожиданно выдавала такую точную реплику, что Раушан не могла удержаться от смеха. Данель была живее, непосредственнее и эмоциональнее; она могла ворваться в комнату, забраться к дедушке на колени и сообщить какую-нибудь совершенно незначительную для взрослых, но невероятно важную для нее новость.

Так в доме Раушан и Берикхана жили сразу несколько поколений. Старики, привыкшие к своему порядку; взрослые дети со своими семьями; две маленькие девочки, которые еще не знали, что такое взрослые проблемы. Здесь могли спорить, обижаться, мириться, уставать друг от друга и снова собираться за одним столом.

А когда приезжал Акжол, дом становился еще оживленнее. Мейрамбек неизменно начинал подшучивать над младшим братом, Раушан пыталась накормить его всем сразу, Берикхан расспрашивал о работе, а Жанна следила за девочками, которые тут же начинали требовать внимания дяди.

И среди всего этого семейного шума Аида чаще всего сидела немного в стороне и наблюдала. Она видела, как выросли ее сын и невестка, как повзрослели внуки, как появились правнуки. Она видела то, чего не замечали остальные: кто к кому привязан, кто что скрывает, кто действительно счастлив, а кто лишь делает вид. Такой Акжол и возвращался сюда снова и снова — в шумный дом, где мать понимала его по голосу, отец учил отвечать за поступки, а бабушка Аида по-прежнему замечала то, мимо чего остальные проходили.

4. После сырға салу

Утро после сырға салу началось в доме Раушан раньше обычного и совсем не так, как должно было начинаться утро после хорошего семейного праздника. Казалось бы, вчера всё прошло достойно: обряд состоялся, родственники разъехались довольные, подарки были вручены, серьги заняли своё место в ушах будущей невестки, а многочисленные фотографии уже с ночи начали гулять по семейным чатам, собирая сердечки, пожелания счастья и неизбежные замечания тётушек о том, кто похудел, кто поправился и кто на общем снимке почему-то опять закрыл глаза. Но Раушан проснулась с тяжёлым чувством, которое не сумела ни объяснить себе, ни прогнать. Поэтому уже на рассвете она стояла на кухне и обращалась с кастрюлями так, словно именно они были виноваты в том, что одна короткая фраза, услышанная накануне, не давала ей покоя. Крышка с грохотом легла на столешницу, ложка звякнула о раковину, дверца шкафа закрылась чуть сильнее, чем требовалось, и даже хлеб Раушан резала с таким сосредоточенным раздражением, будто пыталась разделаться не с буханкой, а с собственными мыслями.

Аида сидела у окна, согревая ладони о пиалу с чаем, и некоторое время наблюдала молча. Она знала невестку слишком давно, чтобы спрашивать сразу. Раушан могла сердиться громко, но говорить о настоящей причине начинала только тогда, когда сама созревала до разговора. Поэтому Аида спокойно отпила чай, перебрала пальцами несколько бусин чётки и лишь после очередного особенно выразительного удара ножа о доску заметила: — Если хлеб перед тобой в чём-то виноват, скажи ему сразу. Может, признается. Раушан бросила на неё взгляд, в котором на мгновение мелькнуло желание рассмеяться, но настроение победило. — Камни, оказывается, могли быть и крупнее, — пробормотала она. Аида чуть приподняла брови. — Вот оно что. — Я вчера случайно услышала. Не собиралась подслушивать, проходила мимо комнаты. Она с подругами сидела, серьги рассматривала. И знаешь, что сказала? Красивые, мол, но камни могли быть крупнее. — Раушан снова взялась за нож, однако теперь уже медленнее. — Я не о цене, апа. Бог с ней, с ценой. Меня другое задело. Акжол сам выбирал эти серьги, ездил, смотрел, советовался, хотел, чтобы ей понравилось. Для него это был не просто подарок. А она первым делом размер камней оценила.

Аида не стала ни защищать Салтанат, ни соглашаться с Раушан. Покрутила пиалу в ладонях и спросила: — Ты только вчера это заметила? Раушан устало опёрлась ладонями о край стола. — Я давно чувствовала что-то. Потом сама себя одёргивала. Красивая девочка, молодая, привыкла к вниманию, мало ли какие у неё привычки. Акжол её любит столько лет. Разве я имею право выискивать в ней недостатки только потому, что она мне не родная? Я старалась принять её. Вчера особенно старалась. Когда серьги надевала, думала: всё, Раушан, хватит сомневаться, это выбор твоего сына. А потом услышала это её «покружнее» — и точно что-то щёлкнуло. Аида поставила пиалу на блюдце. — Может, просто не оправдывай её заранее, — сказала Аида. — Посмотри дальше. — Вот именно этого я и боюсь. — Чего? — Что я увижу ещё что-нибудь, а Акжол — нет. Раушан замолчала. В этом и заключалась настоящая причина её тревоги. Раушан знала, что сына трудно назвать наивным. На работе он быстро замечал, когда ему недоговаривают или пытаются переложить на него чужую ответственность. Но Салтанат была рядом столько лет, что Акжол уже не рассматривал её со стороны. Для него она давно вошла в привычный порядок вещей: звонки, встречи, общие планы, обещание когда-нибудь пожениться. Раушан и сама не могла сказать, где там заканчивалась любовь и начиналась многолетняя привычка быть вместе.

— Я боюсь, что он просто привык её любить, — тихо призналась Раушан. Аида посмотрела на неё поверх пиалы. — Всё равно сам разберётся. — А если поздно? — Тогда будет поздно. Мы с тобой за него это не проживём. Несколько секунд они молчали. За окном просы-

пался обычный день, во дворе хлопнула калитка, где-то залаяла собака, а из комнаты донёлся сонный детский голос — одна из внучек Мейрамбека, очевидно, уже проснулась. Дом постепенно возвращался к своей привычной жизни, но Раушан казалось, что после вчерашнего обряда что-то едва заметно сдвинулось. Она вспомнила старую историю, которую слышала много лет назад, и спросила почти нехотя: — Апа, ты ведь помнишь, что говорила Акжолу про царевну? Аида улыбнулась одними глазами. — Такое не забывают. — Ты когда-нибудь думала, что это Салтанат? — Нет. Ответ прозвучал слишком быстро. Раушан даже выпрямилась. — Совсем? — Совсем. — Почему? — Потому что я её не увидела. — Кого? — Ту, о которой говорила. Аида снова взяла пиалу. — Только Акжолу этого не говори, — добавила Аида. — Он взрослый. Сам разберётся. А если ошибётся — значит, будет разбираться ещё раз.

К вечеру дом притих. После праздника все устали, телефоны наконец перестали бесконечно звонить, Мейрамбек с Жанной занимались своими делами, девочки возились в комнате, Берикхан смотрел новости, а Акжол написал матери, что задержится на работе, но потом заедет и, скорее всего, останется ночевать. Раушан почти успела убедить себя, что утренний разговор с Аидой был всего лишь следствием усталости, когда в дверь позвонили. На пороге стояла Салтанат. Она приехала одна, в светлом пальто, с аккуратно уложенными волосами и безупречным макияжем, а в ушах ярко мерцали вчерашние изумруды. Первым движением, едва переступив порог, она коснулась серьги, словно всё ещё не могла привыкнуть к новому украшению. — Акжол ещё не приехал? — спросила она после приветствия. — На работе, — ответила Раушан. Разочарование промелькнуло на лице Салтанат, но тут же исчезло. — Тогда подожду, если можно. — Заходи.

На кухне Аида перебирала чётки. Салтанат поздоровалась, села за стол и почти сразу поймала взгляд старой женщины на серьгах. — Красивые, правда? — спросила она с улыбкой. — Красивые, — согласилась Аида. — Я вчера дома долго рассматривала. Акжол сам выбирал? — Сам, — ответила Раушан, ставя на стол чай. — Долго выбирал? — Долго. Салтанат довольно улыбнулась и посмотрела на своё отражение в тёмном оконном стекле. — Мне понравились. Только девочки сказали, что камни можно было взять побольше. Раушан медленно повернулась. Вчера она ещё могла надеяться, что услышала фразу без контекста, что подруги подтрунивали, а Салтанат просто отмахнулась. Теперь надежда исчезла. — А ты что сказала? — спросила она. — Что можно было бы и побольше, — беззаботно ответила Салтанат и, заметив выражение её лица, добавила: — Ну я же не говорю, что эти плохие. Очень красивые. Просто если уж покупать украшение на такой случай... — Она не закончила. Аида спокойно произнесла: — Ну, раз нравятся, носи на здоровье, — сказала Аида. — А размер камня переживёшь. Салтанат нахмурилась. — Я благодарна. — Тогда хорошо, — сказала Аида и снова опустила взгляд на чётки.

Салтанат явно почувствовала, что разговор пошёл не туда, и поспешила сменить тему. — А кулон тебе тоже понравился? — спросила Раушан, почти не веря, что сама продолжает этот разговор. Салтанат машинально коснулась подвески на шее. — Да. Он заметнее. Изумруд хороший. — Хорошо, — коротко сказала Раушан. Но настроение Раушан это не исправило. Даже похвала прозвучала у Салтанат так, будто она оценивала комплект по заранее составленному списку требований, а не подарок, который Акжол выбирал для неё с такой тщательностью. Салтанат тем временем уже спрашивала об Акжоле, о его работе, а затем неожиданно поинтересовалась квартирой. — Он после работы туда заезжает или сразу сюда? — В свою квартиру? — уточнила Раушан. — Ну да. Просто интересно, — ответила Салтанат слишком легко. Аида подняла на неё глаза. Салтанат выдержала взгляд мгновение и улыбнулась: — Апа, вы сегодня меня так рассматриваете, будто впервые видите. — Вчера я видела не тебя, — сказала Аида. — А кого? — Невесту. Сегодня вижу девушку. — И какая я? — Я ещё не решила. Салтанат рассмеялась, но уже не так свободно. — Надеюсь, со временем решите, что хорошая. — Поживём — увидим, — ответила Аида и снова занялась чётками.

Акжол приехал позднее, чем обещал. По тому, как он вошёл, снял куртку и на несколько секунд прикрыл глаза, было видно, что день выдался тяжёлым. Салтанат встретила его в прихожей с заметно большей теплотой, чем разговаривала с его матерью и бабушкой. — Ты наконец-то, — сказала она, поправляя ему воротник рубашки. Акжол улыбнулся. — А ты давно здесь? — Достаточно, чтобы меня успели допросить. — Кто? — Он с улыбкой посмотрел в сторону кухни. — Никто тебя не допрашивал, — отозвалась Раушан. — Вот видишь, — шепнула Салтанат, и Акжол только устало усмехнулся. Через несколько минут они ушли в его комнату. Раушан не собиралась прислушиваться. Она занималась ужином, потом пошла в кладовую и, возвращаясь по коридору, услышала голос Салтанат. Остановило её не имя сына и даже не интонация, а совершенно отчётливое: «Мне нужно сто тысяч».

— На что? — спросил Акжол. — Мне кое-что купить надо. — Что именно? — Акжол, обязательно отчитываться? Одежду, косметику, ещё по мелочи. — У тебя недавно были деньги. — Были. Я потратила. — На что? — На себя. Ты же сам говорил, чтобы я ни в чём себе не отказывала. — Я говорил: если тебе что-то нужно, скажи. — Вот я и говорю. Наступила короткая пауза. Раушан уже хотела уйти, но услышала спокойное: — Хорошо, переведу. — Сейчас? — Сейчас. — Спасибо... Слушай, а можно сто пятьдесят? Акжол тихо рассмеялся. — Ты за тридцать секунд подняла запрос на пятьдесят процентов. — Ну, я вспомнила ещё кое-что. — Салтанат... — Ну пожалуйста. — Ладно. Сто пятьдесят. — Я знала, что ты мне не откажешь.

«Я знала, что ты мне не откажешь». Раушан постояла ещё секунду, потом тихо вернулась на кухню. Сумма почему-то уже отошла на второй план. В ушах осталось именно это уверенное «знала». Аида взглянула на неё. — Слышала? — тихо спросила Раушан. — Кусок. — Сто пятьдесят тысяч. И толком не сказала зачем. — Его деньги. — Да знаю я, апа. Не деньги меня задели. Он взрослый, пусть хоть все ей переведёт. Но ты слышала, как она сказала? «Я знала, что ты мне не откажешь». Как точно так и должно быть. Вчера камни маловаты, сегодня сначала сто, потом уже сто пятьдесят... — Раушан осеклась и сердито поправила полотенце на столе. — Может, я придираюсь. — Может, — спокойно согласилась Аида. — Вот спасибо. Успокоила. — Ты же не за успокоением ко мне пришла. Раушан села напротив и невольно усмехнулась.

За ужином она старалась вести себя обычно. Акжол заметно ожил, ел с аппетитом, рассказывал отцу о работе, перекинулся несколькими шутками с Мейрамбеком. Салтанат сидела рядом с ним, красивая, спокойная, время от времени касалась его руки и рассказывала о вчерашнем празднике так, словно неприятного разговора на кухне не было. Раушан несколько раз ловила себя на том, что смотрит не на Салтанат, а на сына. Сказать ему сейчас: «Мне не нравятся, как твоя невеста относится к деньгам»? Раушан почти услышала собственную фразу со стороны и поморщилась. Прозвучит так, будто мать после сырға салу внезапно решила искать недостатки в будущей невестке. Нет. Сегодня она промолчит.

Когда Салтанат собралась домой, Акжол вышел проводить её до машины. Раушан осталась в прихожей лишь на секунду и успела услышать, как сын, уже надевая куртку, устало сказал матери: — Мам, я что-то совсем вымотался. Раушан посмотрела на него внимательно. Под глазами залегли тени, плечи были напряжены. — Вот и я вижу. Тебе отдохнуть надо. Поезжай куда-нибудь. — Куда? — К морю. Ты же море любишь. Несколько дней хотя бы. Выспишься, голову проветришь. Акжол усмехнулся. — Вот так просто? — А что сложного? Пока не женился окончательно и не начал согласовывать отпуск с половиной родни, пользуйся моментом. Он рассмеялся. Салтанат, стоявшая рядом, улыбнулась значительно слабее. — Хорошая идея, — продолжила Раушан, заметив это, но уже не отступая. — Сапара с Аманжолом возьми. Вы сто лет втроём никуда не ездили. — Мам, они взрослые люди, у них свои дела. — Позвони и спроси. Я же не сказала их похищать.

На улице было прохладно. Акжол накинул Салтанат пальто на плечи, проводил до машины и открыл дверь. Она не села сразу. — Твоя мама сегодня странная, — сказала она. — Устала после вчерашнего. — Не только. Акжол прислонился к машине. — Что случилось? — Ты сам не заметил? Она весь вечер как будто специально искала, к чему придраться. А теперь этот отпуск. — Что не так с отпуском? — Ничего. Просто удивительно, как быстро она решила, что тебе нужно куда-то уехать. — Она предложила. — Она вмешивается. — Салтанат, в чём именно? — Мы вчера сделали сырға салу. Вообще-то сейчас логично обсуждать нас, свадьбу, планы. А твоя мама предлагает тебе уехать с друзьями. — На несколько дней, — напомнил Акжол. — И что? — Ничего. — Салтанат отвернулась. — Езжай, если хочешь. — Ты хочешь со мной? — неожиданно спросил он. Она сразу посмотрела на него. — Конечно. — Тогда можем как-нибудь съездить вдвоём. — Как-нибудь? — Ну не завтра же. Я вообще ещё никуда не еду. Акжол улыбнулся, наклонился и легко поцеловал её в лоб. — Не накручивай себя. Мама ничего против тебя не замышляет. Салтанат тоже улыбнулась, но, когда машина выехала со двора и дом скрылся за поворотом, улыбка исчезла. Ей не нравилась не сама идея моря. Ей не нравилось, что эта идея принадлежала Раушан и что Акжол, вместо того чтобы сразу отмахнуться, задумался.

Раушан дождалась, когда сын вернётся в дом, и некоторое время молча убирала со стола. Она хотела заговорить о Салтанат, но не знала как. «Твоя невеста просит слишком много денег» звучало мелочно. «Мне не нравится, как она смотрит на подарки» — ещё хуже. Акжол любил Салтанат больше десяти лет. Что могли изменить несколько материнских наблюдений за один вечер? Он скорее решил бы, что Раушан просто переживает обычную ревность матери к будущей невестке. Поэтому она спросила другое: — Ты правда устал? Акжол опустил на стул и потёр лицо ладонями. — Очень. Последние месяцы всё одно на одно. Работа, квартира, родственники, теперь подготовка ко всему этому... — Он неопределённо махнул рукой. — Иногда хочется проснуться и чтобы никто ничего не хотел. Раушан едва заметно напряглась. — Даже Салтанат? — Мам. — Всё, молчу. Просто спросила. Он помолчал и добавил уже тише: — Я её люблю. Просто устал. Раушан кивнула. — Тогда тем более отдохни. Не от неё. От всего. Иногда человеку нужно услышать собственные мысли без чужих голосов рядом. Акжол посмотрел на мать с подозрением. — Ты сегодня какая-то философская. — После сырға салу положено, — серьёзно ответила она. — Следующая стадия — начну говорить пословицами. Он рассмеялся, и Раушан решила больше ничего не говорить.

Вопрос с отпуском решился на следующий день с такой скоростью, будто все трое только и ждали, когда кто-нибудь первым произнесёт слово «море». Акжол позвонил Сапару прямо с работы. — Слушай, а если на несколько дней к морю? На другом конце повисла короткая пауза. — Ты сейчас серьёзно? — Абсолютно. — Тогда у меня один вопрос. — Какой? — Когда вылет? Акжол рассмеялся. — И всё? Ты даже не спросишь, почему? — Если взрослый мужчина предлагает мне море, я не выясняю его душевное состояние. Я выясняю дату и вес разрешённого багажа. — Асель тебя вообще отпустит? — Я не вещь, чтобы меня отпускали. — То есть ещё не спрашивал. — Я сказал, что не вещь. Не сказал, что бессмертный.

Через несколько минут они подключили Аманжолу. Тот выслушал предложение, выдержал паузу, достойную главной сцены в драматическом спектакле, и торжественно произнёс: — Господа, я всегда знал, что однажды вы созреете до великого решения. — Какого? — спросил Сапар. — Бежать. — Мы не бежим, — возразил Акжол. — Мы культурно отбываем на отдых. — Все беглецы так говорят, — сообщил Аманжол. — Сначала «несколько дней к морю», потом новая личность, борода и маленький бар на берегу. — У тебя даже борода нормально не растёт, — заметил Сапар. — Я артист. Я могу наклеить. — Тебе тридцать пять. Может, уже пора иметь собственную? — Мой организм бережёт лицо для крупных ролей. — Крупные роли, судя по всему, тоже берегут себя от тебя, — невозмутимо ответил Сапар. Акжол рассмеялся так громко, что коллега за соседним столом поднял голову. — Всё, хватит. По существу: едете?

— Я уже мысленно в аэропорту, — сказал Аманжол. — Я уже мысленно вернулся и считаю расходы, — сказал Сапар. — А я экономист, между прочим. — Именно поэтому тебе считать запрещено. На отдыхе мы спасаем тебя от профессии.

К вечеру в общем чате появились варианты рейсов, отелей и даты. Сапар мгновенно превратился в прораба будущего отпуска: распределял время, требовал определиться с багажом и возмущался тем, что Аманжол присылает отели исключительно по принципу «там красивый бассейн». Аманжол отвечал, что эстетика — важнейшая часть путешествия, и предложил назначить себя художественным руководителем поездки. Акжол впервые за долгое время почувствовал настоящее предвкушение. Не свадебной подготовки, не очередного семейного мероприятия, не обязанности, которую нужно правильно выполнить, а простой поездки с людьми, рядом с которыми можно снова стать чуть моложе и несколько дней не объяснять, почему ты устал.

Сапар сообщил Асель о поездке вечером. Сделал он это, по его собственному мнению, очень грамотно: сначала помог убрать со стола, потом похвалил ужин, затем спросил, не хочет ли она на выходных куда-нибудь сходить, и только после этого как бы между прочим произнёс: — Кстати, мы тут с ребятами думаем слетать к морю. Асель медленно подняла глаза. — «Мы тут с ребятами» — это уже принятое решение или стадия, на которой жена ещё может сделать вид, что участвует? Сапар кашлянул. — Решение предварительное. — Билеты смотрели? — Да. — Отель? — Да. — Даты? — Есть. — Чемодан ты почему достал? Сапар обернулся. В дверях действительно стоял чемодан, который он предусмотрительно вытащил из шкафа час назад. — Это случайность. Асель рассмеялась. — Кто едет? — Я, Акжол и Аманжол. — Ни одной женщины? — Ни одной. — Хорошо. — Вот так просто? — удивился Сапар. — А что ты ожидал? Что я лягу поперёк двери? Езжайте. Только у меня две просьбы. — Какие? — Не возвращайтесь с одинаковыми татуировками и не звоните мне из полиции со словами «там недоразумение». — Почему ты такого мнения о нас? — Потому что я тебя люблю и давно знаю твоих друзей. Особенно Аманжолу. — А Акжол? — Акжол нормальный. Но вас трое. В группе интеллект иногда распределяется непредсказуемо.

Новость для Салтанат прозвучала совсем иначе. Акжол сказал ей спокойно, почти между делом, когда они встретились вечером: — Мы, кажется, всё-таки поедём. — Куда? — На море. С Сапаром и Аманжолом. Она несколько секунд смотрела на него, будто ждала продолжения. — А я? — А ты что? — искренне не понял Акжол. — Ты вчера сам спросил, хочу ли я с тобой. — Я сказал, что можем съездить вдвоём. Потом. А сейчас мы с ребятами решили втроём. — «Потом», — повторила Салтанат. — Очень удобно. — Да что случилось? Мы давно никуда не выбирались вместе. Сапар женат, у всех работа, дела. Совпали даты — решили ехать. — Совпали? Или твоя мама очень удачно подсказала? Акжол нахмурился. — Опять мама? — А при чём здесь «опять»? Это она предложила тебе уехать. — Предложила. Решил я. — Конечно. Салтанат отвернулась к окну. — Просто интересно получается. Вчера у нас сырға салу, а сегодня ты уже планируешь отдых без меня. — Это несколько дней с друзьями, а не побег из страны. — Для тебя всё очень просто. — А почему должно быть сложно?

После обряда Салтанат почему-то ожидала совсем другого. Теперь, казалось ей, они должны обсуждать свадьбу, покупки, поездки, решать, что менять в квартире Акжолу и как вообще будет устроена их жизнь. Она уже несколько раз мысленно переставляла там мебель и прикидывала, что придётся докупить. И на этом фоне внезапное «мы с ребятами едем к морю» раздражало сильнее, чем она хотела показать. Почему именно сейчас? И почему без неё? Поэтому она выбрала другое: — Я просто не понимаю, почему у твоих друзей есть право на твоё время, а у меня нет. Акжол устало выдохнул. — Это не соревнование. У тебя есть моё время. У них тоже. У меня, кстати, иногда должно оставаться моё собственное. — Вот как. — Салтанат... — Нет, всё нормально. Езжай. Отдыхай. Она улыбнулась, но улыбка получилась холодной. Акжол подошёл ближе. — Ты сердишься? — Нет. — Я тебя знаю. — Тогда зачем

спрашиваешь? — Потому что надеюсь, что однажды ты скажешь прямо. Салтанат подняла на него глаза. — Прямо? Хорошо. Мне не нравится, что твоя мать решила, будто тебе нужно отдохнуть от меня, а ты с радостью согласился. — Она не говорила «от тебя». — Но подумала. — Это уже ты придумала. — Конечно. Я всегда всё придумываю. — Вот сейчас именно это и делаешь.

Разговор впервые за вечер стал неприятным по-настоящему. Акжол не повысил голос, но в нём появилась та сухая усталость, которую Салтанат не любила: в такие моменты он переставал оправдываться. — Я еду с друзьями, — сказал он. — Не потому, что мама сказала. Не потому, что хочу от тебя сбежать. И не потому, что между нами что-то случилось. Я просто хочу несколько дней провести с людьми, которых знаю с детства. Всё. Салтанат узнала эту интонацию. Если Акжол начинал говорить так спокойно и коротко, спор обычно уже был закончен. Можно было продолжать, но тогда он только упрямее стоял на своём. Поэтому она первой отвела взгляд. — Хорошо. Я поняла. — Точно? — Да. Езжай. Только не удивляйся, если я тоже найду, чем заняться. — Я и не собирался запрещать. Это спокойное замечание почему-то разозлило её ещё сильнее.

Позднее, оставшись одна, Салтанат долго смотрела на своё отражение. Изумруды в ушах ловили свет, и вчера ещё они казались началом новой, окончательно устроенной жизни. Сырға салу состоялось. Семьи сделали шаг навстречу друг другу. Акжол был рядом. Свадьба представлялась вопросом времени. Всё двигалось туда, куда она хотела. И вдруг появились несколько дней, в которых её не будет. Море, Сапар, Аманжол, их старые шутки и воспоминания, половину которых она всё равно не понимала. Салтанат неожиданно поймала себя на неприятной мысли: Акжол может отлично провести время без неё. Раньше эта простая вещь почему-то её не беспокоила.

Она сняла одну серьгу, положила на ладонь и внимательно посмотрела на зелёный камень. В памяти всплыло лицо Раушан. Будущая свекровь явно что-то почувствовала, и это раздражало Салтанат почти сильнее самого отпуска. Ей хотелось доказать, что Раушан ошибается, но ещё сильнее — не дать ей получить слишком большое влияние на сына. «Посмотрим», — тихо сказала Салтанат своему отражению и снова надела серьгу.

А в другом конце города Акжол сидел у себя дома с телефоном в руке и смеялся над голосовым сообщением Аманжолы, который требовал официально утвердить его ответственным за «моральный облик и культурную деградацию группы». Сапар тут же ответил, что за моральный облик Аманжолу нельзя доверять даже собственный, не то что групповой. Акжол откинулся на спинку дивана и впервые за много недель почувствовал, как внутри становится легче. Он ещё не думал о поездке как о границе между прежней жизнью и чем-то новым. Не искал знаков, не сомневался в Салтанат, не представлял, что море может принести ему что-то, кроме солнца, воды, еды, сна и дружеских насмешек. Он просто хотел отдохнуть.

5. Троица летит к морю

В аэропорт они приехали задолго до вылета. Главной причиной такой неожиданной пунктуальности была Раушан: с утра она трижды позвонила Акжолу, один раз Сапару, а потом каким-то образом добралась ещё и до Аманжолы и сурово сообщила, что самолёт ждать их не будет. — А почему именно мне? — возмутился Аманжол, когда они встретились у входа в терминал. — Почему из нас троих самым ненадежным твоя мать считает меня? — Потому что она тебя знает, — невозмутимо ответил Акжол. — Клевета. — Жизненный опыт, — поправил Сапар. Сам Сапар приехал с Асель. Вернее, по выражению Аманжолы, «был доставлен супругой к месту временного хранения перед отправкой за границу». Асель держалась спокойно, хотя по тому, как она время от времени поглядывала на мужа, становилось ясно: перед ней стоял человек, которого она отпускала отдыхать с двумя друзьями и потому заранее морально готовилась ко всему — от потери телефона до международного дипломатического скандала. — Паспорт? — спросила она. — Есть. — Деньги? — Есть. — Телефон? Сапар похлопал себя по карманам, замер, полез в куртку, потом в джинсы. Асель закрыла глаза. — Вот он, — сказал Акжол, показывая на телефон в руке Сапара. Тот посмотрел на собственную руку. — Я проверял вас. — Конечно, — кивнула Асель. — Особенно себя. Аманжол сочувственно положил ладонь Сапару на плечо. — Брат, возвращайся. Ты еще не готов к самостоятельной жизни. — Я хотя бы чемодан привез. — Я тоже. — Где? Аманжол уверенно повернулся и указал рукой назад. Рядом с ним ничего не было. мгновение все четверо молчали. — Вот здесь стоял, — наконец произнес Аманжол. — Кто? — спросил Сапар. — Чемодан. — Какой? — Мой. — А ты уверен, что он вообще существовал? Аманжол посмотрел на него с оскорбленным достоинством. — Я вчера два часа его собирал. — Тогда сочувствую. Недолгая была у него жизнь.

Начались поиски. Первые минуты поисков по накалу больше напоминали пропажу дипломатического кейса, чем чемодана с шортами и феном. Аманжол метался между дверями терминала и парковкой, пытался одновременно вспоминать, куда поставил багаж, обвинять архитекторов аэропорта в нелогичной планировке и доказывать, что нормальный человек в шесть утра вообще не обязан отвечать за собственные вещи. Сапар шел за ним с тем спокойным выражением лица, с каким прораб обычно смотрит на рабочего, который сначала залил бетон не туда, а потом спрашивает, можно ли считать это дизайнерским решением. — Давай восстановим события, — предложил он. — Ты вышел из машины. — Да. — С чемоданом? — Наверное. — Слово «наверное» мне уже не нравится. — Мне тоже, но я не мешаю ему существовать. Асель, оставшаяся возле Акжолы, только покачала головой: — И ведь вы еще даже страну не покинули. Акжол посмотрел в сторону убежавших друзей и усмехнулся: — Зато отпуск уже содержательный. Аманжол бросился обратно к машине, Сапар пошел следом, продолжая давать исключительно полезные советы вроде: «Вспомни, когда ты видел его в последний раз», а Асель осталась возле Акжолы с ручной кладью и выражением женщины, которая уже ничему не удивляется. Акжол достал телефон. От Салтанат сообщений не было. Он еще дома почему-то думал, что она приедет. Не потому, что обещала. Она ничего такого не говорила. Просто ему казалось естественным: если человек, с которым тебя связывают столько лет, улетает хотя бы на несколько дней, наверное, хочется проводить его, увидеть перед дорогой, сказать что-нибудь обычное — «позвони, когда прилетишь», «будь осторожен», «не сгорите там на солнце». Салтанат не приехала. И даже не написала. Акжол посмотрел на экран еще секунду и убрал телефон в карман. — Не приехала? — негромко спросила Асель. Он понял, о ком она. — У нее дела. Асель посмотрела на него, но ничего не сказала. Она была достаточно умной женщиной, чтобы не произносить вслух то, что мужчина и без нее прекрасно понимал. В этот момент двери терминала распахнулись, и появился Аманжол, торжественно кативший за собой большой темный чемодан. — Нашел! — объявил он так, точно лично обнаружил

пропавшую экспедицию Франклина. Следом шел Сапар. — Расскажи людям, где он был. — Какая разница? — Огромная. Страна должна знать своих героев. Аманжол промолчал. — Где? — заинтересовалась Асель. Сапар выдержал паузу. — В багажнике. Акжол расхохотался. — Так мы там и искали! — Мы искали в нашем багажнике, — пояснил Сапар. — А этот деятель положил его в машину Асель. — Я думал, это наша машина! Асель медленно посмотрела на него. — Аманжол, ты приехал на такси. — Именно поэтому я и запутался. — Железная логика, — сказал Акжол. — Главное, чемодан нашелся. Не надо концентрироваться на негативе. — Мы еще не взлетели, а у тебя уже потерялся багаж. — Не потерялся, а временно сменил геолокацию. — Я начинаю понимать, почему Раушан звонила именно тебе, — заметила Асель.

Регистрацию они прошли сравнительно спокойно, если не считать того, что чемодан Аманжол оказался тяжелее допустимого веса. Очередь к стойке регистрации двигалась медленно, и за эти двадцать минут Аманжол успел трижды проверить паспорт, дважды спросить, точно ли им нужны посадочные талоны, если они уже есть в телефоне, и один раз заявить, что современные путешествия слишком бюрократизированы. — Раньше люди садились на верблюда и ехали, — философски заметил он. — И терялись в пустыне, — напомнил Сапар. — Зато без перевеса багажа. — С твоим чемоданом верблюд бы написал заявление на увольнение, — сказал Акжол. — На сколько? — насторожился он, глядя на сотрудницу стойки. — На четыре килограмма. — Не может быть. — Может. — Девушка, там практически ничего нет. Сапар кашлянул. — Практически ничего — это три пары обуви, фен, колонка и полчемодана косметики. — Это не косметика. Это средства ухода. — За чем? — За собой. Акжол посмотрел на друга. — Фен зачем? — Волосы сушить. — У тебя волос сантиметр. — И что теперь, бросить его мокрым? Сотрудница регистрации отвернулась, но плечи ее подозрительно дрогнули. Пришлось устраивать срочное перераспределение стратегически важных запасов. В результате в чемодан Акжол перекинули кроссовки Аманжол, к Сапару отправилась какая-то увесистая банка крема, назначение которой он изучал с глубоким недоверием, а сам Аманжол натянул на себя вторую толстовку. — Там жара тридцать пять, — напомнил Акжол. — Я сниму после регистрации. — А если не снимешь, до моря не долетишь. Высохнешь где-нибудь над Каспием. Наконец чемоданы уехали по ленте. Аманжол долго смотрел вслед своему багажу. — Что? — спросил Сапар. — Переживаю. — За чемодан? — Мы только что снова нашли друг друга.

Асель проводила их до зоны контроля. Там наступил тот неизбежный момент, когда шутки немного стихли. Она поправила Сапару воротник, посмотрела на него и тихо сказала: — Отдыхай. Правда отдыхай. Не сиди в телефоне, не думай о работе. — Хорошо. — И не позволяй этим двум втянуть тебя в неприятности. За спиной немедленно раздался возмущенный голос Аманжол: — Почему «этим двум»? Я вообще человек искусства. — Вот тебя я больше всего и имею в виду. Акжол рассмеялся. Сапар обнял жену, крепко, уже без шуток. Асель прижалась к нему на несколько секунд, потом отступила. — Напиши, когда сядете. — Напишу. — Когда прилетите — тоже. — Хорошо. — И фотографию пришли. — Зачем? — Чтобы убедиться, что вас действительно трое. Аманжол поднял палец: — Асель, если через неделю нас будет четверо, это не обязательно плохо. — Аманжол. — Всё. Молчу. — Лучше бы ты это умел. Они уже собирались идти, когда Акжол машинально оглянулся на вход в терминал. Сам не понял зачем. Наверное, какая-то глупая часть его все еще ждала, что сейчас среди людей появится знакомая фигура, что Салтанат все-таки приехала в последнюю минуту. Ее не было. Он отвернулся первым. — Пошли, — сказал Акжол. И трое мужчин двинулись к паспортному контролю. За его спиной осталась привычная жизнь — работа, родители, бесконечные разговоры, обязательства и отношения, в которых в последнее время становилось все больше непонятного напряжения. А впереди было море. Пока только слово на посадочном талоне, но одного этого слова хватало, чтобы внутри становилось легче.

После контроля Аманжол первым увидел вывеску Duty Free и резко остановился. До этого момента он шел бодро, но совершенно обычно; увидев сияющие витрины, преобразился мгновенно: Duty Free явно входил в число мест, ради которых он вообще признавал существование аэропортов. Сапар заметил перемену и обреченно выдохнул: — Только быстро. — Конечно, — с достоинством ответил Аманжол. — Мы взрослые люди. Пятнадцать минут максимум. Акжол посмотрел на часы. Позже выяснилось, что понятие «пятнадцать минут» у Аманжолы относилось скорее к философским категориям, чем к единицам измерения времени. — Мужики. Сапар едва не врезался в него. — Что? Аманжол молча указал вперед. Акжол посмотрел туда же. — И? — Священное место. — Господи... — Не богохульствуй. Здесь люди принимают решения, о которых потом вспоминают весь отпуск. Через минуту они уже стояли перед полками с алкоголем с видом чрезвычайной государственной комиссии, от решения которой зависела судьба страны. — Виски, — сказал Сапар. — Банально, — отрезал Аманжол. — Коньяк. — Мы летим к морю, а не на юбилей начальника цеха. — Ром? Аманжол задумался. — Уже теплее. Акжол взял бутылку, посмотрел на этикетку. — Может, вообще ничего не брать? Двое друзей медленно повернулись к нему. — Что? — спросил он. — Ты сейчас серьезно? — уточнил Сапар. — Абсолютно. Аманжол потрогал Акжолу за лоб. — Температуры нет. — Отстань. — Мы спланировали отпуск. Я потерял чемодан. Сапар получил официальное разрешение супруги на временную свободу. И после всего пережитого ты предлагаешь нам лететь трезвыми? — Ты пережил чемодан пятнадцать минут назад. — Некоторые травмы остаются с человеком навсегда. Сапар тем временем методично изучал ценники. — Вот этот нормальный. — Нет, — заявил Аманжол. — Почему? — Бутылка некрасивая. Сапар медленно поднял глаза. — Мы ее пить будем. — И что? Эстетика употребления тоже важна. — Ты алкоголь по бутылке выбираешь? — А ты жену как выбирал? Сапар задумался на секунду. — Асель красивая. — Вот! Значит, принцип признаешь. Акжол уже смеялся, прислонившись плечом к стеллажу. — Возьмите ром и успокойтесь. — Светлый или темный? — спросил Сапар. И снова наступила тишина. Аманжол нахмурился. — Это серьезный вопрос. — Пять секунд назад серьезным вопросом была форма бутылки. — Одно другому не мешает. Они переставили перед собой две бутылки и стали смотреть на них. — Темный, — решил Акжол. — Почему? — Под мясо нормально. — Мы еще не знаем, будет ли мясо. — Сапар найдет. — Почему я? — Ты прораб. Организуешь. — Конечно. Я двадцать лет учился жить, чтобы приехать на море и отвечать за шашлык. Аманжол взял светлый ром. — А этот под что? — Под коктейли. — Какие коктейли? Сапар посмотрел на него. — Ром и кола. — Это не коктейль. — А что? — Это капитуляция бармена. К ним подошел консультант и вежливо спросил, нужна ли помощь. — Очень, — серьезно ответил Аманжол. — У нас кризис. Консультант насторожился. — Мы не можем решить, что взять. — Предпочитаете виски, ром, коньяк?.. — Мы пока предпочитаем спорить, — сказал Акжол. Консультант улыбнулся и благоразумно отступил. В итоге после пятнадцатиминутного совещания, трех взаимных обвинений в отсутствии вкуса и одной попытки Аманжолы доказать, что текила «создает настроение», они купили бутылку темного рома и виски. — Зачем две? — спросил Акжол уже у кассы. — Компромисс, — объяснил Сапар. — Между кем и кем? — Между нами и Аманжолом. — А я что хотел? — Всё. — Я человек широких взглядов. Когда покупки были оплачены, они пошли к выходу, но Аманжол внезапно остановился возле парфюмерии. — Подождите. Сапар схватил его за рюкзак. — Нет. — Я только посмотрю. — Нет. — Мне нужен аромат для моря. — У тебя в чемодане четыре килограмма лишнего веса! — Парфюм был не там. — Тем более нет. Акжол уже шел впереди и смеялся. — Бросай его, Сапар. Естественный отбор. — Нельзя. Асель сказала, чтобы вернулись втроем. — Вообще-то она сказала убедиться, что нас трое, когда прилетим. Аманжол задумчиво посмотрел вслед Акжолу. — То есть после прилета обязательства заканчиваются? — Даже не мечтай, — сказал Сапар.

У выхода на посадку они наконец уселись в кресла. Вокруг гудел аэропорт: катились чемоданы, звенели объявления, дети носились между рядами, кто-то пил кофе, кто-то уже спал, положив голову на рюкзак. Аманжол вытянул ноги. — Всё. Отпуск официально начался. — Мы еще в Казахстане, — заметил Сапар. — Отпуск начинается не с моря. — А с чего? Аманжол подумал. — С момента, когда назад ехать уже поздно. Акжол улыбнулся. Телефон в кармане завибрировал. Он быстро достал его. Сообщение оказалось от Раушан. «Сели?» Акжол невольно усмехнулся. «Еще нет. Ждем посадку». Через несколько секунд пришло новое: «Аманжол чемодан не потерял?» Акжол поднял глаза на друзей. — Аманжол. — Что? — Моя мать спрашивает, не потерял ли ты чемодан. Сапар медленно повернул голову. — Не говори ей. — Почему? — Потому что это разрушит последние остатки ее веры в человечество. Аманжол возмутился: — Напиши: «Не потерял». Акжол посмотрел на него. — Но ты потерял. — Акжол, твоя мать задала вопрос в настоящем времени. В настоящий момент чемодан не потерян. Значит, ответ «не потерял» является юридически корректным. Сапар застонал. — Всё. Отдых отменяется. Я с вами не лечу. — Поздно, — сообщил Аманжол. — Асель уехала.

Над залом как раз прозвучало объявление о начале посадки. Трое одновременно поднялись. Акжол закинул рюкзак на плечо и вдруг почувствовал то самое давно забытое предвкушение дороги. Он любил это состояние — аэропорты, посадочные талоны, чужие города впереди, несколько часов между землей и небом, когда от тебя ничего не требуется и можно просто смотреть в иллюминатор. О будущем Акжол сейчас не думал. Его занимали посадка, море впереди и редкое ощущение, что несколько дней можно ничего не решать и никуда не торопиться. Пока же рядом шел Сапар, проверявший паспорт уже в четвертый раз, Аманжол катил ручную кладь и напевал что-то себе под нос, а впереди была посадка, самолет и несколько дней мужской свободы. — Мужики, — вдруг сказал Аманжол. — Что еще? — устало спросил Сапар. — А ром у кого? Все трое остановились. Акжол посмотрел на Сапара. Сапар — на Акжолу. Оба медленно повернулись к Аманжолу. Тот поднял пакет Duty Free. — Да здесь он, здесь. Я просто хотел проверить вашу стрессоустойчивость. Сапар молча замахнулся на него паспортом. — Наслаждайся, — сказал Акжол, смеясь. — Потому что до конца отпуска он тебя точно когда-нибудь убьет. — Не убьет, — уверенно ответил Аманжол, направляясь к выходу на посадку. — Ему Асель запретила неприятности. — Она запретила мне в них попадать! — Ну вот. Убийство друга — однозначно неприятность. — Пока еще друга, — пробормотал Сапар. И уже через несколько минут трое мужчин исчезли в рукаве, ведущем к самолету, продолжая спорить, кто сядет у окна, хотя места у каждого были давно напечатаны в посадочных талонах.

В салон самолёта они вошли в числе последних. Опаздывать никто не собирался; просто Аманжол умудрился задержаться уже после проверки посадочных талонов. Увидев возле выхода небольшую витрину с дорожными подушками, он вдруг решил, что без одной из них его позвоночник категорически отказывается покидать пределы Казахстана. — Ты всю жизнь без нее летал, — напомнил Сапар, стоя в проходе и с мрачным терпением наблюдая, как друг выбирает между серой подушкой и синей. — Раньше я был моложе. — Пять минут назад? — Организм стареет стремительно. Особенно в аэропортах. — Бери любую. — Синяя выглядит дешево. — Они одинаково стоят. — Вот поэтому и подозрительно. Акжол стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к стене, и смеялся. Настроение у него постепенно менялось. Еще час назад отсутствие Салтанат неприятно царапнуло его, хотя он и пытался убедить себя, что ничего особенного не произошло. Не приехала — значит, не приехала. У нее могла быть тысяча причин. В конце концов, он взрослый мужчина, а не школьник, которого мама должна проводить до автобуса и помахать вслед платочком. Но дело было не в проводах. Дело было в том, что он ждал. И ему не хотелось признаваться даже самому себе, что ждал. — Акжол! — донеслось из рукава. Он поднял голову. Сапар уже ушел вперед и теперь обернулся. — Ты летишь или решил остаться? — Иду. — Аманжолу забори. — Я не багаж, — возмутился тот. — Багаж хотя бы молчит.

Они вошли в самолет, нашли свой ряд, и тут выяснилось, что места у них действительно были указаны в посадочных талонах и все двадцатиминутные рассуждения Аманжол о том, кто должен сидеть возле окна «по праву эстетического восприятия мира», не имели никакого смысла. Еще в рукаве Аманжол пытался убедить друзей, что место у окна логично отдать артисту, поскольку человек творческой профессии способен «правильно пережить облака». Сапар на это заметил, что облакам совершенно безразлично, кто именно их переживает, а Акжол предложил оформить претензию небесной канцелярии. Аманжол обещал подумать, но, увидев номера кресел, понял, что небесная канцелярия уже вынесла решение не в его пользу. У окна оказался Акжол. Посередине — Аманжол. У прохода — Сапар. Аманжол остановился перед креслами и долго смотрел на цифры над ними, словно надеялся обнаружить юридическое основание для пересмотра решения. — Я не согласен. Сапар положил руку ему на плечо. — Подай апелляцию. — Кому? — Пилоту. — Думаешь, поможет? — Обязательно. Сейчас он выйдет, извинится и переставит кресла. Акжол уже сел возле окна. — Аманжол, садись. — Между двумя мужиками? — Нет, между двумя жизненными решениями. Садись быстрее. — Я вообще-то хотел у окна. — Зачем? — Смотреть. — На что? — На мир. Сапар сунул ручную кладь наверх. — Через десять минут там будут облака. — Ты ничего не понимаешь в романтике. — Я женат пятнадцать лет. Я слишком хорошо понимаю в романтике. Поэтому и сижу у прохода. Аманжол тяжело вздохнул и опустился в среднее кресло. — Чувствую себя ребенком разведенных родителей. Акжол отвернулся к окну, чтобы не рассмеяться слишком громко. Пассажиры продолжали заходить. В проходе образовалась привычная самолетная пробка: кто-то пытался засунуть огромный чемодан на верхнюю полку, кто-то искал свое место, кто-то уже разговаривал по телефону так громко, будто связь обеспечивалась исключительно силой голоса. Аманжол внимательно наблюдал за всем происходящим. — Вот скажите мне, — начал он, — почему люди всегда пытаются запихнуть в ручную кладь вещи размером с холодильник? — Потому что чемоданы теряются, — сказал Сапар. Аманжол повернул голову. — Это сейчас был намек? — Это был жизненный опыт последних двух часов. Наконец двери закрылись.

Самолет медленно тронулся. Акжол смотрел в окно. За стеклом проплывал аэропорт — техника, огни, другие самолеты, здание терминала. Где-то там, за стенами и дорогами, оставалась его обычная жизнь. Телефон уже был переведен в авиарежим. Последний раз он проверил сообщения перед тем, как отключить связь. От Салтанат по-прежнему ничего. Он погасил экран. Рядом Аманжол вдруг начал очень внимательно затягивать ремень. Потом подтянул его еще немного. И еще. Сапар посмотрел на него. — Ты куда собрался? — Никуда. — Тогда зачем пристегнулся так, будто тебя сейчас будут запускать в космос? — Я ответственный пассажир. — Ты никогда раньше не был ответственным пассажиром. — Люди меняются. Самолет остановился перед полосой. Двигатели загудели сильнее. Аманжол перестал разговаривать. Акжол заметил это первым. Повернулся. Тот сидел прямо, обеими руками держась за подлокотники и глядя строго перед собой. — Ты чего? — Ничего. — Боишься? Аманжол медленно повернул голову. — Я? — Ты. — Самолета? — Взлета. На лице Аманжол появилось искреннее оскорбление. — Акжол, я взрослый мужчина. Самолет начал разгоняться. Аманжол мгновенно вцепился в подлокотники. Сапар посмотрел на его руки. — Вижу. — Просто контролирую ситуацию. — Как? — Морально. Скорость увеличивалась. — Аманжол, — невозмутимо сказал Сапар, — если что, отпускаяй подлокотник. Он самолет не держит. — Я знаю. — По рукам не скажешь. Колеса оторвались от земли. Аманжол закрыл глаза. — Ты глаза зачем закрыл? — спросил Акжол. — Сосредоточился. — На чем? — На аэродинамике. Сапар отвернулся к проходу и зажал рот ладонью. Через мгновение самолет набрал высоту, наклон выровнялся, и Аманжол осторожно открыл один глаз. Потом второй. Посмотрел на Акжолу. — Всё? — Что всё? — Взлетели? — Нет. Едем по очень высокой дороге. — Иди ты. Он наконец разжал пальцы. Сапар посмотрел на подлокотник. — Следы останутся. — Какие следы? — Пальцев. — Завидуй молча.

Когда погасло табло «Пристегните ремни», Аманжол первым отстегнулся и тут же преобразился. Еще пять минут назад он мысленно прощался с земной жизнью, а теперь откинул кресло насколько позволяла конструкция и заявил: — Люблю летать. Сапар медленно повернул голову. — Повтори. — Люблю летать. — Акжол, ты слышал? — Слышал. — Свидетель есть. — Чего вы прицепились? Я просто уважаю момент взлета. — Ты его не уважал. Ты с ним прощался.

Стюардессы начали развозить напитки. — Чай, кофе, вода? — спросила девушка. — Кофе, пожалуйста, — ответил Акжол. — Мне чай, — сказал Сапар. Она посмотрела на Аманжолу. Тот задумался с таким лицом, что стюардесса на секунду тоже стала ждать решения. — А кофе хороший? Сапар прикрыл глаза. Стюардесса улыбнулась: — Растворимый. — Тогда чай. — Черный или зеленый? Аманжол задумался снова. — Черный. — С лимоном? — А лимон настоящий? Акжол закашлялся от смеха. — Дайте ему просто кипяток, — предложил Сапар. — Он сам разберется. Когда тележка уехала дальше, они немного притихли. Сапар выпил чай, устроился поудобнее, сложил руки на животе и объявил: — Я посплю. — Мы только взлетели, — удивился Аманжол. — Именно. — А поговорить? — Нет. — Мы в отпуск летим вдвоем. — Поэтому я хочу успеть поспать до того, как ты начнешь отдыхать.

Через пять минут Сапар действительно спал. Причём отключился мгновенно и так основательно, что разговоры вокруг перестали для него существовать. Голова сначала держалась прямо, потом медленно наклонилась в сторону прохода, вернулась назад, снова качнулась, наконец упала на плечо Аманжолу. Тот замер. Посмотрел на Акжолу. — Убери его. — Почему я? — Он твой друг. — Твой тоже. — Но на мне лежит. Акжол пожал плечами. — Значит, выбрал тебя. Аманжол осторожно поднял голову Сапара двумя пальцами и попытался вернуть ее на место. Через три секунды она снова упала ему на плечо. — Он тяжелый. — Голова? — Весь его жизненный опыт. Акжол отвернулся к окну, смеясь. За стеклом лежало бесконечное белое поле облаков. Солнце било в крыло самолета, отражалось от металла, и мир внизу исчез. Не было городов, дорог, работы, звонков, обязательств. Только небо. Он любил летать именно за это. Между точкой отправления и точкой прибытия возникало несколько часов ничейного времени. Здесь невозможно было решить чужие проблемы, невозможно было куда-то торопиться, невозможно было исправлять то, что давно требовало исправления. Можно было просто существовать. Акжол прикрыл глаза. В последние месяцы он устал сильнее, чем хотел признавать. От работы. От ожиданий родителей. От бесконечного ощущения, что он кому-то что-то должен. От Салтанат тоже. Эта мысль появилась неожиданно, и он тут же попытался от нее избавиться. Он любил ее. Во всяком случае, когда-то точно любил. Столько лет рядом невозможно было просто вычеркнуть. Он помнил, какой красивой она показалась ему впервые, как год боялся подойти, как потом радовался каждому свиданию. Помнил ее молодую, смеющуюся, капризную, иногда нежную. Помнил себя рядом с ней — совсем другого, молодого и уверенного, что если любишь человека достаточно сильно, всё обязательно получится. Но последнее время рядом с Салтанат ему почему-то становилось тесно. Не физически. Внутри. Словно отношения, которые когда-то были живыми, постепенно превращались в обязательство, а он продолжал тащить их вперед просто потому, что слишком много лет уже было пройдено. Акжол открыл глаза. Нет. Не сейчас. Он летел к морю не для того, чтобы разбить собственную жизнь по частям. Он летел отдыхать. Рядом тихо сопел Сапар, окончательно устроившийся на плече Аманжолу. Аманжол сидел совершенно неподвижно. — Что ты делаешь? — спросил Акжол. — Терплю. — Разбуди. — Жалко. Акжол посмотрел на него с удивлением. — Пять минут назад хотел сбросить его в проход. — Он сейчас такой беззащитный. Сапар внезапно громко всхрапнул. Аманжол поморщился. — Всё. Жалость закончилась. Он толкнул друга плечом. Сапар проснулся мгновенно. — Что? — Ты храпишь. — Я не храплю. — Ты только что объявил посадку в Алматы. — Мне Асель никогда не говорила, что я храплю. Аманжол посмотрел на Акжолу. — Вот она — настоящая любовь. — Что? — Женщина семь

лет слушает это каждую ночь и молчит. Сапар выпрямился. — Я не храплю. — Конечно. — Правда. — Мы тебе запись сделаем на обратном пути. — Попробуй. — Уже планирую.

Через несколько часов самолет начал снижаться. К концу полета они успели сменить несколько состояний: Сапар выпался и стал подозрительно добрым, Аманжол съел всё, что предлагали бортпроводники, а потом углубился в карту побережья с деловым видом потенциального покупателя недвижимости, Акжол же почти все время смотрел в окно. Разговоры друзей то вспыхивали, то затихали, и впервые за долгое время ему нравилось, что от него никто ничего не требует. Не нужно было принимать решения, объяснять, успокаивать, обещать. Даже телефон молчал — редкая роскошь, которую он прежде почему-то не умел ценить. За окном постепенно появились облака, потом земля, дороги, дома. А потом Акжол увидел море. Сначала оно возникло далеко, тонкой синей полосой, почти слившейся с небом. Он невольно придвинулся ближе к иллюминатору. Море расширялось. Огромное. Спокойное. Сверкающее под солнцем. И внутри у Акжолы вдруг стало удивительно легко. — Вижу, — тихо сказал он. — Что? — спросил Аманжол. — Море. Тот немедленно полез через него смотреть в окно. — Где? — Голову убери. — Дай посмотреть. — Ты сам отказался от места у окна. — Я не отказался. Меня лишили права выбора. Сапар тоже проснулся окончательно. — Есть? — Есть, — ответил Акжол. — Ну всё, — сказал Сапар. — Значит, долетели. — Еще не долетели, — заметил Аманжол и тут же вспомнил взлет. — А посадка сильно страшнее? Сапар медленно улыбнулся. — Ты же любишь летать. — Я люблю уже состоявшиеся полеты. Самолет пошел ниже. Аманжол снова затянул ремень. — Началось, — сказал Акжол. — Что? — Контроль ситуации. — Я просто соблюдаю правила безопасности. Когда самолет коснулся полосы, подпрыгнул и снова прижался колесами к земле, Аманжол выдохнул так громко, что Акжол повернулся к нему. — Всё нормально? — Идеально. — Ты побледнел. — Освещение такое. Сапар выглянул в окно. — Мужики. Оба посмотрели на него. Он улыбнулся. — Мы на море. И эти простые слова вдруг окончательно изменили настроение. Аманжол первым поднял руки. — Всё! С этого момента запрещаю разговоры о работе, ипотеке, ремонтах, родственниках, политике, ценах и смысле жизни. — А о чем разговаривать? — спросил Сапар. — О женщинах. — Асель узнает — я скажу, что это была твоя идея. — Тогда о природе. Акжол рассмеялся. Самолет медленно катился к терминалу. Впереди было море, солнце, жара, вечерние улицы, еда, которую Акжол уже собирался попробовать, и несколько дней, когда можно было никуда не спешить. Он смотрел в окно и улыбался. Ему казалось, что этот отпуск нужен ему только для одного — выспаться, отдохнуть, поплавать, посидеть с друзьями, вернуться домой и снова продолжить привычную жизнь. Акжол еще не знал, что привычная жизнь уже закончилась.

Самолет окончательно остановился у терминала, и почти весь салон одновременно ожил так, точно кто-то дал невидимую команду: люди вскочили с мест, потянулись к верхним полкам, начали доставать сумки, куртки, пакеты, хотя двери еще даже не открылись. Сапар, наблюдая за этим всеобщим нетерпением, остался сидеть. — Вот объясните мне, — сказал он, — зачем все встают сразу? — Чтобы первыми выйти, — ответил Аманжол. — Дверь закрыта. — Люди верят в себя. Акжол усмехнулся и тоже не спешил вставать. Он смотрел в окно. За стеклом дрожал горячий воздух, по бетону медленно двигались машины обслуживания, а где-то за зданием аэропорта уже было море — не видимое отсюда, но ощущавшееся почти физически. — Аманжол, сядь, — сказал Сапар. — Я уже встал. — Я вижу. — Ноги размять хочу. — Ты два часа сидел. — Именно поэтому. Через минуту стоять в проходе Аманжолу надоело, но сесть обратно он уже не мог — вокруг плотно выстроились пассажиры. — Ну? — спросил Сапар. Аманжол посмотрел на него сверху вниз. — Что «ну»? — Хорошо размял ноги? — Отлично. — А лицо почему злое? — Потому что мне женщина сзади сумкой в почку упирается. Акжол отвернулся к окну, смеясь.

Наконец двери открылись, поток двинулся вперед, и они вышли из самолета в густой теплый воздух. Жара была другой — не городской, не сухой и пыльной, а влажной, мягкой, почти

соленой. Аманжол вдохнул поглубже. — Чувствуете? — Что? — спросил Сапар. — Море. — Это керосин. — Не порть момент. — Я инженерно мыслю. — Ты прораб. — Тем более.

До паспортного контроля дошли быстро, а вот зона выдачи багажа сразу стала местом нового испытания. Стоило им увидеть багажную ленту, как Сапар без всякого выражения посмотрел на Аманжол. Тот поймал взгляд и сразу возмутился: — Даже не начинай. — Я ничего не сказал. — Ты подумал. — И что я подумал? — Что мой чемодан опять потеряется. — Теперь уже я этого не думаю, — спокойно ответил Сапар. — Я в этом почти уверен. Акжол рассмеялся, а Аманжол демонстративно отвернулся к ленте, всем видом показывая, что не намерен участвовать в травле человека по багажному признаку. Они встали возле ленты. Чемоданы начали выезжать один за другим. Черный. Красный. Синий. Огромный серебристый. Детский розовый. Чей-то пакет, замотанный пленкой так тщательно, будто внутри находился государственный секрет. Чемодана Аманжол не было. — Спокойно, — сказал Акжол. — Я спокоен. — Ты уже третий раз обходишь ленту. — Я анализирую ситуацию. Сапар стоял, скрестив руки. — У тебя с этим чемоданом кармическая связь. — Он чувствительный. — Он неодушевленный. — Это ты так думаешь. На ленте появился чемодан Акжол. Потом — Сапара. Аманжол остался один. Пассажиров вокруг становилось все меньше. — Всё, — сказал он мрачно. — Что всё? — Началось. — Что началось? — Моя борьба с международной системой перевозок. Акжол рассмеялся. — Подожди еще минуту. — Я чувствую, что его нет. — Как? — Внутренне. Сапар посмотрел на Акжол. — Видишь? Уже стадия принятия. — Какая принятия? — возмутился Аманжол. — Я еще даже не дошел до скандала. — Значит, торгуешься. — С кем? — С судьбой. Лента почти опустела. Аманжол уже направился к стойке Lost & Found, когда Акжол внезапно увидел знакомый чемодан. — Аманжол. Тот обернулся. — Что? — Вон он. — Где? — Едет. Аманжол бросился обратно. Чемодан действительно медленно приближался по ленте. — Родной! — сказал Аманжол. Сапар закрыл лицо рукой. — Не позорь нас. Аманжол снял чемодан и внимательно осмотрел его. — Всё нормально. — Конечно нормально. — Я просто проверяю. — Что? — Не вскрывали ли. — Кому нужен твой фен? — Люди разные бывают. Акжол уже катил свой багаж к выходу. — Пошли. — Подожди, у меня замок как-то странно стоит. Сапар развернулся. — Если ты сейчас откроешь чемодан прямо здесь, я улечу обратно. — Успокойся. Все, иду.

На выходе их встретил настоящий южный жар. Солнце ударило в глаза, асфальт блестел, воздух был тяжелым и теплым. Аманжол остановился. — Вот теперь море чувствую. Сапар вдохнул. — А я кондиционер в автобусе чувствую. Трансфер ждал неподалеку. Они загрузили чемоданы, устроились внутри и наконец расслабились. За окном поплыли улицы, пальмы, вывески, кафе, магазины, отели. Аманжол вертел головой во все стороны. — Всё, я здесь остаюсь. — Ты пять минут в автобусе, — сказал Акжол. — Мне уже нравится. — Что именно? — Атмосфера. — Ты видел автомойку и аптеку. — И что? Люди красиво живут. Сапар достал телефон. — Асель написать надо. — Напиши: «долетели, Аманжол тоже». — Она первым делом спросит. Он действительно написал жене, и почти сразу пришел ответ. Сапар прочитал и усмехнулся. — Что? — спросил Акжол. — Пишет: «Чемодан Аманжол прилетел?» Аманжол возмутился. — Почему все думают, что у меня проблемы с багажом? — Потому что у тебя проблемы с багажом. — Один раз. Акжол поднял бровь. — Два. — Первый не считается. Он был в машине. — Именно. Аманжол задумался. — Ладно, два. Но тенденции пока нет.

Отель оказался большим и светлым: мраморный холл, сильные кондиционеры, запах кофе от бара у ресепшена. После уличной жары все трое почти одновременно сбавили шаг. Прохлада была такой приятной, что первые несколько секунд никто не проявлял желания двигаться дальше. Аманжол первым заметил огромное зеркало, поправил волосы и солнечные очки. Сапар поймал его отражение: — Ты себя проверяешь или отель? — Обстановку. — Обстановка довольна? — Пока да. Акжол тем временем оглядывал холл с куда более практическим интересом: где выход к морю, где можно поесть и насколько далеко отсюда до набе-

режной. Их отпуск начинал приобретать реальные очертания. Аманжол огляделся. — Вот. — Что «вот»? — спросил Сапар. — Вот ради этого я работаю. — Ты актер. — Тем более. Регистрация заняла дольше, чем хотелось. Оказалось, что номера у них были на разных этажах. Аманжол тут же возмутился: — В смысле разных? Сотрудник отеля спокойно объяснил, что других свободных номеров рядом сейчас нет. — Нет, вы не понимаете, — сказал Аманжол. — Мы вместе прилетели. Сапар толкнул его локтем. — И что? — Мы друзья. — И? — Как мы будем отдыхать? Акжол вмешался: — Аманжол, мы не в школьный лагерь приехали. — Это вопрос логистики. — Какой логистики? — Например, кто ночью будет ходить за водой? Сапар посмотрел на него. — Ты. — Вот. Поэтому номер должен быть рядом. В итоге Акжолу достался номер этажом выше, Сапару и Аманжолу — почти напротив друг друга. — Мне одному? — уточнил Аманжол. — Тебе одному, — сказал Акжол. — Роскошь. — Только не потеряй номер. — Очень смешно.

Они разошлись по комнатам, договорившись через полчаса встретиться внизу. Акжол вошел в свой номер, бросил сумку на кровать и сразу подошел к балкону. Открыл дверь. И остановился. Море было видно. Не целиком — между корпусами отеля, пальмами и крышами, но этого хватило. Синее, яркое, живое. Акжол вышел на балкон и положил руки на перила. Долго стоял молча. Шум улицы доносился снизу, где-то смеялись люди, хлопала дверь соседнего балкона, ветер пах солью. Он улыбнулся. Вот ради этого он и ехал. За этим ощущением простора. За тем, чтобы перестать хотя бы на несколько дней быть человеком, от которого все чего-то ждут. Телефон завибрировал. Акжол достал его. Сообщение от Сапара: «Спускайся. Этот уже хочет есть». Следом другое. От Аманжолы: «Я не “этот”. И я действительно хочу есть». Акжол рассмеялся.

Через десять минут они встретились внизу. Аманжол уже успел переодеться в светлые шорты, рубашку и солнечные очки. Сапар посмотрел на него. — Ты куда собрался? — На отдых. — Ты выглядишь так, будто сейчас будешь продавать яхту. — Завидуй молча. Акжол тоже переоделся, но проще — футболка, легкие брюки, кроссовки. — Море сначала? — спросил он. — Еда, — твердо сказал Аманжол. — Море, — возразил Акжол. Сапар задумался. — Можно совместить. — Как? — Найти кафе у моря. Аманжол снял очки. — Вот за что я тебя уважаю.

Они пошли пешком. Первые десять минут прогулки ушли на спор о том, что считать настоящим началом отдыха. Аманжол утверждал, что отпуск начинается с первой фотографии в солнечных очках; Сапар — что с момента, когда перестаешь смотреть рабочие чаты; Акжол считал, что все гораздо проще: отпуск начинается тогда, когда впервые видишь море. — Слишком красиво сказал, — подозрительно заметил Сапар. — Ты точно экономист? — На отдыхе временно нет. — Тогда кто? — Человек. — Опасное состояние, — заключил Аманжол. — Смотри, не привыкни. Чем ближе становилось море, тем сильнее менялся воздух. Появился запах соли, ветер стал мягче, прохладнее.

А потом улица закончилась. Перед ними открылся берег. Аманжол первым остановился. На несколько секунд даже он замолчал. Перед ними лежало море — огромное, ослепительное, почти белое от солнца возле горизонта. Волны медленно накатывали на песок, люди гуляли вдоль берега, дети визжали в воде, где-то играла музыка. Акжол глубоко вдохнул. Что-то внутри него отпустило. Просто отпустило. — Мужики, — сказал Сапар. — М-м? — Мы реально приехали. — Я тебе еще в самолете говорил, — ответил Аманжол. — Тогда это было теоретически. Они подошли ближе к воде. Аманжол снял обувь первым. — Проверю температуру. — Зачем? — Вдруг холодная. Он зашел по щиколотку. Через секунду волна накрыла его почти до колен. — Черт! Сапар расхохотался. — Ну как? — Теплая. — По лицу видно. Акжол тоже снял обувь и вошел в воду. Море было теплым. Он стоял и смотрел вперед. В этот момент Салтанат, работа, родители, обязательства — все осталось где-то очень далеко. Позади Сапар что-то спорил с Аманжолом, тот доказывал, что волна подошла «вдруг и под

неправильным углом», но Акжол почти не слушал. Он вдруг почувствовал удивительное спокойствие. Без причины. Будто приехал не просто отдыхать. точно оказался там, где почему-то должен был оказаться.

6. Анна

Пятница. Анна вышла с работы уже затемно и, толкнув тяжёлую стеклянную дверь, на мгновение остановилась на крыльце. После сухого офисного тепла морозный воздух показался особенно густым, чистым и острым. Она глубоко вдохнула, почувствовала, как холод обжёг горло, и вдруг удивлённо улыбнулась: воздух пах арбузами. Совершенно отчётливо, почти полетнему — свежей зелёной коркой, сладкой прохладной мякотью, тем самым запахом, который бывает в августе, когда разрезаешь большой спелый арбуз и по ножу сразу стекает розовый сок. Откуда мог взяться этот запах посреди зимы, Анна понятия не имела. Возможно, где-то рядом разгружали фрукты, возможно, мороз сыграл с её памятью какую-то странную шутку, но на несколько мгновений ей почудилось лето — солнце, горячая земля, открытые окна, лёгкое платье, — и от этого невозможного летнего воспоминания среди холода стало неожиданно хорошо. Анна плотнее запахнула пальто, спрятала подбородок в воротник и пошла по аллее к остановке. Под ногами тонким стеклом лежал намерзший за день лёд, и она, как в детстве, специально выбирала самые большие корочки и с удовольствием разбивала их каблуком. Лёд сухо трескался, разлетался прозрачными осколками, снег похрустывал под подошвами, голые ветви деревьев белели от инея, а вдоль аллеи уже горели фонари, окружённые мутными золотистыми ореолами. Рабочая неделя закончилась, впереди были два свободных дня, и сама эта мысль вдруг показалась Анне почти роскошью. Можно было никуда не спешить, утром не заводить будильник, долго пить кофе, завернувшись в халат, смотреть какой-нибудь фильм, заказать еду и провести выходные в ленивом домашнем безделье. Только почему-то именно сегодня такая перспектива совершенно её не радовала. Муж уже несколько дней находился в другом городе — предприятие отправило его на обучение по кибербезопасности, и вся неделя у него проходила между гостиницей и учебным центром. По вечерам они созванивались. Он рассказывал про лекции, тесты, какие-то новые требования, информационные системы, защиту данных, пароли, угрозы и прочие вещи, в которых Анна разбиралась весьма приблизительно, зато с удовольствием слушала его ворчание о том, что после восьми часов разговоров о безопасности ему хочется совершить единственное преступление — выбросить ноутбук в окно и больше никогда его не открывать. Она смеялась, спрашивала, хорошо ли его кормят, тепло ли в гостинице, не забыл ли он шапку, а потом они желали друг другу спокойной ночи, и квартира снова становилась слишком тихой. Сегодня, шагая по морозной аллее и разбивая ботинками ледяные корочки, Анна вдруг подумала, что совершенно не обязана проводить ещё два вечера в одиночестве. Мысль появилась легко, почти между делом: а что, если взять и приехать к нему? Анна даже замедлила шаг. Не сказать заранее, не спрашивать, удобно ли ему, не устраивать бесконечных согласований — просто приехать. Муж говорил, что в субботу занятия закончатся раньше, значит, они смогут провести вместе почти весь вечер, а потом воскресенье. Она представила, как он возвращается в гостиницу после очередного дня своего кибербезопасного просвещения, открывает дверь номера и видит её. От одной этой картины стало весело. «Ну что, специалист по безопасности, — мысленно произнесла Анна, — посмотрим, насколько хорошо охраняется твоя личная жизнь». Она рассмеялась сама себе, и проходившая навстречу женщина удивлённо посмотрела на неё. До остановки оставалось совсем немного, но Анна уже не думала ни об автобусе, ни о холоде. Решение, возникшее несколько минут назад как случайная прихоть, стремительно превращалось в план. Она достала телефон прямо на ходу, сняла перчатку зубами, сунула её в карман и стала искать билеты. Пальцы мгновенно замёрзли, экран плохо слушался, несколько раз она нажала не туда, выругалась себе под нос и наконец остановилась возле фонаря. Варианты были. Можно было уехать сегодня поздно вечером, добраться ночью и утром уже быть в его городе. Анна прикусила губу, быстро прикидывая, сколько времени понадобится, чтобы доехать домой, собрать вещи и добраться до вокзала.

Немного белья, свитер, джинсы, косметичка, зарядка — в конце концов, она едет всего на два дня, а не переселяется на другой континент. Главное — не проговориться, когда муж позвонит вечером. Нужно будет разговаривать совершенно обычно, пожаловаться на холод, спросить про его занятия и ни единым словом не выдать себя. Эта маленькая тайна уже будоражила её, придавала обыкновенной пятнице вкус приключения. Анна выбрала билет, ещё секунду смотрела на кнопку оплаты, будто давала себе последний шанс передумать, а затем решительно нажала. Экран сообщил, что покупка совершена. Всё. Назад дороги не было. Анна убрала телефон и снова пошла по аллее, но теперь всё вокруг словно немного изменилось. Мороз вдруг перестал мешать. До остановки оставалось совсем немного, а дома вместо тихого вечера её ждали быстрые сборы, дорога и секрет, о котором пока знала только она. Ей нравилась эта внезапность, нравилось ощущение, что она только что взяла обыкновенные выходные и собственноручно превратила их в маленькое путешествие. Она уже представляла, как тихо подойдёт к двери его номера и постучит, как услышит шаги, как дверь откроется и муж несколько секунд будет просто смотреть на неё, совершенно не понимая, откуда она взялась. Наверное, первым делом спросит: «Ты что здесь делаешь?» — и она, конечно, сделает самое невинное лицо и ответит: «Как что? Приехала проверить, чему вас тут учат. А то внезапно кибербезопасность есть, а жена без присмотра». От этой мысли Анна снова улыбнулась, наступила на особенно красивую ледяную корочку и с удовольствием услышала, как та звонко разлетелась под каблучком. Где-то впереди показались огни подъезжающего автобуса. Анна ускорила шаг, а морозный воздух всё ещё необъяснимо пах арбузами. Анна опять вдохнула поглубже и усмехнулась этой нелепой летней примете посреди зимы.

Автобус подошёл почти сразу, тяжело выдохнув у остановки облако сизого пара. Анна поднялась в тёплый салон, приложила карту к терминалу и устроилась у окна. Стекло было затянуто морозными узорами, сквозь которые город расплывался золотыми и красными пятнами фонарей, витрин и автомобильных фар. Она провела пальцем по запотевшему стеклу, оставив небольшое прозрачное окошко, и вдруг почувствовала то самое приятное нетерпение, которое бывает перед дорогой, особенно незапланированной. Ещё час назад она собиралась провести совершенно обычную пятницу: доехать домой, переодеться, разогреть ужин, возможно, налить себе бокал вина и заснуть под какой-нибудь фильм, который завтра всё равно пришлось бы перематывать назад, потому что последние сорок минут она бы не помнила. А теперь в телефоне лежал билет, до отправления оставалось несколько часов, и обычная пятница внезапно приобрела вкус маленькой авантюры. Домой Анна влетела уже в совершенно другом настроении. Сбросила сапоги, бросила сумку на тумбу и первым делом вытащила из шкафа небольшую дорожную сумку. Она всегда считала, что умеет собираться быстро, но всякий раз обнаруживала одну и ту же загадочную особенность: поездка на два дня почему-то требовала вещей примерно столько же, сколько эвакуация на неопределённый срок. На кровать полетели джинсы, два свитера, бельё, футболка, домашняя одежда, косметичка. Потом Анна задумалась и положила сверху платье. Постояла, посмотрела на него, достала туфли. Посмотрела на туфли, на платье, потом на зимний пейзаж за окном и усмехнулась. — На два дня, Анна. Ты едешь на два дня, — строго напомнила она себе. Туфли всё-таки оставила. Затем началось самое сложное — косметика. Анна открыла косметичку и поняла, что половина необходимого туда не помещается. В ход пошёл второй маленький несессер. Фен она сначала положила, потом вытащила, вспомнив, что в гостинице наверняка есть свой. Через минуту снова положила — гостиничные фены она не любила. Потом опять вытащила, потому что сумка перестала закрываться. В конце концов Анна села на неё сверху и застегнула молнию, чувствуя себя победителем в нелепом бытовом сражении. Телефон зазвонил именно в этот момент. На экране высветилось имя мужа. Анна замерла, сидя верхом на сумке. — Вот только тебя сейчас и не хватало, — пробормотала она и тут же улыбнулась. Нужно было вести себя естественно.

Максимально естественно. Настолько естественно, чтобы человек, проживший с ней достаточно долго и знавший по одному её «алло», что она что-то задумала, ничего не заподозрил.

Анна глубоко вдохнула и приняла звонок. — Привет. — Привет. Ты уже дома? Она машинально посмотрела на раскрытый шкаф, одежду на кровати, зарядку, паспорт и билет на экране второго телефона. — Да. Только пришла. — Устала? — Как собака. Получилось слишком бодро. Анна нахмурилась и решила добавить правдоподобия: — Замёрзла ещё. У нас мороз ужасный. — Я же говорил тебе надевать длинный пуховик. — Началось. — Что началось? Ты сама потом жалуешься, что замёрзла. — Я не жалуюсь. Я информирую тебя о погодных условиях. Он рассмеялся. Анна тоже улыбнулась и почувствовала, как внутри разливается тепло. Сейчас он находился в другом городе, сидел, наверное, в своём гостиничном номере, совершенно не подозревая, что через несколько часов его жена будет ехать к нему. — А ты где? — спросила она. — В гостинице. Только пришёл. Сегодня нас замучили.

— Киберпреступники? — Преподаватель. Киберпреступники по сравнению с ним милейшие люди. Анна прикусила губу, чтобы не рассмеяться слишком громко. — И чему научили? — Никому не доверять. — Очень полезное семейное знание. — Особенно жене. — Правильно. Жена — главная угроза информационной безопасности. — Ты смеёшься, а у нас сегодня четыре часа было про социальную инженерию. — И что это? Он начал объяснять, но Анна слушала вполуха, одновременно пытаясь одной рукой незаметно вытащить из-под кровати упавший носок и запихнуть его в сумку. Потом вспомнила, что находится дома одна и совершенно незачем делать это незаметно, и едва не рассмеялась. — Ты чего там возишься? — немедленно спросил муж. Анна застыла. — Ничего. — Я слышу. — Чего ты слышишь? — Шуршишь чем-то. Анна посмотрела на сумку. — Пакет разбираю. — Какой пакет? — Обыкновенный пакет. — Зачем? — Господи, я уже должна отчитываться перед специалистом по кибербезопасности о пакетах? — Подозрительная ты сегодня. Сердце Анны радостно ёкнуло. — Это ты после своих курсов подозрительный. Ещё пару дней поучишься — домой вернёшься, будешь холодильник на наличие шпионского оборудования проверять. Он снова рассмеялся и, к счастью, больше ни о каких пакетах не спрашивал. Разговор продолжался ещё минут двадцать. Анна специально расспросила его о завтрашнем расписании и постаралась сделать это как можно небрежнее. Муж сказал, что утром у них занятия, потом тестирование, а после обеда должны отпустить.

— Значит, вечером свободен? — спросила она и тут же мысленно обругала себя за слишком заинтересованным тоном. — Вроде да. А что? — Ничего. — Ань? — Что? — Ты что-то задумала? Она посмотрела на дорожную сумку. — Я? — Ты. — Абсолютно ничего. Повисла короткая пауза. — Вот теперь я точно уверен, что задумала. — Профессиональная деформация у тебя началась. Спокойной ночи. — Подожди. Ты куда так быстро? — Спать хочу. — В девять вечера? Анна взглянула на часы. Прокон. — Я сначала в душ. Потом поем. Потом фильм посмотрю. Потом усну. Я сообщила тебе план вечера с достаточной степенью детализации? — Более чем. — Вот и хорошо. — Люблю тебя. Она на секунду перестала улыбаться. Слова были привычными, но именно сейчас ей особенно остро захотелось оказаться рядом. Ночью Анна почти не спала. Поезд мерно покачивался, колёса отбивали бесконечный ритм, за окном проплывала чёрная степь, иногда прорезанная редкими огнями станций, а она то закрывала глаза, то снова открывала их и смотрела на своё отражение в тёмном стекле. В голове крутилась одна и та же картинка: дверь гостиничного номера открывается, муж сначала смотрит на неё непонимающе, потом удивлённо улыбается, обнимает, спрашивает, зачем она потащилась через полстраны среди ночи, а Анна смеётся и отвечает, что соскучилась. Она даже заранее представляла, как будет рассказывать потом подругам об этой поездке — о внезапно купленном билете, о тайных сборах, о том, как врала мужу, что уже ложится спать, сидя в это время в вагоне. Всё казалось таким простым, домашним, тёплым и немного смешным.

Утром город встретил её морозом. Небо только начинало светлеть, улицы ещё не успели наполниться людьми, редкие машины шуршали шинами по промёрзшему асфальту, над крышами висел бледный зимний рассвет. Анна вышла с вокзала, вдохнула холодный воздух и почувствовала себя совершенно счастливой. Она устала, волосы после ночной дороги уже не лежали так, как хотелось бы, под глазами наверняка появились тени, но всё это не имело никакого значения. До гостиницы было минут пятнадцать на такси. По дороге она попросила водителя остановиться возле небольшой кофейни, которая уже работала. Купила два больших кофе, горячие круассаны и, увидев на витрине маленькие пирожные, зачем-то взяла ещё и их. «Праздник так праздник», — решила Анна, укладывая коробочку в пакет. Гостиница оказалась именно такой, какой она представляла по фотографиям мужа: большой холл, блестящий пол, слишком яркий утренний свет, искусственные растения в тяжёлых кашпо и сонная девушка за стойкой администратора. Анна назвала фамилию мужа и объяснила, что она его жена. Номер она знала — он сам говорил ей несколько дней назад. Подниматься вверх было совершенно необязательно: можно было позвонить ему из холла, сказать, что она приехала, и наслаждаться эффектом. Но тогда исчезал весь смысл сюрприза. Она вошла в лифт, поставила дорожную сумку рядом и посмотрела на себя в зеркало. — Красавица, — тихо сказала Анна своему отражению. Отражение выглядело слегка помятым. Она пригладила волосы, поправила шарф, провела пальцами под глазами, проверяя, не размазалась ли тушь, и улыбнулась. — Сойдёт. Муж родной, переживёт. Лифт мягко остановился. Коридор был длинным, тихим, застеленным плотным ковролином, который совершенно глушил шаги. Анна шла медленно, держа в одной руке пакет с завтраком, в другой — ручку дорожной сумки. Вот 412-й. 414-й. Ещё несколько дверей. Номер мужа находился почти в самом конце. Чем ближе она подходила, тем сильнее хотелось смеяться. В ней вдруг проснулась совершенно детская радость от удавшейся шалости. Сейчас она постучит. Он спросит: «Кто?» Она специально ничего не ответит. Он откроет дверь сонный, растрёпанный, возможно, ещё в футболке, и несколько секунд будет смотреть на неё так, словно Анна материализовалась из воздуха. Она остановилась возле нужной двери. Поставила сумку. Перехватила поудобнее стаканы с кофе.

Анна подняла руку и постучала. За дверью почти сразу послышались шаги, замок щёлкнул, и муж открыл — босой, сонный, в футболке, с растрёпанными волосами, именно такой, каким она представляла его всю ночь в поезде. мгновение он просто смотрел на неё, будто не мог соединить жену, которая вчера пожелала ему спокойной ночи из собственной квартиры, с этой женщиной в зимнем пальто, с дорожной сумкой и двумя стаканами кофе. Потом лицо его наконец изменилось, он рассмеялся и сказал: «Аня? Ты что здесь делаешь?» — «Как что? Приехала проверить вашу систему безопасности. Судя по всему, посторонние до четвёртого этажа проходят без особых препятствий». Он обнял её, поцеловал в холодную щёку, забрал пакет и сумку, и всё было правильно: знакомый запах, знакомые руки, его сонная улыбка. Анна ждала этого момента всю ночь и потому сразу заметила маленькое несоответствие между воображаемой сценой и реальной. Муж был рад — это было видно. Но вместе с радостью в его лице мгновенно появилось другое выражение, практичное, озабоченное: он посмотрел на часы и вспомнил, что через сорок минут должен быть в учебном центре. «Ты бы предупредила, я бы хоть распорядок поменял». — «Тогда какой же это сюрприз?» — засмеялась Анна. Он тоже улыбнулся, но уже искал носки, зарядку, бейдж, рассказывал про утреннее тестирование и одновременно спрашивал, не устала ли она в дороге. Анна сидела на краю кровати с кофе и смотрела, как он ищет носки, зарядку и бейдж. Ночью она представляла эту встречу совсем иначе и теперь сама над собой усмехнулась. Конечно, у него занятия. Конечно, через сорок минут надо уходить. Он был рад ей, просто утро не собиралось подстраиваться под её красивый сюрприз. «Ладно, вечером наверстаем», — решила Анна и сделала глоток уже остывающего кофе.

Вечером действительно было хорошо. Муж освободился после занятий, они пошли ужинать, долго выбирали ресторан, спорили из-за слишком модного меню, смеялись над названиями блюд и взяли бутылку вина. Он рассказывал о преподавателе, который видел угрозу национальной безопасности в каждом плохо придуманном пароле, Анна — о работе и договоре, который кто-то умудрился подписать без приложений, а потом торжественно принёс юристу «посмотреть». После ужина они гуляли по холодным улицам, муж взял её за руку на скользком тротуаре, купил кофе, хотя Анна сказала, что больше не хочет, а потом они вернулись в гостиницу и легли рядом. Ничего плохого в том вечере не произошло, и именно поэтому лёгкое послевкусие разочарования было трудно объяснить даже самой себе. Муж не был холоден, не отталкивал её, не грубил. Просто заснул почти сразу, уставший после недели обучения, а она лежала рядом в темноте и почему-то вспоминала, как утром шла по коридору с двумя стаканами кофе и чувствовала себя девчонкой, задумавшей прекрасную глупость. Ей хотелось вернуть то предвкушение и понять, куда оно исчезло после того, как дверь открылась. На следующий день они гуляли ещё несколько часов, заходили в магазины, спорили, где пообедать, фотографировались. Муж был привычно внимателен, спокойный и родной. Анна смотрела на него и внезапно поняла вещь, от которой сразу отвернулась: она любила этого человека. Но уже не так, как когда-то. Не хуже, не меньше в человеческом смысле — иначе. Как любят то, что долго было частью дома, памяти, собственной биографии. Она немедленно обозвала себя неблагодарной дурой, решила, что просто устала, и больше к этой мысли не возвращалась. По крайней мере сознательно.

Анне было сорок три года, и этот возраст шёл ей заметно больше молодости. В двадцать она была просто красивой девушкой — рыжеволосой, светлокожей, стройной, с выразительными глазами и тонкими чертами лица, но тогда в красоте было слишком много внутреннего напряжения, слишком много готовности бежать, спасать, доказывать, успевать, отвечать за себя и ещё за троих. Теперь возле глаз появились тонкие морщинки, которых Анна совершенно не стеснялась, движения стали спокойнее, взгляд — увереннее, а сама она наконец перестала относиться к собственной внешности как к экзамену. Она знала, что красива, примерно так же, как знала, что у неё рыжие волосы, хороший юридический почерк и совершенно отвратительный характер по утрам, если поднять её раньше будильника. Работала Анна юристом в производственной компании и давно привыкла, что фраза «Анна, у нас тут маленькая проблема» почти всегда предвещала бедствие: договор уже подписан, товар уже отгружен, деньги уже не заплатили, работник уже пожаловался, а юристу документы решили показать тогда, когда ситуацию можно было спасти только фантазией, законом и крепкими нервами. Она редко повышала голос, но умела задать один спокойный вопрос так, что взрослый человек напротив сам начинал понимать масштаб совершённого. Её уважали, иногда побаивались и регулярно использовали как универсальную службу спасения. Последнее было привычно: почти всю жизнь кто-нибудь считал, что Анна должна справиться.

Этому она научилась ещё ребёнком. Мать Анны была женщиной эмоциональной, капризной и удивительно талантливой в искусстве превращать собственное настроение в климатическое явление, распространявшееся на всю квартиру. Её молчание могло быть громче скандала, фраза «всё нормально» означала, что нормально не было решительно ничего, а причиной трёхдневной обиды иногда становился неправильно понятый взгляд за завтраком. Отец в семейных бурях предпочитал политику невмешательства: уходил читать, находил срочные дела, возился с машиной, а позже советовал Анне не обращать внимания. Родители в конце концов развелись, отец уехал в другой город, и между ним и дочерью осталась любовь странного, дистанционного свойства — редкие звонки, поздравления, встречи и старая детская обида, которую Анна давно научилась не трогать. Она не считала своё детство несчастным. Просто очень рано поняла: если рядом начинается беда, ждать спасателей бессмысленно, взрослым почему-то чаще всего

оказывается тот, кто первым берёт на себя ответственность. В их семье таким взрослым всё чаще становилась Анна.

Поэтому, когда её младшей сестре было четырнадцать и выяснилось, что она беременна, семейная катастрофа почти естественным образом легла на Аннины плечи. Мать рыдала, отец кричал, родственники шептались и искали виноватого, а сама девочка сидела белая от страха и выглядела именно тем, кем была на самом деле, — ребёнком, который должен был родить ребёнка. После рождения мальчика заговорили о доме малютки. Анна сначала пыталась рассуждать рационально: существуют учреждения, специалисты, система, возможно, малыша усыновит хорошая семья. Но она слишком плохо умела верить в правильные слова, не проверив их собственными глазами, и устроилась туда волонтером. Она увидела чистые кровати, накормленных детей, уставший персонал и постепенно заметила самое страшное — не жестокость и не злых людей, а простую нехватку рук. Один ребёнок плакал, пока взрослый занимался другим; кто-то переставал звать не потому, что его утешили, а потому, что устал. Анна несколько ночей не спала, представляя среди этих одинаковых кроваток мальчика сестры, а потом поняла совершенно ясно: оставить его там она не сможет. Так в её жизни появился Андрей. Сначала — «ненадолго», пока сестра подрастёт, пока семья придёт в себя, пока станет понятно, что делать дальше. Но временное умеет становиться постоянным без торжественного объявления даты. Анна вставала к нему ночью, кормила, купала, таскала по комнате во время колик, паниковала из-за температуры и быстро выяснила, что маленький Андрей обладает голосом профсоюзного лидера и совершенно не уважает право взрослых на сон. Он стал её сыном задолго до того, как это подтвердили документы.

Позже Анна усыновила Андрея официально и совершила то, что много лет считала защитой: не рассказала правду о его рождении. Сестра осталась для него тётей, Анна — мамой, а тайна росла вместе с мальчиком, пока однажды не стала слишком большой, чтобы продолжать помещаться внутри семьи. Когда Андрей узнал, он не увидел в её поступке жертвы. Он увидел ложь. Его вопрос — «Вы обе знали?» — Анна помнила много лет. Она объясняла про четырнадцатилетнюю девочку, дом малютки, страх, любовь, невозможность оставить его, но впервые столкнулась с правдой, которую не могла оспорить даже как юрист: она имела право растить его, любить и защищать, но не имела права присваивать его прошлое. Между ними появилась трещина. Потом были университет, проблемы, история с несовершеннолетней девушкой, беременностью и аборт, страх Андрея перед последствиями, его внезапный отъезд, Гоа, Европа и наконец Барселона, где он каким-то непостижимым образом превратился в повара, хотя дома был способен двадцать минут смотреть в полный холодильник и утверждать, что есть совершенно нечего. Теперь они разговаривали редко, иногда очень редко. Анна постепенно научилась страшному материнскому искусству — любить человека, не вмешиваясь в его жизнь. Если Андрей долго не звонил, значит, всё хорошо. Если на экране неожиданно появлялось короткое «мам», сердце сначала падало вниз, а уже потом радовалось.

С будущим мужем Анна познакомилась, когда Андрей был подростком, а сама она уже совершенно не собиралась строить жизнь вокруг мужчины. Однако именно отношение мужчины к Андрею оказалось причиной, по которой она подпустила его ближе. Он не изображал отца, не воспитывал чужого мальчишку и не требовал благодарности за великодушное принятие женщины «с ребёнком». Однажды, когда Андрей застрял на другом конце города, а Анна разрывалась между сыном и срочной работой, мужчина просто сказал: «Скинь адрес. Я заберу». И забрал. Потом были другие мелочи: мастер, которого впервые вызвала не Анна; продукты, появившиеся дома без её списка; сломавшаяся машина, которой занялся кто-то другой; простое «я сделаю», звучавшее для женщины, привыкшей всю жизнь слышать «ты разберись», почти как признание в любви. Она действительно его полюбила. Возможно, частью этой любви было огромное облегчение оттого, что впервые можно было опустить руки и обнаружить: мир не рухнул, потому что рядом есть ещё две. Они поженились, жили в квартире Анны, принадле-

жавшей ей задолго до брака, много смеялись, ездили куда-нибудь, ссорились, мирились, строили совершенно обычную семейную жизнь. Первые годы ей действительно было легко.

Потом произошло то, что происходит со многими браками гораздо чаще громких предательств: ничего не произошло. Просто однажды муж попросил её самой позвонить мастеру, потому что у неё лучше получается договариваться. Потом она сама разобралась со страховкой, потому что она юрист, сама спланировала отпуск, потому что у неё хороший вкус, сама решила вопрос с банком, сама поговорила с Андреем, потому что это всё-таки её сын, сама успокоила мать, организовала ремонт, выбрала билеты, оплатила счета. Каждая отдельная мелочь была настолько незначительной, что из-за неё было глупо ссориться, но однажды Анна обнаружила, что снова несёт жизнь обеими руками. Муж никуда не исчез. Он по-прежнему сидел рядом за завтраком, спрашивал, как прошёл день, мог принести ей кофе, обнять, укрыть одеялом, если она заснула перед телевизором. Он не стал плохим человеком. Просто когда-то вошёл в её жизнь человеком, сказавшим «я сделаю», а спустя годы незаметно превратился в человека, который говорил «ты лучше знаешь». И Анна тоже помогла этому случиться: если он делал медленно — забирала и делала сама, если сомневался — принимала решение, если забывал — напоминала, если ошибался — исправляла. Постепенно они построили почти идеальный механизм, в котором Анна всё умела лучше, потому что всё делала сама, а муж всё умел хуже именно потому, что Анна давно ничего не оставляла ему делать.

Особенно ясно это проявилось, когда Андрей исчез после своей тяжёлой истории. Анна звонила, искала, оценивала риски, пыталась выяснить, где сын, а муж, когда-то без вопросов ездивший за чужим подростком через весь город, теперь сказал: «А чем я могу помочь? Ты юрист, ты лучше понимаешь». Разница между «я разберусь» и «ты лучше понимаешь» оказалась длиной почти в весь их брак. Тогда Анна впервые почувствовала себя в браке одинокой, но даже это не стало поводом для разрыва. Потом Андрей нашёлся, жизнь вошла в колею, годы пошли дальше. Анна работала, муж работал, они вместе отмечали праздники, ездили к родственникам, иногда путешествовали, обсуждали новости, спорили о покупках, смеялись над старыми семейными шутками. Их брак не разрушался — он застыл. И в этом было самое коварное: Анна не считала себя несчастной. Она была уверена, что именно так и выглядит зрелая любовь после многих лет: меньше страсти, больше привычки, меньше безрассудства, больше удобства. Так живут миллионы. Вероятно, это и называется взрослая жизнь.

Путешествия Анна любила всегда, особенно море. Возле моря проблемы не исчезали, но почему-то уменьшались до настоящих размеров: рабочий конфликт снова становился просто рабочим конфликтом, материнская обида — неприятным разговором, а собственная ошибка — не приговором, а ошибкой. Раньше почти каждая поездка начиналась с поиска компании. Анна звонила подругам, двигала даты, пересчитывала бюджет и к концу поисков чувствовала себя турагентом, которому никто не собирается платить комиссию. С мужем путешествовать было проще, но в последние годы и здесь возникла привычная схема: даты искала Анна, отель выбирала Анна, трансфер бронировала Анна, а муж включался на стадии вопроса, нельзя ли найти дешевле и обязательно ли лететь именно туда. В этот раз его отпуск с её отпуском не совпадал. Анна несколько вечеров пыталась уговорить подруг: одна не могла из-за работы, другая собиралась к детям, третья долго выбирала направление, а потом призналась, что денег сейчас нет. В конце концов Анна сидела перед ноутбуком, смотрела на фотографию глубокого синего моря и внезапно подумала: а зачем ей вообще кто-то, чтобы туда поехать? Мысль оказалась настолько простой, что она засмеялась.

Муж сначала удивился. «Одна?» — переспросил он, когда Анна за ужином сообщила, что нашла хороший тур. «Получается, одна. У тебя отпуск позже, девочки не могут. А я хочу к морю». Он посмотрел на неё внимательно, словно пытался понять, не скрывается ли за этим решением какая-нибудь обида. «Тебе не скучно будет?» — «Вот и проверю». — «Может, перенесёшь?» — «Не хочу». Он пожал плечами, спросил про отель, цену, страховку и через десять

минут уже говорил о другом. Для Анны это было одновременно облегчением и странным разочарованием, которое она опять не стала разбирать. Ей не хотелось, чтобы её запрещали или удерживали; она терпеть не могла контроль. Но какая-то нелогичная часть её всё-таки ожидала: «Подожди, давай придумаем, как поехать вместе». Ничего подобного не прозвучало. И тогда Анна нажала кнопку оплаты сама. Никаких фанфар, никакой революции — просто купила себе поездку к морю на одного человека.

Мать отреагировала предсказуемо: «Одна женщина в чужой стране?» Анна напонила, что ей сорок три, на что мать совершенно справедливо возразила: «И что?» Затем перечислила возможные преступления, болезни, стихийные бедствия, мошенников и акул, хотя выбранное Анной море не особенно славилось последними. Муж, напротив, отнёсся спокойно, помог проверить документы, напомнил о страховке и попросил писать, когда доберётся. В аэропорту Анна сидела возле огромного окна с кофе и наблюдала, как медленно двигаются самолёты. Вокруг люди обнимались, дети капризничали, мужчины тащили чемоданы, женщины пересчитывали паспорта. Анна была одна, но одиночества не чувствовала. Она не сбегала из дома, не собиралась ничего менять, не ехала искать приключения и уж точно не искала мужчину. У неё был муж, привычная жизнь, работа, сын где-то далеко в Барселоне, мать, которая наверняка позвонит ещё до посадки, и неделя у моря, которую Анна собиралась потратить исключительно на себя. Она хотела плавать, гулять, читать, есть морепродукты, смотреть закаты и хотя бы несколько дней не решать чужие проблемы. Когда объявили посадку, она выключила экран телефона после короткого сообщения мужу: «Пошла. Напишу после прилёта», поднялась и направилась к выходу, совершенно не подозревая, что возвращаться из этой поездки будет в ту же квартиру и к тому же человеку — но уже совсем другой женщиной.

7. Первое море

Самолёт коснулся полосы ранним утром, когда солнце уже успело подняться над горизонтом и залить аэропорт густым золотистым светом. Анна проснулась от лёгкого толчка, открыла глаза и несколько секунд просто сидела, не понимая, где находится. Потом за овальным иллюминатором мелькнула выжженная солнцем земля, вдали показались горы на фоне бледно-голубого неба, и память окончательно включилась: море, отпуск, отель. Она действительно прилегла одна.

Это слово ещё недавно звучало почти обидно. Когда окончательно выяснилось, что компанию ей никто не составит, Анна несколько вечеров раздумывала, не отменить ли поездку вообще. Можно было остаться дома, придумать себе тысячу разумных занятий, посвятить отпуск ремонту, генеральной уборке, встречам с людьми, которых она месяцами обещала увидеть. Но однажды вечером она открыла бронирование, посмотрела на фотографию моря — невозможного, яркого, синего, с белой полосой прибоя — и вдруг разозлилась. Почему её жизнь должна зависеть от того, нашёлся ли человек, готовый составить ей компанию? Почему для того, чтобы увидеть море, ей обязательно нужен кто-то рядом?

Она нажала «оплатить» почти сердито. А теперь сидела в самолёте среди зашевелившихся пассажиров и чувствовала, как эта злость постепенно превращается в удовольствие. — Дамы и господа, пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки воздушного судна... Разумеется, половина салона немедленно вскочила. Анна усмехнулась. Мужчина через проход уже каким-то непостижимым образом успел открыть верхнюю полку, вытащить огромный чемодан и теперь стоял, согнув шею под потолком, хотя двери самолёта всё равно оставались закрытыми. «Вот она, великая человеческая вера, что если встать первым, самолёт выпустит тебя раньше остальных». Анна не торопилась. Она достала телефон, отключила авиарежим и машинально посмотрела на экран. Несколько рабочих сообщений уже успели появиться. Одно начиналось особенно злобеще: «Анна, извините, что беспокою вас в отпуске, но вопрос срочный...» Она даже не стала открывать. — Нет, — тихо сказала Анна телефону. — Умерли так умерли.

Телефон отправился обратно в сумку. Она вышла из самолёта одной из последних и уже на трапе почувствовала жару. Воздух оказался совсем другим — плотным, тёплым, пахнущим нагретым асфальтом, пылью и чем-то незнакомым, южным. Ветер тронул её волосы, мгновенно растрепав рыжие пряди, которые она утром старательно собрала, и Анна остановилась буквально на секунду. Где-то там было море. Его ещё не было видно, но она почему-то уже чувствовала его присутствие. В аэропорту царил привычный курортный хаос. Дети ныли, взрослые пересчитывали чемоданы, представители туроператоров размахивали табличками, таксисты предлагали услуги на нескольких языках одновременно. Анна забрала свой чемодан, нашла трансфер и вскоре устроилась у окна небольшого автобуса. Город постепенно оставался позади. Дорога потянулась вдоль побережья, среди пальм, отелей, магазинчиков, кафе и небольших домов с выгоревшими от солнца крышами. Анна смотрела в окно с тем особенным любопытством, которое просыпалось в ней только в путешествиях. Она любила это состояние — когда вокруг всё чужое и поэтому удивительно интересное: вывески, люди, машины, деревья, даже бельё, развешанное на балконах.

А потом между домами вдруг мелькнула синяя полоса. Анна выпрямилась. Море. Оно появилось всего на несколько секунд и снова исчезло за зданиями, но этого оказалось достаточно. Что-то внутри неё мгновенно отпустило. Она неожиданно улыбнулась своему отражению в автобусном стекле. Последние годы слишком многого от неё требовали. Работа требовала собранности. Родители — терпения. Муж когда-то взял на себя часть её забот, но с годами всё чаще оставлял ей силы, решения, деньги и участие — даже тогда, когда сам давно перестал

замечать, сколько всего она тащит на себе. Андрей требовал совсем другого — дистанции, которую она до сих пор не научилась принимать без боли. Иногда Анне казалось, что окружающие просто привыкли передавать ей очередную проблему: разберётся. И она действительно разбиралась — чаще всего потому, что больше было некому. Но сейчас рядом не было никого, кому требовалось бы от неё решение. Не нужно было спрашивать: «Куда пойдём?» Не нужно было слышать: «Мне здесь не нравится».

Не нужно было подстраивать время завтрака, экскурсии, прогулки, сна. Можно было лечь спать в семь вечера. Можно было в два часа ночи пойти посмотреть на море. Можно было вообще ничего не делать. Эта мысль оказалась настолько прекрасной, что Анна рассмеялась. Сидевшая впереди женщина обернулась. Анна сделала серьёзное лицо и снова посмотрела в окно. Отель оказался именно таким, каким выглядел на фотографиях, только живее. Светлое многоэтажное здание утопало в зелени; перед входом покачивались пальмы, стеклянные двери отражали солнце, а внутри царила прохладная полутьма, пахнувшая кондиционером, кофе и едва уловимым ароматом цветов. Анна подошла к стойке регистрации, достала паспорт. — Добро пожаловать. — Спасибо. Администратор быстро проверил бронь, что-то напечатал и сообщил, что номер уже готов. Это было первым маленьким чудом отпуска. Анна, приготовившаяся услышать традиционное «заселение после четырнадцати», посмотрела на него почти с благодарностью.

— Уже? — Да. — Тогда я официально начинаю вас любить. Молодой человек за стойкой засмеялся. — Хорошего отдыха. — Вот теперь точно будет хороший. Она получила карточку, поднялась на лифте и покатила чемодан по длинному прохладному коридору. Колёсики громко постукивали по стыкам плитки. Анна нашла нужную дверь, приложила карту, увидела зелёный огонёк и вошла. Первым делом она подошла к балкону. Даже чемодан оставила посреди комнаты. Раздвинула тяжёлые шторы, открыла дверь — и замерла. Море было перед ней. Перед ней было настоящее море — огромное, живое и совсем не похожее на аккуратную фотографию из бронирования. Оно занимало почти весь горизонт, переливаясь от тёмной синевы вдали до прозрачной бирюзы возле берега. Солнце рассыпалось по воде тысячами ослепительных искр, волны медленно набегали на светлый пляж, а ветер принёс солоноватый влажный запах. Анна вышла босиком на балкон. Горячая плитка обожгла ступни. — Ай! Она отскочила обратно, посмотрела вниз и рассмеялась.

— Ну здравствуй. Уже napало. Она надела гостиничные тапочки и снова вышла. Теперь можно было спокойно рассмотреть всё вокруг. Внизу голубел бассейн, вокруг которого уже располагались отдыхающие. Кто-то плавал, кто-то завтракал, кто-то с восьми утра занимал лежаки полотенцами, словно участвовал в секретной военной операции. Дальше тянулся пляж. Над водой медленно кружили чайки. Анна оперлась локтями о перила. За плечами были годы брака, который когда-то казался ей настоящей взрослой жизнью, а теперь всё чаще превращался в бесконечное обслуживание чужого существования. Позади были годы, когда она привыкла быть сильной настолько, что окружающие перестали интересоваться, тяжело ли ей. Позади оставались отношения с родителями, в которых детские обиды давно перемешались со взрослой усталостью. Где-то своей отдельной жизнью жил Андрей — её самый родной и одновременно самый болезненно далёкий человек. А здесь никто ничего об этом не знал.

Люди возле бассейна ничего о ней не знали. Для них она была всего лишь рыжеволосой женщиной на балконе, и Анне понравилась эта временная анонимность: здесь от неё никто не ждал привычных ролей и решений. Она вернулась в комнату, открыла чемодан и некоторое время смотрела на аккуратно сложенные платья, купальники и босоножки. Потом решительно вытащила купальник. Разбирать вещи она не собиралась. Море ждать не должно. Через пятнадцать минут Анна уже стояла перед зеркалом в лёгком пляжном платье, собирая волосы наверх. Загар ещё только предстояло приобрести, кожа после долгой зимы и весны казалась особенно светлой, зато рыжие волосы на её фоне выглядели почти огненными. Она посмотрела

на своё отражение критически, повернулась боком, привычно нашла несколько недостатков, которые могла найти только женщина, слишком хорошо знающая собственное тело, а потом неожиданно махнула рукой. — Нормальная женщина, — сообщила она отражению. — Даже очень ничего.

Отражение спорить не стало. Она взяла очки, крем, телефон, книгу и небольшую пляжную сумку. У двери остановилась. Телефон. мгновение Анна смотрела на него. Потом положила обратно на тумбочку. Подумала. Снова взяла. — Нет, настолько свободной я ещё не стала. В лифте она встретила семейную пару с двумя детьми. Младший мальчик держал огромный надувной круг в форме фламинго, который занимал примерно половину лифта и настойчиво бил Анну клювом в плечо. — Простите, — смутилась мать. — Ничего. У нас с ним личная неприязнь с первого взгляда. Мальчик захихикал. Когда двери открылись, Анна торжественно уступила дорогу фламинго. — Сначала птицы. На улице жара обрушилась на неё сразу, но теперь она была к ней готова. Медленно пошла по дорожке к пляжу, чувствуя, как ветер перебирает подол платья. С каждым шагом море становилось ближе. Сначала появился шум. Потом запах. Потом прохладный ветер. Анна сняла босоножки у края песка и пошла босиком. Песок оказался горячим, она ускорила шаг, почти побежала и наконец вошла в воду.

Первая волна накрыла щиколотки. Холодная. Анна вздрогнула. Вторая дошла до колен. Третья качнулась выше. Она стояла, глядя на горизонт, и улыбалась. Никто не звал её. Никто не спрашивал, где она. Никто не требовал ответа. Впервые за долгое время впереди были дни, в которых ничего ещё не произошло. Было только море. Анна закрыла глаза и подставила лицо солнцу.

Море в тот вечер было почти неприлично красивым. Оно лежало перед берегом огромное, ленивое, нагретое за долгий день солнцем и теперь понемногу меняло цвет — от густого синего у горизонта до прозрачного зеленовато-золотого у самой кромки песка. Волны накатывали неторопливо, с мягким шелестом расплзались по берегу тонкой пеной и отступали, оставляя после себя мокрый песок, в котором отражалось небо. Солнце уже клонилось к горизонту, но жара не спешила уходить: камни ещё хранили дневное тепло, воздух пах солью, нагретой древесиной пляжных настилов, кремом от загара и чем-то жареным из прибрежного кафе. Анна шла босиком вдоль воды, держа сандалии в одной руке. Она приехала к морю одна и неожиданно обнаружила, что ей это нравится. Поначалу одиночная поездка почему-то задевала её самолюбие. Анна даже представляла, как со стороны звучит это объяснение: сорок три года, поехала одна, компанию не нашла. Через несколько дней сама нелепость такой оценки стала её смешить. Несколько вечеров она даже пыталась найти компанию — осторожно спрашивала знакомых, перебирала варианты, слушала про чужие планы, мужей, детей, ремонты, дачи, отсутствие денег, наличие денег, но отсутствие времени, и в какой-то момент рассердилась.

В конце концов, море не требовало предъявить спутника при заселении. И вот теперь, на четвертый день отпуска, Анна уже искренне недоумевала, почему раньше не ездила одна. Никого не надо было ждать. Никого не надо было уговаривать встать пораньше, чтобы увидеть пустой пляж. Никто не спрашивал, зачем ей опять идти к морю, если она была там утром. Никто не ныл, что слишком жарко, слишком далеко, слишком солено, слишком дорого или что «давай лучше посидим в номере под кондиционером». Она могла молчать столько, сколько хотела. И это оказалось роскошью. Рыжие волосы Анна собрала на затылке кое-как, без зеркала, поэтому несколько прядей давно выбились и теперь ветер бросал их ей на лицо. Она время от времени раздраженно сдувала их, но поправлять причёску не собиралась. На ней было легкое белое платье чуть выше колен, свободное, почти невесомое, с тонкими бретелями; кожа на плечах уже приобрела теплый золотистый оттенок, а на носу проступили едва заметные веснушки, которые она всю жизнь пыталась скрывать тональным кремом и которые здесь, у моря, внезапно перестали ее раздражать.

Она шла, глядя себе под ноги, выискивая среди камешков особенно красивые. Это была совершенно бессмысленная привычка, оставшаяся с детства. Каждый раз, приезжая к морю, Анна собирала камни, ракушки и стеклышки, отполированные водой, тащила их домой, складывала в какую-нибудь вазочку, а через несколько месяцев, обнаружив очередную горсть морского добра во время уборки, спрашивала себя: — Господи, зачем я это привезла? После чего аккуратно складывала обратно. В этот момент она заметила камешек. Небольшой, совершенно круглый, белый, с тонкой серой полосой посередине. Анна остановилась. — Мой, — тихо сказала она сама себе. Она уже наклонилась, протянула руку — и одновременно с другой стороны к камню потянулась мужская ладонь. Их пальцы столкнулись. Анна резко отдернула руку. — Извините. — Простите. Они сказали это одновременно. Она подняла глаза. Мужчина тоже выпрямился. Первое, что Анна подумала: молодой. Второе: очень молодой. Третье почему-то оказалось совершенно нелогичным:

Какие глаза. Он был выше нее, загорелый, темноволосый, в светлой футболке и шортах, с мокрыми после моря волосами. По виску еще стекала тонкая дорожка воды. Он, судя по всему, только что купался и теперь шел вдоль берега, а камень заметил так же случайно, как она. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом мужчина опустил взгляд на предмет их почти состоявшегося международного конфликта. — Кажется, у нас территориальный спор. Анна посмотрела на камешек. Потом снова на него. — Я первая увидела. — Это недоказуемо. — Я могу дать показания. — Заинтересованное лицо. Она прищурилась. — Вы юрист? — Нет. — Заметно. Он неожиданно рассмеялся — легко, открыто, без дежурной вежливости. Анна тоже не удержалась от улыбки. Анна вдруг улыбнулась тоже. — А вы? — спросил он. — Что я? — Юрист? Она посмотрела на него уже внимательнее. — Почему вы решили? — Потому что нормальный человек сказал бы: «Отдайте камень».

— А я? — А вы сразу начали с доказательств. Анна скрестила руки на груди. — Так отдайте камень. — Теперь поздно. Уже возбуждено производство. — Молодой человек... Он снова засмеялся. Анна вдруг почувствовала раздражение — совсем небольшое, почти приятное. Она давно не говорила «молодой человек» с таким удовольствием, как сейчас. Он наклонился, поднял камешек и протянул ей на раскрытой ладони. — Мировое соглашение. Она посмотрела на камень. — Без компенсации? — Я человек щедрый. — Очень великодушно с вашей стороны отдать мне мое имущество. — Ваше? — Я первая увидела. — Опять голословное утверждение. Анна все-таки взяла камень. Забирая камень, она снова задела пальцами его ладонь. Прикосновение было коротким, но разговор почему-то оборвался сразу у обоих. Волна дошла до их ног, окатила щиколотки прохладной водой и отступила. Анна первой отвела взгляд. — Спасибо. — Пожалуйста. Она собиралась идти дальше. И даже сделала несколько шагов. Он остался стоять. Анна чувствовала его взгляд спиной.

Анна почувствовала его взгляд спиной и тут же, к собственному раздражению, выпрямилась и чуть замедлила шаг. «Господи, сорок три года», — мысленно фыркнула она, а затем сама себе возразила: и что? Возраст ещё никому не запрещал нравиться мужчинам. Она прошла еще метров десять. — Девушка! Анна остановилась. Вот теперь она действительно удивилась. Обернулась. Он догонял ее. — Девушка? — переспросила она, когда он подошел. — А что? — Ничего. Она едва заметно улыбнулась. — Продолжайте. Мне нравится. Он на секунду растерялся, а потом понял и тоже улыбнулся. — Я хотел спросить... — Камень обратно не отдам. — Я уже смирился с потерей имущества. — Тогда? Он посмотрел на нее с неожиданно серьезным выражением. И Анна впервые заметила, что он волнуется. Совсем немного. Но волнуется. Это почему-то тронуло ее больше, чем мог бы тронуть уверенный курортный ловелас с заготовленным комплиментом.

— Здесь недалеко кафе, — сказал он. — На берегу. Там хороший кофе. Анна посмотрела в сторону кафе, потом снова на него. — Это вы сейчас приглашаете меня на кофе? — Пытаюсь. — Не очень уверенно. — Я заметил. — А обычно получается лучше? — Обычно я не пригла-

шаю незнакомых женщин. — Конечно? — Правда. — Все мужчины почему-то говорят именно это незнакомым женщинам. Он рассмеялся. — Тогда скажу честно: я сейчас понятия не имею, что нужно говорить. Это обезоружило. Анна чуть склонила голову. Вблизи он казался еще моложе. Лет тридцать? Может, немного больше. И именно поэтому внутри мгновенно включился тот самый разумный, взрослый, юридически грамотный голос, который годами помогал ей принимать правильные решения. Нет. Очень хорошее слово. Короткое. Надежное. Не требующее дополнительных соглашений. — Спасибо, — сказала она. — Но я, пожалуй, пойду. Он кивнул. Без уговоров. Без «ну пожалуйста». Без попытки перегородить дорогу. Просто отступил на полшага.

— Хорошего вечера. — И вам. Анна пошла дальше. Почему-то стало немного досадно. Вот и правильно. Она прошла метров двадцать. Совершенно правильно. Еще десять. Нечего знакомиться неизвестно с кем. Еще несколько шагов. Тем более мальчик какой-то. Она остановилась. Медленно закрыла глаза. — Дура, — тихо сказала себе Анна. Море шумело совершенно равнодушно к ее внутренним противоречиям. Анна обернулась. Он все еще стоял на прежнем месте. Смотрел на море. И это окончательно решило дело. Если бы он смотрел ей вслед, она, возможно, ушла бы. Но он не смотрел. Анна пошла обратно. Он заметил ее только тогда, когда она подошла почти вплотную. На его лице появилось такое искреннее удивление, что она едва не рассмеялась. — Кофе действительно хороший? — спросила она. — Что? — Вы плохо рекламируете заведение. — Очень хороший. — Это важно. — Я понимаю. — Я пью американо без сахара. — Запомнил. Анна посмотрела на него. — Зачем? Он пожал плечами. — Вдруг пригодится.

И вот тогда внутри нее что-то едва заметно дрогнуло. Не сердце. Нет. Анна слишком хорошо знала цену красивым словам, чтобы сердце начинало прыгать от первого встречного мужчины на пляже. Просто где-то глубоко внутри точно открылась маленькая дверца, которую она давно считала заколоченной. — Как вас зовут? — спросила она. — Акжол. Она чуть нахмурилась, стараясь правильно повторить: — Ак... жол? — Да. — Акжол. Он улыбнулся. — Правильно. — А меня Анна. — Анна, — повторил он. И почему-то произнес ее имя так медленно, будто хотел запомнить не только звучание, но и вкус этого слова. Они пошли вдоль воды. Некоторое время молчали. Анна ждала стандартных вопросов: откуда приехала, одна ли отдыхает, надолго ли, в каком отеле остановилась. Но Акжол спросил: — Вы любите море? Она посмотрела на него. — Очень. — Я тоже. — Банально. — Почему? — Мы стоим на берегу моря. Было бы странно, если бы вы сказали, что ненавидите его. Он задумался. — Я не люблю горох.

Анна остановилась. — Что? — Чтобы разговор не был банальным. Она рассмеялась. По-настоящему. Громко. Так, что проходившая мимо пожилая пара посмотрела на них. — Хорошо, — сказала она. — Я не люблю манную кашу. — Почему? — Комки. — Согласен. Комки — преступление против человечества. — А вы, оказывается, категоричный человек. — Только в принципиальных вопросах. Они дошли до кафе. Оно стояло почти у самой воды — несколько деревянных столиков под белыми навесами, фонари, которые еще не зажгли, и открытая терраса, откуда было видно горизонт. Акжол выбрал столик ближе к морю. Анна села напротив. Теперь, при спокойном свете заката, она могла рассмотреть его лучше. Да, молодой. Определенно. Но в лице не было мальчишеской пустоты. Взгляд спокойный, внимательный. Он не разглядывал ее тело украдкой, как делали некоторые мужчины, думая, что женщина этого не замечает. Он смотрел в лицо. Это ей понравилось. И одновременно насторожило. Принесли кофе.

— Американо без сахара, — сказал он официанту раньше нее. Анна подняла бровь. — Уже запомнили? — Я экономист. — И что? — У нас хорошая память на важные показатели. — Мой кофе теперь экономический показатель? — Ключевой. Она покачала головой. — Сколько вам лет? Вопрос вырвался неожиданно даже для нее самой. Акжол замер с чашкой в руке. —

Вот так сразу? — А что? — Обычно сначала спрашивают, чем человек занимается. — Вы уже сказали. Экономист. — Где живет. — Неинтересно. — Женат ли. Анна посмотрела на него поверх чашки. — Женат? — Нет. — Вот видите. Один вопрос сэкономили.

Анна покрутила чашку между ладонями и на несколько секунд стала серьезнее. Шутить дальше, не обозначив главного, показалось ей нечестным. — А я замужем, — сказала она спокойно. Акжол перестал улыбаться, но не отвёл взгляда. — Понял. — Я говорю это сейчас не потому, что мы с вами уже собрались делить имущество, — добавила Анна с привычной иронией, — а потому, что не люблю недосказанность. Мы просто пьем кофе, но я не хочу, чтобы потом оказалось, будто что-то намеренно скрыла. Акжол медленно кивнул. мгновение он молчал, а потом, словно принимая те же правила, сказал: — Тогда и я должен сказать. У меня есть Салтанат. Мы вместе больше десяти лет. Недавно было сырға салу. Анна чуть нахмурилась, и он коротко объяснил смысл обряда — семьи уже признали их будущими женихом и невестой, хотя дата свадьбы ещё не назначена. — Значит, у нас обоих всё очень вовремя, — усмехнулась Анна. — Более чем, — ответил Акжол. Эта правда должна была поставить между ними безопасную границу. Станным образом после неё разговор стал только честнее.

— Вы точно юрист. Она улыбнулась. — Так сколько? Он назвал возраст. Анна медленно поставила чашку на блюдце. Десять лет. Она ошиблась совсем немного. Десять лет разницы лежали теперь между ними на маленьком деревянном столике рядом с сахарницей, двумя чашками и салфетницей. Анна посмотрела на море. — Понятно. — Что понятно? — Все. — Мне пока ничего. Она повернулась к нему. — Я старше вас на десять лет. Он молчал секунды две. — И? Анна даже растерялась. — Что «и»? — Что должно произойти? — Ничего. — Тогда зачем вы так торжественно это сообщили? — Потому что это существенно. — Для чего? Она открыла рот. И закрыла. Действительно. Для чего? Они пили кофе. Не женились. Не оформляли ипотеку. Не выбирали имена будущим детям. Просто два человека сидели вечером у моря. — Для статистики, — наконец сказала Анна. — А. Тогда записал. Он сделал вид, будто пишет что-то пальцем на столе. — Анна. Американо без сахара. Не любит манную кашу. Старше меня на десять лет.

— Еще юрист. — Это я поставлю жирным. Она рассмеялась снова. Солнце между тем коснулось горизонта. Море стало медным. На поверхности появилась длинная огненная дорожка, протянувшаяся от самого солнца почти к их столу. Ветер стал прохладнее, и Анна машинально потерла плечо ладонью. Акжол заметил. — Замерзли? — Нет. Он не стал спорить. Это тоже ей понравилось. Они просидели гораздо дольше, чем собирались. Говорили о путешествиях. О городах. О еде. О том, почему в отпуске человек способен пройти пятнадцать километров по незнакомому городу и считать это удовольствием, но дома возмущается, если парковка находится в двухстах метрах от подъезда. О книгах. О работе. О том, что море почему-то делает людей честнее. Анна почти ничего не рассказывала о прошлом. Акжол не спрашивал. И постепенно она перестала помнить о возрасте. Перед ней уже не сидел мужчина младше на десять лет. Сидел Акжол. Смешной. Внимательный. Иногда неожиданно серьезный. Он рассказывал что-то о своих друзьях, и Анна понимала по интонации, что эти люди для него почти семья. Потом заговорил о путешествиях, и лицо его изменилось — оживилось, стало совсем другим.

— Я могу часами смотреть на море, — сказал он. — Я тоже. — Особенно вечером. — А утром? — Утром оно обещает. Анна посмотрела на него внимательнее. — Что? Акжол пожал плечами. — Не знаю. Что все еще впереди. Она замолчала. Простая фраза неожиданно задела что-то внутри. Потому что последние несколько лет Анне все чаще казалось наоборот. Что главное уже было. Молодость. Брак. Ошибки. Ребенок, который вырос. Работа. Брак, давно ставший привычкой. Обиды. Ответственность. Жизнь постепенно превращалась в длинный список того, что уже случилось. А этот молодой мужчина напротив говорил, что утром море обещает: все еще впереди. — А вечером? — тихо спросила она. Он посмотрел на закат. —

Вечером напоминает, что даже хороший день когда-нибудь заканчивается. Поэтому глупо тратить его на то, что тебе не нужно. Анна медленно улыбнулась. — Для экономиста вы слишком философ. — Я в отпуске. — Понятно. На работе вы скучный? — Ужасно. — В костюме? — Иногда.

— С таблицами? — Постоянно. — Тогда верю. Когда они вышли из кафе, было уже почти темно. На набережной зажглись фонари. Из ресторанчиков доносилась музыка, пахло кофе, фруктами, горячим хлебом и морем. Людей стало больше. Кто-то гулял с детьми, кто-то фотографировался, кто-то торговался возле маленьких лавок. Они снова пошли вдоль воды. Теперь между ними было меньше расстояния. Иногда плечи почти соприкасались. Анна это замечала. Акжол, вероятно, тоже. Но никто не отодвигался. У отеля она остановилась. — Мне сюда. Он посмотрел на здание. Потом на нее. — Спасибо за кофе, — сказала Анна. — Это вам спасибо. — За что? — Что вернулись. Она почувствовала, как внутри снова что-то дрогнуло. — Я просто захотела кофе. — Конечно. — Хорошего кофе. — Разумеется. — Не придумывайте лишнего. — Даже не собирался. Он улыбался. И Анна понимала, что он ей не верит. Что хуже всего — она сама себе тоже не верила. — Спокойной ночи, Акжол. — Спокойной ночи, Анна.

Она повернулась и пошла к входу. На этот раз он ее не окликнул. Уже возле дверей Анна почему-то обернулась. Акжол стоял там же. Теперь он смотрел ей вслед. И когда понял, что она обернулась, не отвел глаза. Просто поднял руку. Анна тоже едва заметно махнула ему. Двери отеля раздвинулись. В прохладном холле пахло кондиционером и какими-то цветами. После влажного морского воздуха здесь все казалось искусственным — свет, музыка, блестящий пол, улыбки сотрудников на ресепшене. Анна вошла в лифт. Нажала кнопку своего этажа. Двери закрылись. И только тогда посмотрела на собственное отражение в зеркальной стене. Щеки покраснелись. Волосы растрепаны. Глаза блестят. Она выглядела... Анна нахмурилась. Подошла ближе к зеркалу. Она выглядела счастливой. Это открытие почему-то испугало ее. — Даже не думай, — сказала она отражению. Отражение улыбалось. — Десять лет. Отражению было все равно. — Ты взрослая женщина. Никакого эффекта. Анна открыла ладонь.

Там лежал тот самый белый камешек с тонкой серой полосой. Она совсем забыла, что весь вечер держала его при себе. Двери лифта открылись. Анна вышла, дошла до номера, бросила сандалии возле кровати и подошла к балкону. Море отсюда было почти черным. Только лунная дорожка серебрилась на воде. Где-то далеко звучала музыка. Анна положила камешек на тумбочку. Постояла. Потом взяла его обратно. Покрутила между пальцами. И внезапно тихо рассмеялась. — Территориальный спор... Она покачала головой. А потом поймала себя на мысли, которая была настолько нелепой, что следовало немедленно ее прекратить. Интересно, увижу ли я его завтра? Анна подошла к балконной двери и посмотрела вниз, на набережную. Разумеется, Акжола там уже не было. Она почувствовала совершенно несоразмерное этому факту разочарование. — Все, — строго сказала себе Анна. — Отпуск. Море. Случайный знакомый. Кофе. Точка. Она положила камень на тумбочку и пошла в душ. Через минуту вернулась.

Взяла камешек. И переложила его в маленький внутренний карман сумки. Просто чтобы не потерялся. Никакого другого смысла в этом, конечно, не было. А далеко внизу море снова и снова накатывало на берег, стирая следы людей, прошедших по песку за день. Почти все. Но не все встречи море способно было стереть так же легко.

Анна прекрасно понимала, что Акжол ей не поверил. Его спокойная улыбка, чуть прищуренные глаза и та самая едва заметная насмешка, которая весь вечер то появлялась, то исчезала в его взгляде, говорили об этом красноречивее любых слов. Он, конечно, сделал вид, что принял ее объяснение про хороший кофе, случайность и отсутствие какого-либо второго смысла, но оба знали: если бы дело было только в кофе, она не вернулась бы к нему через полпляжа после того, как уже успела отказаться. Самое неприятное заключалось даже не в том, что он видел ее насквозь. Хуже было другое — Анна и сама себе не верила. Она могла сколько угодно

объяснять собственный поступок жарой, любопытством, отпускной расслабленностью, красивым закатом или внезапным желанием выпить кофе именно в том кафе, но где-то глубоко внутри уже знала правду: она вернулась к нему. Именно к нему.

— Спокойной ночи, Акжол, — сказала она, стараясь, чтобы голос прозвучал легко, почти небрежно, точно этот вечер ничем не отличался от десятков других отпускных вечеров. — Спокойной ночи, Анна, — ответил он.

Он произнёс её имя негромко. Анне почему-то понравилось, как оно прозвучало в его голосе, и она тут же сердито напомнила себе, что это всего лишь имя. Повернулась и пошла к отелю, не торопясь, но и не позволяя себе оглянуться сразу. Каблуков на ней не было, босые ступни после песка и теплой морской воды еще хранили приятную тяжесть долгой прогулки, а сандалии она держала в руке. Перед входом в отель начиналась широкая плиточная дорожка, освещенная мягкими желтыми фонарями. По обе стороны росли пальмы и какие-то пышные кусты с тяжелыми белыми цветами, чей сладковатый запах смешивался с солью и влажным ночным воздухом. За спиной шумело море, впереди сияли стеклянные двери, и Анна шла к ним, убеждая себя, что сейчас просто войдет внутрь и на этом всё закончится.

У самых дверей Анна всё-таки остановилась и оглянулась, хотя несколько секунд назад твёрдо решила этого не делать. Анна замедлила шаг, остановилась и повернула голову. Акжол стоял там же, где она его оставила. Не ушел. Не полез в телефон. Не отвернулся к морю. Теперь он смотрел ей вслед совершенно открыто, и когда увидел, что она обернулась, даже не попытался сделать вид, будто смотрел куда-то мимо. Их разделяло уже приличное расстояние, поэтому лица его она почти не различала, но видела силуэт, неподвижный на фоне подсвеченной набережной, и почему-то точно знала, что он улыбается. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга через вечернюю суету, среди проходящих людей, шума музыки и шелеста волн. Потом Акжол медленно поднял руку и коротко махнул ей. Жест был такой простой, почти мальчишеский, что Анна неожиданно улыбнулась. Она тоже подняла руку — совсем чуть-чуть, будто боялась признаться даже самой себе в том, что отвечает ему. В этот момент стеклянные двери перед ней бесшумно раздвинулись, выпуская навстречу холодный кондиционированный воздух, и ей пришлось войти внутрь.

Холл встретил ее блеском мрамора, приглушенной музыкой и запахом дорогого ароматизатора, в котором смешались цитрусовые ноты и белые цветы. После живого, влажного, теплого воздуха набережной здесь все показалось Анне неожиданно ненастоящим. Слишком ровный свет падал с потолка, слишком гладко блестел пол, слишком безупречно улыбались сотрудники за стойкой ресепшена. Даже пальмы в огромных кадках выглядели декоративными и почти театральными. Еще несколько секунд назад на коже ощущался морской ветер, рядом шел Акжол, за столиком звенели чашки и пахло кофе, а теперь вокруг снова была привычная цивилизованная тишина хорошего отеля. Анна прошла к лифтам и нажала кнопку вызова. Пока ждала, поймала себя на том, что невольно прислушивается: будто стеклянные двери могут снова раздвинуться и Акжол войдет следом. Она тут же мысленно одернула себя. Конечно, он не войдет. С чего бы? Они попрощались. Всё было совершенно нормально. Незнакомые люди иногда знакомятся на отдыхе, пьют кофе, разговаривают и расходятся. В этом не было ничего особенного.

Лифт приехал почти бесшумно. Анна вошла внутрь одна, нажала кнопку своего этажа и только после того, как тяжелые зеркальные двери сомкнулись, наконец позволила себе расслабить плечи. мгновение она смотрела перед собой, потом случайно встретила взглядом с собственным отражением и замерла. На нее смотрела женщина, которую Анна почему-то не сразу узнала. Щеки покраснелись от вечернего воздуха и долгой прогулки, рыжие волосы окончательно выбились из небрежного узла и лежали вокруг лица мягкими спутанными прядями, кожа на плечах отливала теплым загаром. Но дело было не в волосах и не в румянце. Глаза у нее блестели. Не от слез, не от усталости, не от раздражения, которое так часто сопровождало

ее последние годы, а совершенно иначе — живо, светло, почти по-девичьи. Анна нахмурилась и подошла ближе к зеркалу, словно хотела проверить, не обманывает ли освещение. Нет. Она выглядела счастливой. Не беззаботно счастливой — это чувство было бы слишком громким и слишком большим для одного кофе на берегу моря. Но в ней словно что-то проснулось. Какая-то часть, давно забытая под работой, бытовыми проблемами, прошлым браком, заботами о сыне, раздражением, разочарованиями и бесконечной привычкой все контролировать. Эта женщина в зеркале вдруг снова напоминала ту Анну, которая когда-то могла заинтересоваться человеком просто потому, что он ей понравился, а не потому, что заранее оценила все возможные последствия.

Это открытие испугало ее куда сильнее, чем хотелось признавать. — Даже не думай, — тихо сказала она своему отражению. Женщина в зеркале продолжала улыбаться. — Десять лет, — напомнила Анна уже строже. Будто разница в возрасте была приговором, статьей закона, после которой обсуждение прекращалось автоматически. Отражение, однако, совершенно не впечатлилось. — Ты взрослая женщина, — продолжила Анна, с раздражением понижая, насколько нелепо выглядит, разговаривая сама с собой в лифте. — Взрослая. Нормальная. Разумная женщина. Женщина в зеркале все равно выглядела так, будто собиралась нарушить хотя бы один из этих пунктов. Анна фыркнула и вдруг почувствовала что-то в ладони. Разжав пальцы, она увидела тот самый маленький белый камешек с тонкой серой полосой посередине. Все это время она держала его при себе и даже не замечала. Тот самый камень, из-за которого они столкнулись руками у воды, из-за которого начался смешной спор, из-за которого он заговорил с ней.

Анна покрутила его между пальцами. — Прекрасно, — пробормотала она. — Теперь еще и сувенир. Двери лифта раскрылись. Коридор встретил ее мягким ковровым покрытием, приглушенными светильниками вдоль стен и такой тишиной, что собственные шаги казались слишком громкими. Анна дошла до номера, открыла дверь карточкой и, едва войдя, бросила сандалии рядом с креслом. Кондиционер тихо гудел, шторы слегка колыхались у открытой балконной двери, а снаружи доносился ровный, глубокий шум моря. Она не включила верхний свет, оставив только небольшой светильник у кровати. Комната сразу стала уютнее. Анна прошла на балкон и оперлась ладонями о прохладные перила. Ночью море выглядело совсем иначе. Днем оно было ярким, бесконечным, почти вызывающим своей красотой, а сейчас стало густым, темным, таинственным. Где-то вдаль мигали огни лодок, на горизонте едва различалась тонкая граница между водой и небом, а от луны по поверхности тянулась дрожащая серебристая дорожка. Волны у берега уже не казались веселыми — их мерный шум звучал глубже, спокойнее, точно море ночью начинало разговаривать с человеком о вещах, о которых днем предпочитало молчать.

Из соседнего отеля доносилась музыка. Где-то на набережной смеялись люди, иногда проезжала машина, ветер приносил запах соли и нагретого за день камня. Анна положила белый камешек на маленький столик возле балконной двери. Постояла. Посмотрела на него. Потом взяла обратно. Ей самой стало смешно от собственного поведения. Она покрутила камешек между пальцами, вспомнила, как они оба одновременно потянулись за ним, как столкнулись руками, как Акжол совершенно серьезным голосом объявил о «территориальном споре». — Территориальный спор... — тихо повторила она и рассмеялась. Смех прозвучал в комнате вдруг легко. Анна давно не слышала от себя такого звука. Без напряжения, без вежливости, без обязательного «ха-ха» в ответ на чужую шутку. Просто потому, что ей было смешно. И тут же появилась мысль, которой совершенно не следовало появляться. Интересно, увижу ли я его завтра? Анна перестала улыбаться. Несколько секунд стояла неподвижно, словно пойманная на преступлении.

— Нет, — сказала она вслух. Но мысль уже существовала. Она подошла к балконным перилам и посмотрела вниз. С высоты ее этажа набережная казалась длинной светящейся

лентой. По ней медленно двигались люди, мелькали белые рубашки, яркие платья, детские коляски, фонари отражались в темных листьях пальм. Анна некоторое время всматривалась в прохожих, сама не отдавая себе отчета, кого именно пытается увидеть. Акжол там не было. Конечно, не было. Наверное, он давно ушел к себе. Может быть, вернулся к друзьям. Может быть, вообще уже забыл о ней. От последней мысли в груди появилось неожиданное, почти детское раздражение. Анна тут же разозлилась на себя еще сильнее. Что за глупость? Они знакомы несколько часов. Она ничего о нем не знает. Откуда он, где живет, чем именно занимается, какие у него отношения, какие женщины были в его жизни, какой он вообще человек за пределами одного красивого вечера у моря. Да и зачем ей это знать? — Всё, — твердо произнесла Анна, будто выносила решение по делу, которое слишком затянулось. — Отпуск. Море. Случайное знакомство. Кофе. Всё.

Она вернулась в комнату и положила камешек на тумбочку возле кровати. — Точка. После чего взяла полотенце и направилась в ванную. Уже включила воду. Постояла несколько секунд под шумом душа. Потом вдруг выключила воду, завернулась в полотенце и вернулась в комнату. Камешек лежал там же. Анна посмотрела на него с таким выражением, будто это он был виноват во всех ее сегодняшних мыслях. Затем взяла его, открыла сумку и аккуратно переложила во внутренний маленький карман, где обычно хранила документы и вещи, которые боялась потерять. Просто чтобы не валялся. Просто чтобы не потерялся во время уборки. Просто потому, что красивый камень. Никакого другого смысла, разумеется, в этом не было. Анна закрыла сумку и снова пошла в душ, уже сердясь на себя за то, что мысленно продолжает оправдываться перед человеком, которого в комнате вообще не существует. А внизу море продолжало свой вечный, неторопливый разговор с берегом. Волны приходили одна за другой, мягко стирали с мокрого песка следы босых ног, подошв и детских ладошек, разбивали причудливые дорожки, оставленные за день сотнями людей, и снова разглаживали берег до ровной темной поверхности. К утру там почти ничего не останется.

Море умело стирать следы. Но некоторые встречи начинались именно с того, что оставляли след не на песке. Ночь оказалась длиннее, чем Анна рассчитывала. После душа она совершенно серьезно намеревалась лечь спать. День был насыщенный, она много ходила, плавала, долго гуляла вечером, и тело приятно ныло той особенной отпускной усталостью, после которой обычно проваливаешься в сон, едва голова касается подушки. Анна высушила волосы, нанесла на лицо крем, выпила воды, проверила телефон, ответила на пару сообщений и даже демонстративно не стала подходить к балкону. Всё. День закончился. Завтра будет новый. В этом дне было море, солнце, прогулка, кофе и случайный знакомый по имени Акжол. Именно в такой последовательности, причем последний пункт вообще следовало считать незначительным эпизодом. Она легла, выключила свет и закрыла глаза. Через три минуты открыла. Перед глазами стоял Акжол. Не весь даже, что было бы еще куда ни шло, а отдельными совершенно ненужными фрагментами: мокрые после моря темные волосы, вода на виске, прищуренные от улыбки глаза, раскрытая ладонь с белым камешком.

«Мировое соглашение». Анна перевернулась на другой бок и сердито натянула простыню выше. — Прекрасно. Она снова закрыла глаза. «Американо без сахара. Запомнил». — Господи... Анна перевернулась на спину. Кондиционер тихо шелестел в темноте. За неплотно закрытой балконной дверью мерно шумело море. Где-то далеко музыка наконец стихла, и отель постепенно погружался в ночную тишину. Иногда в коридоре проходили запоздалые постояльцы, приглушенно разговаривали, хлопала дверь соседнего номера, затем снова становилось тихо. Анна лежала и смотрела в потолок. Десять лет. Не двадцать и не пропасть между поколениями. Но десять лет — тоже немало. Она попыталась представить эту цифру отвлеченно, как если бы речь шла о ком-то другом. Например, если бы одна из ее знакомых сказала: «Познакомилась с мужчиной на десять лет моложе». Что бы Анна ответила? Наверное: «Ну и что?»

Она нахмурилась. Вот именно. Другим всегда было легко давать разумные советы. С собой почему-то сложнее.

— Да никто замуж за него не собирается, — сообщила Анна потолку. Потолок возражать не стал. — И вообще я его больше не увижу. От этой мысли почему-то стало неприятно. Анна тут же рассердилась. Вот это уже совсем никуда не годилось. Она села на кровати, включила прикроватную лампу и взяла телефон. Было далеко за полночь. Она открыла новости, прочитала заголовок какой-то статьи, не поняла ни слова, прочитала второй раз и обнаружила, что снова думает не о статье.

В гостиницу Акжол вернулся далеко не сразу. После того как стеклянные двери закрылись за Анной, он еще некоторое время стоял перед ее отелем, глядя на ярко освещенный холл, хотя прекрасно понимал, насколько бессмысленно это выглядит. Анна уже ушла, вечер закончился, следовало развернуться и отправиться к друзьям, но почему-то не хотелось. Он постоял еще немного, затем медленно пошел вдоль набережной, засунув руки в карманы шорт. Ночное море шумело совсем рядом, теплый ветер шевелил пальмовые листья, из ресторанов доносилась музыка, мимо проходили загорелые отдыхающие, кто-то смеялся, кто-то фотографировался на фоне огней, кто-то возвращался с пляжа, а Акжол шел и время от времени ловил себя на совершенно беспричинной улыбке. В памяти снова возникала Анна: ее растрепанные рыжие волосы, прищуренные глаза, выражение лица, когда она заявила, что первой увидела камень, ее неожиданно заразительный смех и особенно тот момент, когда она, уже отказавшись от кофе и уйдя достаточно далеко, вдруг вернулась. Он не понимал, почему именно это запомнилось сильнее всего. Ну вернулась и вернулась. Захотела кофе. Возможно, просто передумала гулять одна. Обычная случайная встреча двух людей на отдыхе, каких на курортах происходят тысячи каждый вечер. Только почему тогда ему хотелось прокручивать ее в голове снова и снова?

Возле магазина он неожиданно столкнулся с Сапаром и Аманжолом. Сапар посмотрел на друга внимательно и почти сразу заметил его настроение. «Чего улыбаешься?» — спросил он. Акжол автоматически ответил: «Ничего», на что Сапар только хмыкнул: «Понятно». Конечно, тут же подключился Аманжол, который обладал удивительной способностью превращать любое событие в театральную постановку. Узнав, что Акжол несколько часов отсутствовал, он немедленно объявил, что вариантов всего два: либо друг утонул, либо познакомился с женщиной. «Почему обязательно с женщиной?» — возмутился Акжол. «Потому что после утопления люди обычно выглядят хуже, а ты идешь и улыбаешься как ненормальный», — невозмутимо объяснил Аманжол. Пришлось признаться, что действительно познакомился. «Имя?» — потребовал тот. «Анна». Аманжол многозначительно посмотрел на Сапара, Сапар — на Акжолу, а Акжол сразу пожалел, что вообще открыл рот. «Просто познакомились на берегу, потом выпили кофе», — добавил он, заранее пытаясь пресечь фантазии друзей. «Просто кофе — самое опасное мероприятие в истории человечества», — философски заметил Аманжол. Сапар рассмеялся, Акжол послал обоих куда подальше, и на этом разговор вроде бы закончился.

Настроение изменилось уже в номере, когда Акжол взял телефон и увидел сообщение от Салтанат. Ее имя на экране точно вернуло его в другую жизнь, которая никуда не исчезала, пока он гулял с Анной вдоль моря. Салтанат спрашивала, нормально ли они долетели, устроились ли в гостинице, почему он почти не пишет и не забыл ли вообще о человеке, который остался дома. Обычное сообщение, ничего особенного, однако Акжол вдруг почувствовал неприятный укол совести. Он сел на край кровати и некоторое время просто смотрел на экран. Салтанат была частью его жизни больше десяти лет. За эти годы он настолько привык к ее присутствию, что перестал задаваться вопросом, что именно связывает их сейчас: любовь, привычка, ответственность, память о прежних чувствах или убеждение, что однажды все обязательно должно закончиться свадьбой просто потому, что слишком много лет уже прожито в ожидании этого.

И вот сегодня он несколько часов провел с совершенно незнакомой женщиной, о существовании которой еще утром даже не подозревал, и ему было удивительно легко. Именно это беспокоило сильнее всего. Между ним и Анной ничего не произошло. Он не обнимал ее, не пытался поцеловать, не говорил никаких двусмысленных слов, они даже не договаривались о следующей встрече. Просто нашли один камень на двоих, поспорили, выпили кофе и долго разговаривали. Формально Акжолу совершенно не в чем было себя обвинять. Однако внутри словно произошло какое-то едва заметное смещение, будто давно неподвижная деталь вдруг сдвинулась с места, и теперь он никак не мог поставить ее обратно. Самое странное заключалось даже не в том, что Анна ему понравилась. Красивые женщины нравились ему и раньше, в этом не было ничего необычного. Станным было другое: она почему-то не ощущалась чужой. Он вспоминал ее голос и не испытывал привычного ощущения недавнего знакомства; вспоминал их разговор и ловил себя на впечатлении, будто просто продолжил беседу, начатую когда-то очень давно. Это было совершенно нелогично, а Акжол не любил вещей, которым не мог найти разумного объяснения.

Он написал Салтанат коротко: «Долетели нормально. Заселились. Сегодня гуляли. Всё хорошо». Перечитал сообщение и задержал палец над кнопкой отправки. Можно было добавить: «Познакомился с женщиной, выпили кофе». В этой фразе не было ничего страшного, потому что именно так все и произошло. Однако он не добавил. Отправил первоначальный вариант и почти сразу почувствовал себя еще хуже. Получалось, что он сознательно опустил одну маленькую подробность. Не солгал, но и не сказал всей правды. Зачем? Акжол не мог ответить даже самому себе. Возможно, просто не хотел последующих расспросов Салтанат, возможного раздражения, претензий и необходимости объяснять то, чему он сам пока не придавал никакого значения. Но где-то глубже существовало другое, гораздо менее удобное объяснение: ему не хотелось впускать Салтанат в сегодняшний вечер. Не хотелось рассказывать ей про камень, про кофе, про Аннин смех и прогулку вдоль воды. Этот вечер почему-то хотелось оставить отдельным, своим, и именно это вызывало неприятное чувство вины.

Салтанат ответила почти сразу: «Хоть бы сам написал. Пока не напомним, не вспомнишь». Акжол прочитал и привычно приготовился испытать чувство вины, но вместо него почувствовал только усталость. Это испугало еще сильнее. Он прекрасно понимал, что Салтанат имеет право обижаться. Они связаны слишком давно, чтобы он мог просто исчезнуть на несколько дней и делать вид, точно никому ничего не должен. Но сейчас ему совершенно не хотелось ни объясняться, ни поддерживать длинную переписку, ни рассказывать, как прошел день. Он положил телефон экраном вниз и услышал голос Сапара: «Салтанат?» Акжол коротко ответил: «Да». Сапар ничего не сказал, только посмотрел на него чуть дольше обычного, а затем спросил: «А та женщина тебе понравилась?» Акжол раздраженно пожал плечами: «Красивая женщина. Интересная. Нормально поговорили. Что вы все из этого историю делаете?» — «Мы не делаем», — спокойно ответил Сапар. — «Ты сам какой-то не такой». Эта фраза Акжолу не понравилась. «Какой еще не такой?» — «Не знаю. Поэтому и спрашиваю». Аманжол, который до этого смотрел телевизор, немедленно решил вмешаться, но Акжол оборвал его прежде, чем тот успел сказать очередную глупость, и разговор постепенно сошел на нет.

Когда друзья разошлись и в номере наконец стало тихо, Акжол лег, выключил свет и почти сразу понял, что заснуть не сможет. Море шумело за окном, кондиционер монотонно гудел, полоска света от фонаря лежала на полу, а в голове совершенно некстати снова возникла Анна. Сначала лицо, затем голос, потом ее смешное возмущение из-за камня. Он перевернулся на другой бок, закрыл глаза, но это не помогло. Теперь вспомнилось, как она уходила к отелю и внезапно обернулась. Почему обернулась? Наверное, просто так. Люди часто оглядываются. Не надо придумывать смысл там, где его нет. Акжол мысленно поставил точку и почти сразу вспомнил, как она произнесла его имя в первый раз — осторожно, разделив его на слоги,

словно пробовала звучание. От этого воспоминания внутри возникло совершенно необъяснимое тепло, и тут же вслед за ним пришла вина.

Он заставил себя вспомнить Салтанат. Ту, прежнюю, университетскую, ради одного взгляда которой когда-то мог полдня ходить счастливым. Вспомнил, как долго не решался познакомиться, как потом ждал встреч, как радовался ее звонкам. Чувства ведь были настоящими. Он это знал. Тогда почему сейчас память о тех временах напоминала просмотр старого фильма, в котором он узнавал себя, но уже не чувствовал того, что чувствовал герой на экране? Когда все изменилось? В какой момент отношения, которые казались ему судьбой, превратились в бесконечное ожидание следующего этапа? Акжол не знал. Наверное, такие вещи вообще невозможно определить по дате. Ничего не рушится за один день. Просто сначала реже разговариваешь, потом перестаешь рассказывать мелочи, потом привыкаешь к молчанию, а однажды обнаруживаешь, что человек по-прежнему занимает огромное место в твоей биографии, но уже гораздо меньше — в твоей настоящей жизни.

От этой мысли стало стыдно. Салтанат ведь никуда не исчезла. Она ждала его возвращения, считала его своим мужчиной, строила какие-то планы, пусть они и не всегда совпадали с его собственными. А он лежал в темноте и думал о женщине, которую встретил несколько часов назад. Это казалось неправильным, хотя никаких границ он не переступил. И все же что-то произошло. Не с Анной — с ним самим. Словно до этого вечера внутри существовала комната, дверь которой много лет была закрыта, и вдруг кто-то совершенно случайно прошел мимо, даже не пытаясь войти, а замок сам щелкнул. Эта мысль была настолько странной, что Акжол усмехнулся. «Совсем море в голову ударило», — пробормотал он и поднялся с кровати. Вышел на балкон, оперся руками о перила. Ночной воздух был теплым и влажным, далеко внизу шумели волны, темная вода едва различалась под небом. Он попытался рассуждать логически. Анна старше его на десять лет. Она отдыхает одна. Через несколько дней, вероятно, уедет. Он тоже вернется домой. У него есть Салтанат. У Анны наверняка существует собственная сложная жизнь, о которой он почти ничего не знает. Они случайно встретились. Всё. Никакой загадки.

Только почему при мысли, что больше он ее не увидит, становилось неприятно?

Акжол нахмурился. Вот это ему уже совсем не понравилось. Не потому, что он собирался заводить с Анной роман — подобной мысли у него даже не возникало. Наоборот, именно отсутствие понятного желания делало происходящее странным. Он не строил фантазий, не представлял ее в своей постели, не думал о будущем. Ему просто хотелось снова оказаться рядом. Услышать голос. Продолжить разговор. Узнать, почему она иногда внезапно замолкает посреди веселой беседы и на мгновение становится совсем другой, куда более далекой и грустной. Узнать, что заставляет ее смеяться так открыто. Спросить, куда она ездила, какие города любит, почему собирает камни. Нелепые мелочи, которые обычно совершенно не интересовали его в людях после первого знакомства.

Он простоял на балконе довольно долго, пока не стало прохладно. Потом вернулся в номер и снова взял телефон. Открыл переписку с Салтанат, пролистал несколько старых фотографий. Она была красивой, знакомой до мельчайших черт. Акжол смотрел на снимки и почти насильно пытался вернуть то ощущение, которое когда-то возникало от одного ее изображения. Но прошлое не возвращалось по приказу. Он чувствовал привязанность, ответственность, память, привычную тревогу за нее, но той прежней легкости не было. И рядом с этим вдруг вспоминался смех совершенно незнакомой Анны, и от подобного сравнения Акжолу становилось почти физически неудобно. Он выключил телефон и решил, что утром никуда не пойдет. Это решение показалось правильным и взрослым. Не нужно искать продолжения там, где его никто не обещал. Вчера был хороший вечер — пусть таким и останется. Возможно, Анна сама не захочет больше встречаться. Возможно, при дневном свете они посмотрят друг на друга и удивятся, почему вообще просидели вместе несколько часов. Курорт умеет создавать иллю-

зии, море действует на людей странно, отпуск вырывает из привычной жизни. Через несколько дней все встанет на свои места.

Успокоенный этой мыслью, Акжол наконец уснул.

А утром проснулся раньше будильника. Он открыл глаза и несколько секунд совершенно спокойно смотрел в потолок. Потом память вернулась мгновенно, и первой в ней почему-то появилась не Салтанат, не друзья, не море и даже не предстоящий день. Анна. Акжол закрыл глаза обратно и тихо выругался. Он полежал еще минут пять, пытаясь заставить себя уснуть, затем сел на кровати и посмотрел на часы. Было рано. Сапар и Аманжол наверняка еще спали. Можно было сходить на завтрак, потом на пляж, прожить нормальный отпускной день и больше не думать об этой истории. Через десять минут Акжол уже стоял под душем. Через полчаса одевался. А еще немного спустя шел в сторону Аннинного отеля, неся в руках два стакана кофе и продолжая объяснять самому себе, что никакого особенного смысла в этом нет. Он просто хотел увидеть знакомого человека. Поздороваться. Возможно, немного прогуляться. И уж точно после этого всё станет обычным и понятным. Он еще не знал, что именно с этого утра начнет делать то, что потом будет повторять снова и снова: приближаться к Анне, пугаться собственного необъяснимого притяжения, отступать, убеждать себя, что ничего не происходит, а затем снова искать дорогу к ней.

Пока же это был всего лишь второй кофе. Американо без сахара. Он почему-то запомнил.

Анна снова вспомнила, как Акжол смотрел на нее возле отеля. Не нагло, не оценивающе и совсем не так, как иногда смотрят мужчины, едва заметив красивую женщину и уже через секунду успевая мысленно раздеть ее, оценить фигуру и вынести какой-то свой внутренний вердикт. Она слишком хорошо знала такие взгляды и давно научилась не придавать им значения. Во взгляде Акжол было другое — настоящий интерес, внимательный и спокойный. Ему хотелось с ней разговаривать, слушать, как она отвечает, ловить ее интонации, видеть, как она хмурится или вдруг смеется, и это неожиданно оказалось приятнее любого комплимента. Анна поймала себя на мысли, что рядом с ним ей не приходилось стараться быть интересной или специально поддерживать разговор. Даже паузы между ними не казались неловкими, и именно это беспокоило ее сильнее всего. Для двух людей, познакомившихся всего несколько часов назад, подобная легкость была почти подозрительной.

Она отбросила телефон на кровать, поднялась и все-таки вышла на балкон, хотя еще минуту назад твердо решила лечь спать и больше ни о чем не думать. Ночной воздух сразу коснулся разгоряченной кожи, влажный, теплый, наполненный солью и запахами южной ночи. Анна положила ладони на прохладные перила и глубоко вдохнула. Самого моря почти не было видно — темная вода сливалась с небом, — но его присутствие ощущалось во всем: в ветре, перебирающем рыжие волосы, в соленой влажности, оседающей на губах, в бесконечном, мерном шуме волн, который то становился громче, то снова отступал, словно море дышало. Набережная почти опустела. Редкие люди медленно шли вдоль берега, где-то внизу мужчина и женщина остановились возле фонаря, женщина что-то сказала, мужчина рассмеялся и обнял ее за плечи, привычно притянув ближе. Анна несколько секунд смотрела на них, а затем резко отвернулась. «Нет», — сказала она вслух, и слово прозвучало в ночной тишине слишком отчетливо. Нет — чему именно, она и сама не смогла бы объяснить. Никто ничего ей не предлагал, никаких решений принимать не требовалось, между ней и Акжолом вообще ничего не произошло. Они просто познакомились, выпили кофе и поговорили. Но почему тогда она стояла посреди ночи на балконе и будто пыталась что-то себе запретить?

Анна вернулась в комнату, плотнее закрыла балконную дверь, точно вместе с шумом моря можно было оставить снаружи и лишние мысли, снова легла и на этот раз все-таки заснула. Сон, однако, оказался неглубоким и беспокойным. Она несколько раз просыпалась без всякой причины, один раз посмотрела на часы, потом долго лежала, слушая, как ветер усиливает шум прибоя, а под утро ей приснилось что-то странное и совершенно бессвязное.

Море почему-то сменилось аэропортом, вокруг тянулся длинный светлый коридор, Анна куда-то торопилась и никак не могла найти свою сумку, хотя точно знала, что без нее нельзя уходить. Люди проходили мимо с чемоданами, звучали непонятные объявления, коридор становился все длиннее, а потом все неожиданно исчезли. В самом конце стоял Акжол. Он ничего не говорил, просто держал на раскрытой ладони тот самый белый камешек с тонкой серой полосой. Анна хотела спросить, что он здесь делает, но не успела — проснулась.

мгновение она лежала неподвижно, пытаясь понять, где находится. Потом увидела полоску солнечного света, пробившуюся между шторами, услышала приглушенный шум моря и вспомнила: отель, отпуск, побережье. А вслед за этим почти сразу вернулся вчерашний вечер. Камень на берегу, случайное прикосновение рук, смешной спор, кофе, прогулка, Акжол возле входа в отель. «Только не начинай», — сонно предупредила Анна сама себя и перевернулась на спину. Но утро за окном словно специально было создано для того, чтобы любые серьезные решения выглядели нелепо. Стоило раздвинуть шторы, как номер сразу залило золотым светом. Ночное море исчезло без следа и теперь сияло ослепительной синевой, дробя солнце на тысячи бликов. Внизу уже просыпался пляж: сотрудники расставляли лежаки и раскрывали зонты, кто-то совершал первый заплыв, по дорожкам неспешно шли ранние отдыхающие.

Анна потянулась и вдруг поймала себя на том, что настроение у нее подозрительно хорошее. Это немедленно потребовало рационального объяснения. Конечно, дело было в море, солнце и отпуске. Возможно, она просто хорошо выпалась, хотя последнее было откровенной ложью. Анна подошла к зеркалу и некоторое время рассматривала свое отражение. «Доброе утро», — сказала она самой себе. Отражение выглядело вполне довольным жизнью. «Никакого Акжолы сегодня нет», — добавила Анна строже. Отражение не возразило. «И искать его мы не будем». С этим тоже никто не спорил.

Именно поэтому примерно через сорок минут Анна уже второй раз меняла платье. Первое внезапно показалось слишком нарядным для обычного завтрака, второе — каким-то скучным, а на третьем она остановилась только потому, что вдруг осознала происходящее и разозлилась на себя. «Так, всё», — произнесла она, словно ставила окончательную точку в споре. В итоге осталась в легком голубом платье свободного кроя, которое красиво оттеняло загар. Волосы сначала хотела собрать, потом распустила, снова собрала, посмотрела на себя и в конце концов оставила распущенными. «Потому что так удобнее», — объяснила Анна вслух, хотя совершенно непонятно было, перед кем именно она оправдывается.

Перед выходом она открыла сумку, чтобы взять карточку от номера, и заметила во внутреннем кармашке белый камешек. На секунду задержала на нем взгляд, будто увидела не простой кусочек моря, а слишком явное напоминание о вчерашнем вечере, затем быстро закрыла сумку и решила больше об этом не думать. В ресторан на завтрак Анна спустилась в прекрасном расположении духа и с совершенно твердым намерением провести самый обычный отпускной день, в котором не должно было быть ничего необычного, неожиданного и уж тем более никакого Акжолы. Ресторан был залит утренним светом. За огромными окнами синело море, пахло свежим кофе, выпечкой, фруктами и жареным беконом. Вокруг звенела посуда, сонные дети ковыряли ложками хлопья, мужчины в шортах ходили к шведскому столу с тарелками, нагруженными так, будто впереди их ожидал недельный голод, женщины обсуждали экскурсии и погоду. Анна выбрала столик возле окна. Принесла кофе. Американо без сахара. И тут же вспомнила:

«Запомнил». Она замерла с чашкой в руке. — Да чтоб тебя... Женщина за соседним столом удивленно посмотрела в ее сторону. Анна сделала вид, что рассматривает море. Она завтракала медленно, наслаждаясь кофе, свежими фруктами и теплым круассаном. Несколько раз взгляд совершенно случайно скользнул по ресторану. Акжолы не было. Разумеется. А почему он вообще должен здесь быть? Они даже не выяснили, живет ли он в этом отеле. Анна почувствовала легкое разочарование и тут же запила его кофе. Прекрасно. Значит, вчерашняя

встреча действительно останется просто приятным воспоминанием. Наверное, так даже лучше. Гораздо лучше. Она допила кофе, поднялась из-за стола и пошла к выходу из ресторана с тем особенным спокойствием человека, который только что окончательно решил вопрос и теперь может больше о нем не думать.

Через несколько минут Анна спустилась в холл. В отеле уже началась обычная утренняя суeta. У стойки регистрации кто-то выяснял время трансфера, семейная пара пыталась одновременно удержать чемоданы и двух детей, возле экскурсионного стенда небольшая группа выбирала поездку, а автоматические двери бесконечно открывались и закрывались, впуская внутрь жаркий солнечный воздух. Анна надела солнечные очки и направилась к выходу. Сегодня она решила прогуляться вдоль моря, потом искупаться, а после обеда, возможно, съездить в старую часть города. Хороший план. Нормальный. Самостоятельный. В котором не было ни одного мужчины по имени Акжол. Двери перед ней раздвинулись. Анна сделала шаг наружу. И остановилась. У невысокой каменной стены напротив входа стоял Акжол. Несколько секунд она просто смотрела на него. Он был в светлой футболке, шортах и солнечных очках. В одной руке держал телефон, в другой — две бумажные чашки кофе. Две. Анна медленно перевела взгляд с чашек на его лицо.

Акжол заметил ее. Улыбнулся. Не удивился. Вот это было самое главное. Он совершенно не выглядел человеком, случайно оказавшимся возле ее отеля. Анна сняла очки. — Доброе утро. — Доброе. Она посмотрела на две чашки. Потом снова на него. — Вы что здесь делаете? Акжол невозмутимо поднял одну чашку. — Пью кофе. — Возле моего отеля? — Здесь хороший вид. Анна оглянулась. Перед отелем была парковка. — Потрясающий. Он посмотрел на машины. — Особенно белый микроавтобус. Анна прикусила губу, чтобы не улыбнуться. — Вы меня ждали? Акжол сделал вид, что задумался. — Это сложный юридический вопрос. — Акжол. — Немного. — Сколько? — Что сколько? — Сколько вы здесь стоите? Он посмотрел на часы. — Неважно. — Значит, долго. — Почему сразу долго? — Потому что мужчины говорят «неважно» только тогда, когда правда им невыгодна. — А женщины? — Женщины всегда говорят правду. — Даже когда утверждают, что вернулись исключительно из-за хорошего кофе? Анна медленно прищурилась.

— Вы начинаете меня раздражать. — Я надеялся. — Зачем? — Вчера, когда вы раздражались, вы не уходили. Она не выдержала и рассмеялась. Акжол протянул ей вторую чашку. — Американо. Без сахара. Анна посмотрела на кофе. И вдруг ощутила то самое предательское тепло где-то внутри. Он действительно запомнил. Не просто вчера пошутил. Запомнил. Она взяла чашку. Кофе был горячим. — Спасибо. — Пожалуйста. Анна сделала глоток. Хороший. — А если бы я сегодня решила не выходить из отеля? — Я бы выпил два кофе. — А если бы вышла через три часа? Акжол посмотрел на вторую чашку в ее руках. — Купил бы новый. Она покачала головой. — Вы странный. — Мне уже говорили. — Часто? — Сапар регулярно. — Кто такой Сапар? — Мой друг. — Тот самый, про которого вы вчера рассказывали? — Один из. Анна кивнула. И только сейчас поняла одну деталь. — Подождите. — Что? — Я ведь не говорила вам, во сколько пойду завтракать. — Не говорили. — И во сколько выйду. — Тоже нет. — Тогда как вы...

Она осеклась. Акжол улыбался. — Вы действительно стояли здесь и ждали? — Да. Ответ прозвучал настолько просто, что Анна растерялась. Без шутки. Без попытки выкрутиться. Просто да. Она посмотрела на него внимательнее. — Зачем? Он пожал плечами. — Хотел вас увидеть. Анна отвела взгляд. И вот это оказалось опаснее всех его вчерашних шуток. Потому что мужчина, который пытался произвести впечатление, наверняка сказал бы что-нибудь красивое. Придумал комплимент. Добавил бы романтики. Акжол просто сказал правду. Хотел увидеть. И этого оказалось достаточно. — Вы всем женщинам караулите выход из отеля? — спросила она, возвращая голосу привычную насмешливость. — Нет. — Конечно. — Я вчера уже говорил, что обычно не знакомлюсь на пляже. — А я вчера уже говорила, что мужчины всегда

так говорят. — Значит, у нас появилась первая семейная традиция: я говорю правду, вы мне не верите. Анна поперхнулась кофе. — Какая еще семейная традиция?! Акжол рассмеялся.

— Спокойно. Это была шутка. — Очень плохая. — Вы покраснели. — От жары. — Мы стоим в тени. — Акжол... — Всё, молчу. Он действительно замолчал. Секунд на пять. — Куда идете? Анна посмотрела на него поверх очков. — Вы обещали молчать. — Уже прошло много времени. — Пять секунд. — Для меня это много. Она улыбнулась. — К морю. — Можно с вами? Вот теперь Анна задумалась. Правильный ответ был очевиден. Нет. Она приехала одна. Она хотела отдохнуть. Она совершенно не собиралась заводить курортные романы, тем более с мужчиной младше себя на десять лет. Вчерашнего кофе вполне достаточно. Сегодня можно вежливо попрощаться, пойти на пляж, открыть книгу, искупаться и вернуться к той спокойной жизни, ради которой она сюда приехала. — Можно, — сказала Анна. И сама мысленно выругалась. Акжол улыбнулся, но, к его чести, никак не прокомментировал ее решение. Они пошли к набережной.

Утро было уже жарким, но еще не душным. Солнце стояло достаточно высоко, белые стены отелей слепили глаза, в листве пальм шуршал легкий ветер. Вдалеке кричали чайки, пахло морем, кофе и свежим хлебом из маленькой пекарни через дорогу. Некоторое время они шли молча. Анна пила кофе. Акжол шел рядом. И это молчание неожиданно оказалось удобным. Не неловким, когда срочно требуется придумать тему разговора, а спокойным. Будто они уже когда-то так ходили. — Значит, ждали, — сказала Анна через несколько минут. — Значит, ждал. — Долго? — Вы настойчивая. — Профессиональная деформация. — Минут сорок. Анна остановилась. — Сорок?! — Может, сорок пять. — Вы ненормальный. — Возможно. — А если бы я решила сегодня провести день у бассейна? — Был такой риск. — Если бы уехала на экскурсию через другой выход? — Не продумал. — Экономист называется. — Я был эмоционально нестабилен. Она расхохоталась. Проходившая навстречу пожилая женщина посмотрела на них и улыбнулась.

— А друзья где? — спросила Анна. — Спят. — В такое время? — У них отпуск проходит по системе «всё включено», включая сон до обеда. — А у вас? Акжол посмотрел на нее. — У меня сегодня изменилась программа. Анна почувствовала этот взгляд и сделала вид, что очень заинтересована морем. Они вышли на набережную. Перед ними распахнулась бесконечная синева. Солнце рассыпалось по воде ослепительными искрами, белые лодки медленно двигались у горизонта, волны лениво накатывали на берег. Пляж уже оживал: дети строили крепости из песка, кто-то устанавливал зонтики, кто-то возвращался после утреннего заплыва. Анна сняла сандалии. Акжол посмотрел на нее. — Опять будете искать камни? — Возможно. — Предупреждаю: сегодня я свои права уступать не намерен. — У вас нет никаких прав. — Вчера тоже так говорили. Они спустились к воде. Первая волна коснулась ступней Анны, прохладная после нагретого песка. Она невольно улыбнулась. Акжол шел рядом. — Кстати, — сказал он.

— Что? — Тот камень сохранили? Анна посмотрела прямо перед собой. — Какой камень? — Понятно. — Что вам понятно? — Всё. — Ничего вам не понятно. — Вы его сохранили. — С чего вы взяли? — Потому что сейчас не ответили «нет». Анна остановилась и повернулась к нему. — Вы всегда такой самоуверенный? — Только когда прав. — Невыносимый человек. — Камень где? Она выдержала паузу. — В сумке. На лице Акжолы появилась медленная улыбка. Анна тут же подняла палец. — Даже не начинайте. Я просто не выбрасываю красивые вещи. — Конечно. — Он красивый. — Безусловно. — И вообще это мой камень. — По решению суда? — По мировому соглашению. Акжол рассмеялся. И Анна тоже.

Они снова пошли вдоль берега, и разговор постепенно потек сам собой — легко, без усилий, без той осторожности, которая обычно неизбежна между людьми, знакомыми всего несколько часов. Они перескакивали с путешествий на работу, с еды на фильмы, с детских воспоминаний на странные привычки, иногда спорили о каких-то пустяках, иногда одновременно смеялись, а порой просто замолкали, и даже эти паузы не казались неловкими. Анна время

от времени забывала, что познакомилась с Акжолом только вчера, настолько естественным было его присутствие рядом. Но потом память словно намеренно возвращала ее к реальности, и тогда внутри снова возникала тревога. Между ними было десять лет разницы. Эта цифра никуда не исчезла, не стала меньше и не потеряла своего значения, но рядом с ним почему-то переставала ощущаться чем-то важным. Анна смотрела на него и видела не мужчину младше себя, а просто мужчину — живого, интересного, внимательного, с которым ей неожиданно легко. И именно это пугало больше всего, потому что возраст можно было сделать аргументом, поставить между ними как разумную преграду, а вот объяснить собственное внутреннее спокойствие рядом с ним оказалось гораздо сложнее.

В какой-то момент Акжол ушел чуть вперед, обходя набежавшую волну, и остановился возле полосы мокрых камней. Потом обернулся и протянул Анне руку. Жест был совершенно обычным, почти автоматическим: помочь перейти скользкий участок, не дать оступиться, ничего больше. Анна посмотрела на его ладонь всего секунду, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы вспомнить вчерашний вечер и то первое случайное прикосновение, с которого все началось. Она могла пройти сама. Камни были неопасными, вода едва доходила до щиколоток, никакой помощи ей действительно не требовалось. И все же Анна вложила свою ладонь в его. Акжол осторожно сжал ее пальцы, без лишней силы, без попытки превратить случайный жест в нечто большее, просто помогая сделать шаг. Она переступила через один камень, затем через другой. На этом можно было отпустить руку. Но Акжол не отпустил сразу. И Анна тоже.

Они прошли так еще несколько шагов, и странность происходящего заключалась именно в том, что никто из них не пытался придать этому значение. Не было ни намека на флирт, ни многозначительной улыбки, ни желания проверить реакцию другого. Просто их ладони оставались соединенными чуть дольше, чем требовала необходимость, и это ощущалось настолько естественно, что Анна заметила нелепость ситуации лишь спустя несколько секунд. Она мягко высвободила руку, словно действительно ничего не произошло, поправила волосы и посмотрела на море. Акжол тоже ничего не сказал, не пошутил и не попытался снова коснуться ее, и за это молчание она почему-то почувствовала к нему благодарность. Они продолжили идти рядом, уже не касаясь друг друга, но тепло его ладони точно осталось на ее пальцах и не исчезало еще долго.

Именно тогда Анне впервые стало не по себе. Возраст Акжолы и неизбежный конец отпуска она ещё могла разложить по полочкам. Гораздо труднее было объяснить другое: еще вчера утром этого человека в ее мире вообще не существовало, она не знала его имени, не представляла, как звучит его голос, не могла даже предположить, что одна случайная встреча способна настолько быстро изменить внутреннее ощущение дня. А сегодня ей уже было важно, что утром у выхода из отеля она увидела именно его. Эта мысль показалась слишком значительной для человека, которого она знала меньше суток, и потому Анна тут же попыталась отодвинуть ее, объяснить простым любопытством, отпускным настроением, необычным знакомством. Но глубоко внутри уже чувствовала: дело не только в этом.

К середине дня их отдельные планы как-то незаметно закончились. Еще утром у Анны были собственные планы, у Акжолы — свои, но теперь эти планы незаметно растворились в общем движении вдоль моря, в разговорах, шутках, остановках у воды и в том странном ощущении, что им обоим почему-то совершенно не хотелось расходиться. Еще утром у Анны был вполне четкий план: море, немного солнца, книга под зонтом, затем обед и, возможно, поездка в старую часть города. У Акжолы, судя по его собственным словам, никаких особенно сложных намерений тоже не было. Но к полудню оба уже как будто забыли, что когда-то собирались провести этот день иначе. Они шли вдоль берега, то заходя по щиколотку в воду, то выбираясь на сухой песок. Солнце постепенно поднималось выше, море становилось ярче и глубже, в воздухе появился тот густой южный жар, который к обеду начинал дрожать над камнями и

белыми дорожками. Анна держала сандалии в одной руке, другой время от времени поправляла волосы, которые ветер снова и снова бросал ей на лицо. Акжол рассказывал что-то о путешествиях с друзьями, и чем дальше, тем сильнее Анна убеждалась, что отдых с Сапаром и Аманжолом был отдельным видом экстремального туризма.

— То есть вы действительно однажды опоздали на самолет? — спросила она. — Почти. — Что значит «почти»? — Мы приехали, когда посадка уже закончилась. — Это называется опоздали. — Но самолет еще стоял. — Акжол, если дверь вашего дома закрыта, а вы стоите на лестничной площадке, это не значит, что вы почти дома. Он задумался. — С юридической точки зрения? — С человеческой. — Сапар тогда тоже примерно так сказал. — Значит, в вашей компании есть хотя бы один разумный человек. — Нет. Просто он сильнее всех боялся жену. Анна рассмеялась. С Акжолом вообще оказалось удивительно легко смеяться. Он не пытался специально развлекать ее, не изображал из себя человека, который обязан каждую минуту производить впечатление. Иногда рассказывал совершенно обыденную историю так, что смешной становилась сама жизнь — человеческая глупость, случайности, привычки, друзья, которые спустя двадцать лет по-прежнему способны вести себя как школьники. Возле небольшого волнореза они остановились.

Вода здесь была особенно прозрачной. Через нее были видны светлые камни, а чуть дальше начиналась глубокая синева. Несколько человек плавали возле буйков, дети с масками ныряли у берега, разглядывая рыб. Акжол посмотрел на море. — Купаться будете? — Буду. — Сейчас? — А что? — Ничего. — По выражению лица вижу, что что-то. Он улыбнулся. — Я просто пытаюсь понять, насколько вы смелая. Анна медленно повернулась к нему. — Это сейчас было что? — Проверка. — Очень неудачная. — Значит, не пойдете? Она посмотрела на воду. Потом на него. — Вы специально? — Возможно. Анна молча положила сумку и сандалии возле лежака, сняла легкое пляжное платье, оставшись в купальнике, и направилась к воде. Акжол перестал улыбаться. Она этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Анна была красивой женщиной и знала это. Не той громкой, демонстративной красотой, которая требует постоянного подтверждения, а зрелой, спокойной. В последние годы она словно постепенно возвращала себе собственное тело: перестала прятать его за одной только удобной одеждой и снова начала нравиться себе в зеркале. Море, солнце и отпуск только усиливали это ощущение.

Она вошла в воду и обернулась. — Ну? Акжол стоял на берегу. — Что «ну»? — Проверяющий, вы идете? — Сейчас. Он быстро стянул футболку и пошел следом. Анна тут же пожалела, что обернулась. Просто потому, что оказалось очень трудно продолжать относиться к нему как к «молодому человеку на десять лет младше», когда этот молодой человек шел к ней по воде загорелый, высокий, сильный и совершенно очевидно взрослый. Она отвернулась. — Что? — спросил Акжол, поравнявшись с ней. — Ничего. — У вас очень выразительное «ничего». — Вам показалось. — Конечно. Они зашли глубже. Вода была прохладнее, чем у берега. Анна нырнула первой, вынырнула в нескольких метрах, отбросила волосы назад и поплыла. Акжол догнал ее. — Так нечестно. — Почему? — Вы начали раньше. — Жизнь вообще несправедлива. — Это профессиональный ответ юриста? — Универсальный. Они поплыли к буйкам. Анна плавала хорошо, спокойно, без суеты. Акжол некоторое время держался рядом, потом попытался обогнать ее.

Она ускорила. — Вы серьезно? — крикнул он. — А что? — Вы соревнуетесь? — Нет. — Тогда почему ускорились? — Потому что вы мешаете. — Понятно.

Через мгновение он снова оказался рядом. — Вы жульничаете, — сказала Анна. — Каким образом можно жульничать в плавании? — Не знаю. Но вы экономист. Придумаете. Он рассмеялся и тут же получил волну в лицо. Анна рассмеялась еще громче. Они плавали дольше, чем собирались, потом вернулись ближе к берегу и какое-то время просто стояли в воде по грудь, отдыхая. Солнце блестело на поверхности. Ветер стал почти горячим. Акжол смотрел

на Анну. Она заметила. — Что? — Ничего. — Вот теперь у вас выразительное «ничего». — Учусь у лучших. Анна прищурилась. — Не смотрите на меня так. — Как? — Вы прекрасно понимаете. Он отвел взгляд. Без шутки. Это вдруг смутило ее сильнее, чем если бы продолжил. Они вышли из воды и расположились под зонтом. Анна завернулась в полотенце, взяла бутылку воды и откинулась на лежак. Акжол сел рядом на край соседнего. — А где вы вообще остановились? — Недалеко. — В каком отеле? Он назвал. Анна удивленно подняла брови.

— Так вы ради кофе утром пришли оттуда? — Не ради кофе. — Ах да. Она сделала глоток воды. — Ради прекрасного вида на микроавтобус. — Именно. Несколько минут они молчали. На пляже было шумно, но под зонтом возникло странное ощущение отдельного пространства. Люди проходили мимо, дети кричали, кто-то включил музыку, продавец фруктов громко предлагал манго, а Анна внезапно почувствовала себя так, точно вокруг стало тише. — Хотите есть? — спросил Акжол. — Уже немного. — Тут дальше есть хороший ресторан. — Вы эксперт по хорошим местам? — Я люблю вкусно поесть. — Это уже серьезнее. — Наконец-то нашел тему, в которой получу ваше одобрение. — Не торопитесь. Сначала проверим ресторан. Через час они сидели на открытой террасе небольшого заведения у моря. Столик стоял почти над пляжем, под деревянным навесом, увитым зеленью. Пахло жареной рыбой, лимоном, специями и хлебом. Акжол уверенно выбирал блюда. Анна наблюдала. — Вы действительно разбираетесь в еде?

— Немного. — Или просто делаете умное лицо? — Это тоже полезный навык. — На работе? — Особенно на совещаниях. Она улыбнулась. — И что вы рекомендуете? Он перечислил несколько блюд. Анна удивилась. — Вы готовите? — Да. — Сам? — Обычно готовят именно сами. — Мужчины иногда считают, что пожарить яйца — это уже «я готовлю». — Это оскорбление. — Для вас? — Для еды. Анна рассмеялась. — Хорошо. Когда-нибудь проверю. Фраза вырвалась сама. Она поняла это через секунду. Акжол тоже. И между ними на мгновение повисло другое молчание. «Когда-нибудь». Как будто у этого знакомства уже существовало будущее. Анна первой отвела глаза к морю. — Я имела в виду... — Я понял. — Что именно вы поняли? — Что мне придется когда-нибудь что-то приготовить. Она посмотрела на него. Он спас ее от необходимости объясняться. И сделал это настолько естественно, что Анна почувствовала благодарность. Еду принесли быстро. Акжол действительно выбрал отлично. Они ели, спорили о том, можно ли считать сладкий соус преступлением против хорошей рыбы, обсуждали местную кухню и снова смеялись.

И именно в этот момент появился Сапар. Анна сначала увидела мужчину, который остановился у входа на террасу и несколько секунд смотрел на Акжолу с таким выражением, будто обнаружил пропавшего родственника в международном розыске. Рядом с ним стоял второй мужчина. Он смотрел еще выразительнее. Акжол заметил их. И тихо сказал: — О нет. — Что? — Катастрофа. Анна обернулась. Мужчины уже шли к ним. Первый был крепкий, широкоплечий, с уверенной походкой и лицом человека, который привык смотреть на жизнь с иронией. Второй двигался почти театрально, словно даже обычный поход к столу требовал определенной сцены. — Акжол! — воскликнул второй. — Живой! Несколько посетителей обернулись. Акжол закрыл глаза. — Аманжол... — Мы потеряли человека! — продолжил тот. — Утром проснулись — человека нет. Кофе нет. Телефона нет. Сапар спокойно добавил: — Телефон у него был. — Не разрушай драматургию. Анна уже улыбалась. Аманжол посмотрел на нее. Остановился. Потом медленно перевел взгляд на Акжолу.

Потом снова на Анну. — А-а-а. Акжол мгновенно напрягся. — Даже не начинай. — Я ничего. — У тебя лицо уже разговаривает. Сапар протянул Акжолу руку, затем повернулся к Анне. — Сапар. — Анна. — Очень приятно. Он говорил совершенно нормально, но Анна заметила, как быстро его взгляд оценил ситуацию. Не ее. Именно ситуацию. Рядом Аманжол уже улыбался. — А я Аманжол. — Я догадалась. — Уже рассказывал? Анна посмотрела на Акжолу. — Частично. Аманжол схватился за сердце. — Надеюсь, только хорошее. — Нет.

Сапар рассмеялся. — Значит, правду. Аманжол придвинул свободный стул. — Можно? Акжол посмотрел на него. — А если я скажу нет? — Тогда я сяду к Сапару на колени. — Не надо, — быстро сказал Сапар. Они сели. Первые несколько минут разговор был немного осторожным. Сапар явно наблюдал за Акжолом, Аманжол — за Анной, а Анна наблюдала за обоими и прекрасно понимала, что происходит. — Значит, вы познакомились здесь? — спросил Сапар. — Вчера, — ответила Анна.

Аманжол посмотрел на Акжолу. — Вчера?! — Да. — И сегодня он встал раньше десяти? Акжол вздохнул. — Замолчи. — Анна, вы не понимаете масштаба события. — Уже начинаю понимать. — В отпуске Акжол утром существует только теоретически. — Сапар. — Я молчу, — сказал Сапар. — Никто из вас не молчит. Анна смеялась. И постепенно напряжение ушло. Аманжол оказался именно таким, каким Акжол его описывал: артистичным, шумным, добродушным и совершенно неспособным не комментировать происходящее. Сапар был спокойнее, но его редкие реплики оказывались точнее и смешнее. В какой-то момент Аманжол посмотрел на Анну. — Вы давно отдыхаете? — Несколько дней. — Одна? Акжол мгновенно бросил на него взгляд. Аманжол поднял руки. — Просто спросил. Анна спокойно ответила: — Одна. Сапар отпил воду. — Смелая женщина. — Почему? — Я бы один с собой неделю не выдержал. — Мы подтверждаем, — сказал Акжол. — Предатели. Обед растянулся почти на два часа. Потом Сапар и Аманжол собрались уходить.

Аманжол пожал Анне руку. — Очень приятно познакомиться. — Взаимно. Он повернулся к Акжолу. — Мы тебя не ждем. — Я не спрашивал. — Просто информирую. Сапар хлопнул друга по плечу. — Вечером увидимся. И уже отходя, бросил Анне: — Берегите его. Акжол повернулся. — Сапар! Тот только поднял руку. Анна рассмеялась. — Хорошие друзья. — Ужасные. — Вам повезло. Акжол посмотрел вслед друзьям. — Да. В голосе его на этот раз не было шутки. Они снова остались вдвоем. После обеда жара стала сильнее, поэтому решили пройтись по тенистой части набережной. Анна купила мороженое, Акжол — холодный кофе, и некоторое время они просто бродили среди маленьких магазинов, фруктовых лавок и сувенирных палаток. Возле одной лавки Анна остановилась у украшений. Не дорогих. Простых морских браслетов, кулонов, ракушек. Она рассматривала их без особого интереса, когда почувствовала, что Акжол стоит слишком близко. Не касаясь. Но близко. — Вам что-то нравится? — спросил он.

— Нет. — Вы уже пять минут смотрите. — Я просто смотрю. — Понятно. Анна повернулась. — Что опять понятно? — Ничего. Она улыбнулась. — Учитесь. К вечеру они снова оказались у моря. Солнце уже начало опускаться, жара стала мягче. Небо меняло цвет, над водой появлялись золотистые полосы. Анна сидела на песке, поджав ноги. Акжол рядом. Их плечи иногда соприкасались. Теперь никто не делал вид, что это случайность. — Хороший день, — сказала Анна. — Очень. — Хотя вы разрушили мои планы. — Какие? — Я собиралась читать. — Серьезная потеря. — Я вообще-то люблю читать. — Я тоже. — Не верю. — Почему? — Вы слишком много разговариваете. Он усмехнулся. — С вами.

Анна повернула голову и встретилась с взглядом Акжолу. На этот раз он смотрел на нее долго и без привычной улыбки, и в его лице было что-то новое, едва уловимое, но уже не похожее на легкий интерес случайного знакомого. До вечера Акжолу вполне удавалось относиться ко всему просто: прогулка, море, разговоры, хорошая компания. Теперь это объяснение почему-то перестало работать. Ему не нравилась мысль, что завтра Анна займётся своими делами, а через несколько дней они вообще разъедутся. Слишком быстро для такого желания, подумал он и отвернулся к морю, сердясь уже на самого себя.

Анна заметила перемену и тихо спросила: «Что?» Акжол почти сразу ответил: «Ничего», но она уже знала это его «ничего» и потому усмехнулась: «Опять?» Он чуть улыбнулся и, помолчав, признался: «Думаю». «Это опасно?» — спросила Анна. «Иногда», — ответил он. Она повернулась к нему внимательнее: «О чем?» Акжол провел ладонью по теплomu песку,

будто собираясь с мыслями, и сказал: «О том, что все это немного странно». Анна приподняла брови. «Что именно?» Он посмотрел на нее и после короткой паузы произнес: «Я знаю вас два дня». Анна тут же поправила: «Один день и вечер». Акжол усмехнулся: «Вы считаете?» — «Я юрист». — «Конечно». Он снова посмотрел на море и уже тише добавил: «Но ощущение такое, будто гораздо дольше».

Анна замолчала: ей самой уже приходила эта мысль. Они были знакомы меньше двух суток, а обычной неловкости новых людей почти не осталось. Она знала слишком мало о его жизни, он — о её, но разговаривать, молчать и спорить с ним почему-то было проще, чем следовало бы после одного случайного знакомства у воды.

Анна некоторое время смотрела на море, а потом спокойно сказала: «Это отпуск». Акжол взглянул на нее: «Возможно». — «Здесь вообще время идет иначе». — «Возможно». Анна улыбнулась: «Вы со мной соглашаетесь?» Он медленно покачал головой. «Нет». — «А что тогда?» Акжол выдержал паузу и ответил: «Просто не хочу с вами спорить». Анна рассмеялась: «Вот это действительно тревожный симптом». Акжол тоже рассмеялся, и разговор снова стал лёгким. Но фраза про «будто гораздо дольше» никуда не делась. Анна ещё могла назвать всё происходящее отпускным знакомством, кофе и хорошей компанией — просто теперь ей приходилось напоминать это себе чуть чаще.

Вечером Акжол снова провожал её к отелю, и до входа они почему-то шли заметно медленнее, чем требовала дорога. Набережная снова наполнялась огнями, из ресторанов доносилась музыка, от моря тянуло прохладой, а вокруг них продолжалась обычная курортная жизнь. Возле входа Анна остановилась и сказала: «Спасибо за день». Акжол ответил: «Вам спасибо». Она сразу добавила, словно заранее ставя границу: «Завтра у меня вообще-то есть планы». Он кивнул: «Я понял». — «Серьезные». — «Конечно». — «Я могу быть занята». — «Безусловно». Анна прищурилась. «Вы опять мне не верите?» Акжол улыбнулся: «Верю». — «По лицу не видно». Он помолчал и спросил: «Во сколько завтрак?» Анна не выдержала и рассмеялась. «Даже не думайте снова стоять сорок пять минут у отеля». — «Хорошо». — «Я серьезно». — «Я понял». Она посмотрела на него строже: «Акжол». — «Что?» Анна чуть заметно улыбнулась и все-таки сказала: «Не приходите слишком рано». Несколько секунд он молча смотрел на нее, а потом ответил: «Договорились».

Анна повернулась к дверям, сделала несколько шагов и на этот раз не оглянулась, хотя очень хорошо чувствовала его взгляд спиной. В прохладном холле Анна поймала себя на улыбке и сердито спрятала её, уткнувшись в телефон. Акжол ещё немного постоял у входа, потом всё-таки пошёл к своему отелю. Вчера они были случайными знакомыми с пляжа. Сегодня оба уже слишком хорошо знали, во сколько другой обычно приходит к морю.

8. До свидания, Анна

Когда Акжол наконец вернулся в отель, было уже далеко за десять. В коридоре царила та особенная гостиничная тишина, которая наступает после насыщенного курортного дня: где-то приглушенно работал телевизор, за одной из дверей плакал уставший ребенок, вдалеке негромко хлопнул лифт. Акжол открыл дверь своего номера и зашел. Следом раздался стук, он открыл. В номер ввалились Сапар и Аманжол. Акжол и сразу понял, что его ждали. Сапар сел в кресле возле балкона с видом человека, которому пришлось пережить тяжелое предательство, а Аманжол полулежа расположился на кровати, сложив руки на животе. В комнате повисла такая выразительная тишина, что Акжол остановился и подозрительно посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Что? — спросил он. — Ничего, — ответил Сапар. — Совершенно ничего, — трагическим голосом подтвердил Аманжол. Акжол закрыл дверь, бросил карточку-ключ на стол и снял обувь. — По вашим лицам вижу, что сейчас начнется. — А что должно начаться? — невинно удивился Сапар. — Мы люди взрослые, самостоятельные. Мы уже научились жить без тебя. — Особенно тяжело было первые сутки, — добавил Аманжол. — Потом стало легче. Сегодня мы даже самостоятельно пообедали. — Поздравляю. — Спасибо. Было непросто. Официант дважды спрашивал, будем ли мы ждать третьего. Я крепился. Акжол рассмеялся и направился к холодильнику за водой. — Я вам что, жена, чтобы вы меня ждали? Аманжол медленно сел на кровати. — Вот! Слышал, Сапар? Уже агрессия. А ведь прошло всего два дня. Еще позавчера был нормальный человек. Прилетели втроем отдыхать. Втроем! Я специально всем объяснял: мужской отпуск, друзья детства, море, разговоры о жизни. Все семьи проявили сознательность. И что получилось? Один из участников группы исчез практически сразу после прибытия.

Сапар, не меняя серьезного выражения лица, кивнул: — Туристическая группа понесла потери. — Именно. Причем тело не найдено. Иногда появляется вечером, принимает душ, спит, утром снова исчезает. Акжол открыл бутылку и сделал несколько глотков. — Вы оба ненормальные. — Мы одинокие, — поправил Сапар. — Это другое. — Ты женат. — В данный момент я одинок духовно. Моя жена далеко. — Позвони ей и расскажи. Сапар сразу посерьезнел. — Не надо вмешивать женщину в мужские разговоры. Аманжол хмыкнул, а Акжол, покачав головой, вышел на балкон. Друзья, разумеется, последовали за ним. Ночь была теплая, с моря тянуло влажной прохладой, внизу мерцали огни бассейна, а дальше, за территорией отеля, темнела широкая полоса моря. Акжол оперся на перила. Сапар сел в плетеное кресло, Аманжол устроился напротив и некоторое время демонстративно молчал, хотя всем было очевидно, что надолго его не хватит. Не хватило секунд двадцать. — Ну? Акжол даже не повернулся.

— Что «ну»? — Где был? — Гулял. — Мы тоже гуляли, — сказал Сапар. — Но почему-то периодически видели друг друга. — Поздравляю еще раз. Аманжол прищурился. — С Анной? Акжол помолчал секунду и ответил спокойно: — С Анной. Аманжол тут же посмотрел на Сапара с выражением человека, только что выигравшего крупное пари. — Я говорил. — Что ты говорил? — Что он опять с ней. — Это было нетрудно предположить, — заметил Сапар. Акжол обернулся. — А вам заняться нечем? — Мы уже всем занялись, — ответил Аманжол. — Море видели. Бассейн видели. Ресторан видели. Старый город видели. Даже магазин сувениров видели. Теперь хотим увидеть тебя. — Вот он я. — Нет. Это кратковременное явление. Через восемь часов снова исчезнешь. Акжол усмехнулся, но Сапар смотрел на него внимательнее. В отличие от Аманжолы он шутил меньше и слишком хорошо знал друга, чтобы не замечать очевидного: Акжол действительно изменился за эти два дня. Не глобально, не настолько, чтобы можно было говорить о чем-то серьезном, но в нем появилась какая-то непривычная легкость.

Он чаще улыбался, был рассеян, иногда замолкал посреди разговора, а утром, что само по себе выглядело почти медицинской аномалией, добровольно вставал раньше всех.

— Салтанат звонила? — неожиданно спросил Сапар. Улыбка на лице Акжолы чуть померкла. — Писала. Аманжол тоже перестал дурачиться. — Что пишешь? — Ничего. Спрашивает, как отдыхаем. — А ты что отвечаешь? Акжол пожал плечами. — Что нормально отдыхаем. Сапар посмотрел на него. — Про Анну сказал? — Нет. Ответ прозвучал спокойно, но после него возникла короткая пауза. — Почему? — спросил Сапар. Акжол повернулся к морю. — А зачем? — Не знаю. Поэтому спрашиваю. — Что я должен ей написать? «Привет, Салтанат, познакомился на пляже с женщиной, второй день гуляю с ней по берегу»? Аманжол задумался. — Я бы не советовал. — Спасибо. — Я вообще за мир во всем мире. Сапар усмехнулся, но продолжал смотреть на Акжолу. — У вас с Салтанат что сейчас? — В смысле? — В прямом. Акжол раздраженно вздохнул. — Сапар, давай не будем. — Хорошо. Сапар действительно замолчал, и это почему-то оказалось хуже дальнейших вопросов. Акжол знал этот прием еще со школы. Сапар никогда не вытаскивал из человека ответ силой. Он просто задавал один вопрос, а потом сидел молча до тех пор, пока собеседник сам не начинал говорить.

— Нормально у нас, — наконец сказал Акжол. — Я ничего не спрашиваю. — Вот именно поэтому и бесишь. Аманжол посмотрел с одного на другого. — Мне одному кажется, что слово «нормально» в отношениях означает примерно то же самое, что лампочка «Check Engine» в машине? Сапар рассмеялся. Даже Акжол не удержался. — Специалист нашелся. — У меня богатый жизненный опыт. — Богатый? Ты ни разу не был женат. — Формальности. Эмоционально я прожил минимум три брака. — Все три женщины об этом знали? — Если вы сегодня решили разрушить мою репутацию, я уйду спать. Он не ушел. Некоторое время друзья молчали. Потом Аманжол вдруг мечтательно протянул: — Анна, конечно... Акжол повернул голову. — Что Анна? — Красивая. — И? — А что «и»? Я просто констатирую объективную реальность. Сапар кивнул: — Очень красивая женщина. Акжолу неожиданно не понравилось, что они обсуждают ее внешность. Хотя еще вчера он сам рассказывал им о знакомстве и прекрасно понимал, что ничего особенного друзья не говорят.

— Ну красивая. Дальше что? Аманжол посмотрел на него с интересом. — Ты чего напрягся? — Я не напрягся. — Напрягся. — Не выдумывай. — Я двадцать лет знаю твое лицо. — Тридцать, — поправил Сапар. — Тем более. Я эксперт по этому лицу. Сейчас оно говорит: «Не смотрите на мою Анну». Акжол резко повернулся. — Какую еще «мою»? Аманжол поднял обе руки. — Всё-всё. Чужая Анна. Независимая Анна. Суверенная Анна. Международно признанная территория. Сапар расхохотался. Акжол тоже не выдержал, вспомнив их первый спор из-за белого камня. — Идиот. — Зато наблюдательный. Аманжол откинулся в кресле и посмотрел в ночное небо. — Но женщина действительно потрясающая. Я сегодня, когда увидел ее нормально при свете, сначала вообще не понял, сколько ей лет. Акжол посмотрел на него внимательнее. — А сколько бы дал? — Не знаю. Тридцать с небольшим. — Она старше меня на десять лет. Аманжол медленно повернул голову. — На сколько? — На десять. — Не может быть. — Может.

— Она сама сказала? — Да. Аманжол мгновение переваривал информацию, затем посмотрел на Сапару. — Ты слышал? — Слышал. — Десять лет! — И что? — Ничего. Я восхищаюсь достижениями современной цивилизации. Акжол засмеялся. — Какими еще достижениями? — Не знаю. Генетикой. Морским воздухом. Хорошими людьми. Она вообще на свой возраст не выглядит. Сапар согласно кивнул. — Это правда. Я бы тоже не дал. — Вот! — оживился Аманжол. — При чем она не выглядит женщиной, которая из всех сил пытается казаться моложе. Это сразу видно. Никаких этих... — он замахал руками, пытаясь подобрать определение, — отчаянных попыток доказать паспортному столу, что он ошибся. Она просто выглядит молодой. — И очень эффектной, — добавил Сапар. — Безумно красивой, — с чувством сказал Аманжол и прикрыл глаза. — Эти волосы... Акжол медленно повернулся к нему.

— Что волосы? Аманжол открыл один глаз. — Рыжие. — Я вижу. — Я просто сказал. — Ты слишком мечтательно сказал.

Сапар уже смеялся.

Аманжол выпрямился в кресле и вдруг с совершенно серьёзным видом заявил, что готов проявить настоящее мужское и дружеское благородство. Акжол сразу посмотрел на него с подозрением. — Какое ещё благородство? — Ну смотри, — мечтательно начал Аманжол. — У тебя Салтанат, обязательства, всё сложно. Анна — женщина потрясающая. Да, я уже понял, что она замужем, так что прошу не записывать меня в разрушители семей. Но чисто гипотетически, в другой юридической реальности, я бы сам на ней женился. Сапар согнулся от смеха, а Акжол посмотрел на друга так, точно всерьёз оценивал расстояние до балконных перил. — Ты её два часа знаешь. — А сколько надо, чтобы понять, что женщина красивая, умная и с юмором? Я не предложение делаю, я фиксирую стратегический потенциал. — Особенно мощный с учётом её мужа, — заметил Сапар. — Вот поэтому вы, женатые и почти женатые, всегда цепляетесь к мелочам, — вздохнул Аманжол. — Я говорю о прекрасном, а вы тащите в разговор семейное право.

Аманжол медленно повернул голову и с удовольствием посмотрел на Акжолу. — О-о-о... А вот это уже интересно. Акжол сразу понял, что сказал лишнее. — Что интересно? — Ты реагируешь так, будто я не пошутил, а уже заказал кольца. — Потому что шутка идиотская. Она замужем. — Именно, — невозмутимо согласился Аманжол. — И у тебя Салтанат. То есть в этой комнате только я один юридически безупречен. Сапар рассмеялся. — Юридически, может быть. Психиатрически — вопрос открытый. Аманжол пропустил замечание мимо ушей и снова повернулся к Акжолу: — Но ты всё равно напрягся. — Я не напрягся. — Конечно. Ты просто очень сердито защищаешь семейное положение женщины, которую знаешь два дня. Акжол хотел возразить, но замолчал, и именно эта пауза оказалась для друзей красноречивее любого ответа.

Сапар засмеялся, а Акжол уже собирался ответить какой-нибудь грубостью, но неожиданно замолчал. Шутка была совершенно дурацкой, он это понимал. Аманжол мог с одинаковой серьёзностью предложить жениться на официантке, стюардессе или женщине с рекламного плаката, просто чтобы посмотреть на реакцию друзей. Но почему-то именно сейчас сама мысль о том, что Анна может заинтересоваться Аманжолом или любым другим мужчиной, отозвалась внутри неприятным, коротким уколом. Акжол тут же разозлился на самого себя. Какое ему вообще дело? Он знает её всего два дня. Между ними ничего нет. У него Салтанат, у Анны своя жизнь, и никто никому ничего не обещал. Однако ощущение уже возникло, быстрое и почти инстинктивное, и именно поэтому особенно раздражающее.

Аманжол некоторое время изучал лицо друга, затем вдруг довольно сказал: «Нет, Сапар, ты посмотри. Я еще даже не женился, а человек уже ревнует». — «Я не ревную», — мгновенно ответил Акжол. — «Конечно». — «Вообще». — «Безусловно». — «Аманжол...» — «Всё, молчу. Анна официально исключена из моего брачного плана. Пока». В него тут же полетела подушка, и Сапар снова рассмеялся так громко, что пришлось напомнить обоим, что за стеной все-таки живут люди. Акжол бросил в него диванной подушкой, которую прихватил с кресла. Аманжол поймал ее и прижал к груди. — Вот! Агрессия! А говорил — просто знакомая. — Еще раз предложишь жениться на ней — будешь спать на пляже. — Почему? Ты же не собираешься. — Причем здесь я? — Вот и я спрашиваю: причем здесь ты? Акжол открыл рот, собираясь ответить, и неожиданно замолчал. Сапар это заметил. Аманжол тоже. И впервые за весь вечер никто не пошутил. Акжол отвернулся к морю. Конечно, Аманжол дурачился. Через минуту он уже забудет собственное предложение, а утром найдет новую тему для спектакля. Но сама мысль — представить Анну рядом с другим мужчиной, даже в такой откровенно нелепой форме, — почему-то неприятно задела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.